

МАГДА НЕЙМАН

АРМЯНЕ

МАГДА НЕЙМАН

АРМЯНЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ИХ ИСТОРИИ

И

СОВРЕМЕННОГО

ПОЛОЖЕНИЯ

«ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ»

(Приложение)

ЕРЕВАН

1990

ББК 63.3(2Ар)

Н 449

Нейман М.

Н449. Армяне: [История, культура]. — Ер.: «Литературная Армения», 1990, 304 стр.

Предлагаемая вниманию читателей книга Магды Нейман вызовет, видимо, далеко не однозначную реакцию. Тому немало причин, одна из которых — ее острополюемический характер. Далеко не бесспорны суждения и выводы автора, но стремление к объективному показу истории и культуры одного из дрезнейших народов мира, попытка анализа проблем, многие из которых актуальны и сегодня, представляют несомненный интерес.

ББК 63.3(2Ар)

ВОЗВРАЩЕНИЕ «АРМЯН»

Чрезвычайно опасно предлагать вниманию читателей книгу, о которой многие слышали, но мало кто читал. Опасно потому, что легендарная слава книги может не совпасть с ее реальным содержанием. Но опасность эта грозит не столько книге, сколько читателю, обреченному пополнять свои знания за счет санкционированных пересказов или устных преданий.

Основной массив материалов этой книги — а предлагается она читателю практически без сокращений — сложился в 80—90-е гг. XIX в., в последний год которого она и была опубликована. К этому времени вчерашним днем уже были Сан-Стефанский договор [1878] и Берлинский трактат [1878], обязывающий Турцию незамедлительно осуществить армянские реформы и обеспечить безопасность армян (§ 61). Находящийся у власти 34-й султан Турции Абдул-Гамид II решил, что безопасность армян легче всего обеспечить на том свете, — и весь мир узнал об ужасах массовой Сасунской резни [1894], об армянском геноциде, однако вершители судеб мира сделали вид, что ничего не произошло. В который раз политические интересы и амбиции великих держав не совпали с интересами уничтожаемого малого народа, названного Ф. Нансеном в заглавии его книги «Преданный народ». Так было. Увы, так есть...

Многие писатели и публицисты России, вопреки правительственной политике, пытались привлечь к трагедии армян внимание общественности; например, Г. А. Джаншиев издает «Армянский вопрос в Турции» [1983], «Братскую помощь пострадавшим в Турции армянам» [1897—98], А. В. Амфитеатров выезжает в Константинополь, пишет оттуда статью в защиту армян, публикует «Армянский вопрос» [1906], капитальный труд «Армения и Рим» [1915],

буют в колокола тревоги все армянские издания. Привлечь общественное внимание к судьбе армянского народа должна была и книга Магды Нейман. Книга эта не роман, не этнографическое исследование, не научный труд, не справочник, и было бы нелепо с возмущением обнаруживать в ней хронологические и фактические неточности; не место сейчас заниматься и проблемой авторской атрибуции. Задачи книги были намного скромнее — рассказать в популярной форме о том, кто такие армяне, носителями какой культуры они являются, какова их история, каков их сегодняшней день, каким видится завтра.

Своим Вергилием в горестном мире армянских реалий и судеб Магда Нейман избрала довольно известного публициста Г. Н. Никогосова, чьим влиянием и объясняется та несвойственная книгам полемическая эмоциональность, которая порою переходит границы достойного, особенно в заочном споре с редактором газеты «Мшак» Г. Арцруни. Здесь автор часто нарушает благородный закон, сформулированный древними для всех пишущих: «Sine ira et studio» — без гнева и пристрастия. Хотя страстность эта понятна — речь ведь шла о судьбе народа, и программа либералов с требованием активного армянского сопротивления, которой придерживались мшакисты, Г. Никогосову (с учетом уже состоявшейся резни) казалась категорически неприемлемой, вызывающей новые вспышки геноцида. Автор полагал, что необходимо вести более гибкую неконфронтационную с Турцией политику уступок, увещеваний и просьб. Г. Никогосов, предсказывая новый геноцид, оказался прав. Но это вовсе не означает, что предлагаемая им программа спасла бы армян от резни. Проверить сие невозможно, ибо история черновиков не пишет и не существует в сослагательном наклонении.

Опираясь на историческую дистанцию и несколько перефразировав Герцена, можно, не затрагивая сути спора, утверждать со всей очевидностью: хотя Г. Никогосов и Г. Арцруни, как двуликий Янус, смотрели в разные стороны, сердце у них было одно,

и дышало это сердце одним чувством — любовью к Армении.

В истории не бывает белых пятен и лакун — они выдумываются владыками мира и их псевдонаучной челядью, руководствующейся одним лишь принципом — «Что прикажете!». Именно эта челядь и сокрушает на пути к истине потемкинские деревни кастрированной истории, гугаги «Краткого курса» и могильники спецхранов. Но, по счастью, как сказано, рукописи не горят.

Поэтому и возвращаются сегодня к читателю «Армяне» Магды Нейман.

АЛЕКСАНДР АСЛАНЯН

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Просвещение и литература у армян. Заслуги их в России, Турции, Персии и других государствах	8
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Критическая оценка исторической жизни гайканского народа	56
Армяне и ассирияне	63
Армяне и мидяне	64
Армяне, лидийцы и вавилоняне	64
Армяне и парфяне	64
Армяне и римляне	66
Армяне и персы	67
Армяне и византийцы	68
Армяне и арабы	69
Армяне, византийцы, турки-сельджуки и турки-османы	71
Армяне в Киликии. Византийцы, турки-сельджуки, татары, туркмены, египтяне и крестоносцы	74
Торос I Рубенид	76
Торос II Рубенид	76
Левон II Рубенид	80
Заключение	84
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Об армянском народе	112
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Об армянской интеллигенции в России	156
Краткий словарь имен и географических названий	225

Я вовсе не имела в виду издать отдельной книгой на русском языке сборник моих статей об армянах, которые напечатаны в немецком еженедельном журнале «Neue Revue»^{*)}, издававшемся в С.-Петербурге, но я решилась на это, уступая просьбам некоторых заинтересовавшихся ими лиц.

В первой части изстоящего сборника я представила краткий очерк культурного развития армян, но полагаю, что он может служить и достаточно полным конспектом для желающих основательнее ознакомиться с духовной стороной их жизни.

Во второй части я коснулась политической истории древних армян, причем сочла целесообразным сопоставить здесь мнения двух писателей, разбирающих существенные основы политической жизни гайканского народа и объясняющих факты с разных точек зрения. При изложении доводов второго из них приводятся вместе с тем наиболее важные места из страниц армянской истории, чем восполняется пробел в недостаточных по ней сведениях для тех, которые мало знакомы или вовсе не знакомы с этой историей.

В следующем труде, под заглавием Армянка, мною будет представлено возможно полное изображение характерных особенностей армянской женщины и её выдающегося значения в бытовой и общественной жизни своего народа с древнейших времен до наших дней.

МАГДА НЕЙМАН

С.-Петербург
1898 г.

^{*)} См. «Neue Revue» №№ 42, 44, 48 за 1896 г. и № 5, 7, 11 и 16 за 1897 г. Эти статьи при переводе значительно расширены.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРА У АРМЯН. ЗАСЛУГИ ИХ В РОССИИ, ТУРЦИИ, ПЕРСИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ

I.

Начиная с XIII столетия в Западной Европе многие стали заниматься исследованием сопредельных с Россией восточных стран в историческом, географическом, этнографическом и естественнонаучном отношениях. Назову хотя бы следующие имена: Марко Поло, Виллебрандт, Раувольф, Пулле, Тавернье, Шиллингер, Турнефор, Джон Ганвей, Фридр. Паррот, Дж. Джаксон, Амедей Жобер, фон-Клапрот, Джемс Брант, Дюбуа де Монперье, Вил. Гамильтон, Фел. Векки, фельдмаршал Мольтке, Шарль Тексье, Мориц Вагнер, Анри Гарнье, Ал. де Бьянки, Дж. Г. Тайлор (бывший английский консул в Армении), Гаммер, Вебер, Шлоссер и множество других.

В трудах этих авторов уделялось всегда более или менее значительное место армянам как деятельному и прогрессивному элементу в восточных государствах. Европейские нации интересовались и знакомились с прошлым и настоящим армян, не имея с ними почти никаких непосредственных сношений. Но дошла ли хотя бы часть свидетельств этих лиц до русской публики и знает ли она даже тех армян, которых она должна бы знать после более чем векового близкого общения с ними? Судя по статьям, в изобилии появившимся об армянах в русской периодической печати в последние два-три года, к сожалению, вовсе не видно, чтобы и сами русские публицисты имели о них сколько-нибудь основательное понятие...

Из русских писателей армянами и их историей занимались: Серг. Никол. Глинка, Платон Зубов, Андрей Никол. Муравьев, Ив. Шопен, ген.-лейт. Викт. Аф. Абаза и ген.-майор Вас. Александр. Потто. В разное время появлялись также путевые заметки, воспоминания и мимолетные впечатления, остающиеся разбросанными по разным русским газетам и журналам.

* * *

Армяне принадлежат к семье народов арийской расы, следовательно, они одного происхождения с индусами, персами, греками, италиками, кельтами, германцами, литовцами и славянами. Как ни различна была судьба этих народов, однако близкое родство между ними обнаруживается в сходстве их языков. Древнеарийское наречие индусов—санскрит, древнеарийское наречие персов—Zend, древнеармянский язык—грабар и все основные европейские языки не только имеют множество одинаковых корней и сходных слов, но и по грамматическому построению представляют одну, тесно сплоченную семью.

Учение Христа армяне приняли раньше всех других народов, в лице своего царя Абгара. Он был современником Спасителя, к Которому отправил послов с приглашением Его в свою столицу Едессию*), но Спаситель Сам не мог прийти, а впоследствии пришел к Абгару апостол Фаддей (Тадевос), и царь принял от него крещение со всем своим двором. Другим апостолом, проповедовавшим слово Божие в Армении, был Варфоломей (Бартулгмеос). По смерти Абгара христианство не находило поддержки со стороны его преемников, на которых имели больше влияния римские императоры и родственные армянским царям персидские Аршакиды. Вследствие этого около трех сто-

*) Нынешняя Урфа (в Диарбекирском вилайете), в которой было сожжено и вырезано турками с лишком десять тысяч армян в 1895 году.

летий учение Христа терпело стеснение в Армении, пока окончательно не восторжествовало в 301 году при царе Трдате. Поборником христианства в Армении явился св. Григорий Просветитель (257—317 гг.), которого признает святым также православная русская церковь и празднует 30 сентября (12 октября) память его, как священномученика Григория, епископа Армении.

После св. Григория христианство бесповоротно утвердилось в Армении, и никакие политические потрясения, никакие гонения со стороны язычников и магометан не могли уже поколебать его. Армяне остались верными постановлениям своего первоучителя и ни на йоту не отступили от них, несмотря на усилия византийских императоров склонить армян к воссоединению с греко-восточной церковью и стремление римской курии подчинить их духовному главенству пап. Католические и протестантские миссионеры в течение целого столетия, начиная с 70-х годов прошлого века, едва могли отторгнуть от армяно-григорианской церкви менее одной тридцатой части ее паствы, и то — пользуясь крайне стесненным положением армян в Турции*).

Преемники св. Григория Просветителя по епископству называются верховными патриархами-католикосами всех армян и имеют своим местопребыванием Эчмиадзинский монастырь, близ древней армянской столицы Вагаршапат, в Эриванской губернии.

Монастырь этот построен в 303 году. Неоднократные впоследствии перестройки не изменили того стиля, в каком он был сооружен первоначально. Гора Арарат, освященная библейским сказанием о Ноевом ковчеге, находясь в близком расстоянии от монастыря, придает особенное значение этой армянской святыне, которую чтит русские монархи и персидские шахи. Из первых посетил и

* После ужасных событий последних лет тысячи армян в Малой Азии, оставшихся без крова и пищи и без всякой защиты со стороны христианских держав, во избежание насильственного обращения в магометанство были вынуждены принимать веру тех христианских народов, которые спасали их от голодной смерти. Перемена веры ставилась, конечно, главным условием такой «братской помощи».

молился в нем Император Николай Павлович, а из последних — Надир-шах и Наср-Эддин-шах.

До 406 года армяне не имели собственных письмен, и богослужение совершалось на сирийском или греческом языке. Народу, обладавшему весьма богатым языком, доходившим в высших слоях общества до утонченного совершенства, не могло быть по душе чтение священных книг на непонятных ему языках. Ощущалась настоятельная потребность в изобретении армянских букв и в переводе священного писания. Буквы изобрел в сказанном году ученый монах Месроп. Он же взялся за перевод Библии, при деятельном участии католика Саака. Эти два мужа открыли новую эру для умственного возрождения армян. Они учредили по всей Армении множество школ, из которых вышли хорошие проповедники и писатели, в свою очередь основавшие новые школы и распространявшие грамотность в народной массе.

Кроме того Саак и Месроп послали сорок молодых людей из наиболее способных своих учеников в Александрию, Афины и Византию для слушания там курсов риторики, философии и истории. Они должны были проработать в этих ученых центрах не менее семи лет и выдержать испытания наравне со своими греческими товарищами. Многие вернулись на родину с лавровыми венками, присужденными им на состязаниях.

Ученики Саака и Месропа не были, однако, первыми, обратившими внимание иноземных ученых на богатые способности армянской молодежи. Эта молодежь отправлялась в Грецию еще в первой половине четвертого века и блистала там на ученом поприще. Так, в честь одного из них, Паруйра, известного у римлян под именем Proëresius'a, был даже поставлен в Риме памятник с надписью «Regina reginarum Roma — regi eloquentiae» (Царица цариц Рим — царю красноречия).

Из числа вышеупомянутых сорока учеников Саака и Месропа известны как богословы и писатели: Иосиф из Вайоц-Дзора, Левонд Ванандский, Езник Кольпский, Корюн Чудесный, Иосиф Пагнский, Иоанн Екелецийский и др. За ними последовали Моисей Хоренский (общеизвестный историограф), Мам-

бре, философ Давид Непобедимый, Гют, Егише (прославленный автор эпической истории борьбы христианства с персидским маздеизмом в V ст.) Иоанн Мандакуни, Лазарь Парлский и др. Почти все они принимали участие, с Сааком и Месропом, в переводе священного писания. На перевод Библии, по-видимому, было обращено особое внимание, так как по точности и образцовому языку этот перевод считается, по мнению европейских знатоков, наилучшим из переводов на всех других языках.

* * *

V-й век замечателен в истории армян весьма тревожным характером. Персидские цари Сасанидской династии находились в это время на вершине своего могущества. В политических видах они стремились к религиозному объединению соседних народов с персидской монархией. На этом пути армяне являлись им большим тормозом: отвергая с негодованием навязываемое им учение Зороастра, армяне служили дурным примером для близких им грузин и других народов. К нравственному воздействию на армян были приняты все меры, но ни к чему не привели. Тогда персы решили действовать оружием, дабы сразу покончить с ненавистным им христианством в соседней стране. Грозная армия Иездигерда II, предводимая Мушканом Ньюсалавуртом, была двинута на Армению. Царствовавшая в Армении династия Аршакидов уже не существовала. Нахарары, т. е. армянские удельные князья, по разным причинам не могли дружно действовать. Теснимые с другой стороны византийцами, армяне очутились в весьма критическом положении. Им оставался выбор между принятием язычества или вступлением в неравный бой, с опасностью быть истребленными. Они пошли на второе: ополчились стар и млад. Опытный военачальник, удельный князь Вартан Мамиконян, наскоро собрав довольно сильный отряд и поставив во главе его частей своих братьев и родичей, встретил неприятеля на берегу реки Тгмут, одного из притоков Аракса. В

упорной и кровопролитной битве он был ранен стрелой в грудь и пал 2-го июня 451 г. Персидская армия была настолько обессилена, что лишилась возможности продолжать военные действия в стране ожесточенного народа. Она отступила, чтобы собраться с силами для новых попыток*).

В столь тяжелые времена армянскому народу было не до школ и не до оценки достоинств своих просвещенных сынов. Поэтому одни из них заменили перо крестом и мечом, сопровождая предводителей народного ополчения, а другие удалились в уединенные места для приготовления грядущим поколениям летописей современных им событий. Благодаря таланту и духовным силам этих тружеников, бурный в жизни армян V век стал у них золотым веком литературного расцвета.

Патриотическое и религиозное чувство заговорило в писателях этого периода с такой силой, как будто они порывались духовной мощью возродить родину из развалин и поставить ее наряду с цивилизованными странами своего времени.

Последующие века принесли армянам не меньше бед: нашествия арабов и монголо-татарских орд, постоянная вражда и интриги Византии несколько столетий подрывали Армению в арену жестоких кровопролитий. Но и тогда, среди всех разгромов и потрясений, не угасли в армянах ни дух творчества, ни возвышенный порыв божественного вдохновения. Появился большой ряд историков-моралистов и религиозно-поэтических писателей, как-то: Иоанн Мамиконян, Себеос Багратуни, Моисей Каганкатуаский, иерей Левонд, Тома Арцруни, Степан Таронский, Аристакеос Ластивердский, католикос Саак Чорапорский, католикос Иоанн Философ, Степан Сюнийский, Григорий Нарекский, католикос Петрос Гетадарц, Григорий Магистр, философ Иоанн Оданийский, Ананий Санахнийский, Нерсес Благодатный, Григорий Отрок, Нерсес Ламбронский, Иоанн Воротнийский, Григорий Татевский, протодьякон Иоанн, Григорий Пахлавуни, Хачатур

* Подробное и весьма живое описание вышеизложенных событий дает историк Егише (см. русский перевод П. С. Шаншиева).

Таронский, Иоанн Ерзнкийский, Маттеос Урфайский, иерей Григорий, иерей Самуэль Анийский, монах Вартан (историк и географ), Киракос Гандзакский (из нынешнего Елисаветполя), Степан Орбелиан, инок Магакян, Мхитар Айриванский и др.*).

Вышеназванные авторы жили в период между VII и XIV столетиями. Оставленные ими труды составляют целую библиотеку и переведены на многие иностранные языки, частью целиком, частью в извлечениях. Проф. Лувенского университета в Бельгии, Феликс Нев, посвятивший много лет изучению армянских классиков, в своем капитальном труде «L' Arménie chrétienne et sa littérature», 1886 г. дает полное и законченное понятие о древнеармянской литературе**).

II.

От некоторых армян, интересующихся историческими вопросами своего народа, мне приходилось слышать мнение, что христианство было главной причиной прекращения самостоятельной политической жизни армян сперва в Центральной, Нагорной и Малой Армении, в XI столетии, а затем в Киликии, в XIV веке.

Мнение это имеет за себя довольно веские доводы. Умственное творчество армян, вдохновляемое преимущественно учением Христа, сделавшись достоянием народа, воспитывало его на незыблемых началах этого учения, вполне соответствовавшего духу и нравам армян, их семейным и общественным порядкам, установившимся еще задолго до христианства. Стало быть, для такого народа отречение от учения Христа было равносильно отречению от собственного «я», нарушению освященных

*) При непрерывных нашествиях варваров на Армению, нет сомнения, немало писателей пало под ударами диких азиатов, и плоды их трудов исчезли в общей сумятице. При всем том, Эчмиадзинский монастырь сохранил еще большую коллекцию неизданных рукописей. Такие же рукописи находятся в Парижской библиотеке и Британском музее.

**) В свое время была помещена в «Revue des Deux Mondes» пространная рецензия Бартелеми Сент-Илера почтенного труда этого ученого.

веками традиций и ниспровержению всего строя его внутренней жизни. Последствием же этого была невозможность примирения и сближения армян, после принятия ими христианства, с языческими соседями и завоевателями, перешедшими в ислам.

Такая обособленность христианской Армении должна была гибельно отозваться на ее политической судьбе, в которой цари и нахарары (удельные князья) играли руководящую роль. Находясь во главе борьбы, как выразители народного духа и стремлений, они являлись первыми врагами иноземных властителей другого вероисповедания. Следовательно, желая подавить армян и обратить их в свою веру, эти властители ставили своей непосредственной задачей уничтожение царских династий и нахарарских родов, значит, и государственной жизни в Армении.

Иначе слагалась судьба языческих государств, напр. Персии, где требования христианства мало подходили к народным нравам и учение Корана привилось без особенных трудностей. Такие государства легко сохраняли свою политическую целостность, потому что по принятии ими ислама царствовавшие там династии, идя по общему течению, становились самыми ревностными распространителями новой религии. Вследствие этого никто ничего не имел против них, а наоборот, магометанским завоевателям — арабам и туркам-сельджукам — был прямой интерес удержать, даже усилить государственную власть, установившуюся в Персии и других странах.

Неустанная борьба, которую вели армяне целые века во имя креста, придала их церкви строго национальный характер. В церковные песнопения армян вошли священные гимны-шараканы, задушевные излияния духовных писателей-поэтов в тяжкие минуты отечественных бедствий*). Большинство

*) Шараканы переведены на русский язык покойным профессором Лазаревского института Мкртичем Эминим и составляют довольно объемистый том.

во армян наизусть знает и поет эти гимны вслед за духовным клиром. Им знакомы имена многих авторов, возносивших горячую молитву Всевышнему за избавление христианской отчизны от той или другой опасности. В этих песнопениях порой описываются в общих выражениях даже известные моменты и некоторые подробности пережитой опасности.

Итак, армянская церковь, тесно слившись с историческими судьбами народа, сделалась вполне национальной, более национальной, чем всякая иная церковь. После сказанного ясно, что для каждого армянина перейти в другое христианское вероисповедание значило и значит порвать связь со многовековой духовной жизнью своего народа, с которой он сросся всем своим существом и всеми чувствами своего сердца.

Не говоря уже об армяно-григорианах, но и армяно-католики выступали всегда с энергичной защитой за права национальной церкви, где поются шараканы и богослужение совершается на родном языке. Ярким примером этого может служить двадцатилетняя борьба горсти армяно-католиков в Турции против репрессий всесильного Ватикана.

Эта борьба началась в 1867 году, при константинопольском армяно-католическом патриархе Антони Гасуне, по поводу ограничения церковных прав армяно-католиков. Гасун был по происхождению сириец. Он думал, что его паства, по примеру других католиков, легко примет догмат о непогрешимости папы (1870 г.), а вслед за ним и некоторые нововведения в церковных обрядах и богослуженном языке. Гасун требовал исполнения предписаний папы Пия IX-го, изложенных в энциклике последнего к армяно-католикам. Энциклика начиналась словом «Reversurus», почему и стала называться этим словом. Армяне категорически отвергли все пункты Reversurus'a и заперли свои церкви для Гасуна. Пользуясь заступничеством четырех католических держав — Франции, Австрии, Италии и Испании, патриарх принудил турецкое правительство употребить насильственные меры, с целью отнятия церквей у защитников национальных прав.

Руководство народным движением взял на себя даровитый оратор и неутомимый борец, монах Григорий Энфиеджян. Увидев, что армяно-католические церкви в Константинополе, под угрозой турецких штыков, одна за другой сдаются Гасуну, Энфиеджян с несколькими монахами заперся в церкви св. Иоанна Златоуста в Пере и велел бить в набат. Бесперывный трезвон колоколов привлек к церкви массу народа. Гасун вытребовал опять турецкий батальон, чтобы разогнать оцепивший церковь народ и захватить эту последнюю опору своих противников. Прибывший батальон наткнулся на прижавшихся к стенам церкви женщин и детей, обнаживших грудь перед штыками солдат. Неумолкавший звон, смешавшись с воплем тысячи душ, переполошил всю Перу, где живут представители иностранных держав. С разных концов столицы стали стекаться армяне-григориане, даже греки, на подмогу притесняемым братьям. Из дворца был послан генерал-адъютант султана для переговоров с Энфиеджяном и предупреждения кровопролития. Непреклонный монах и слышать не хотел о каком бы то ни было соглашении. Батальон был отозван, но толпа не распустилась. Двое суток Энфиеджян не спускался с высоты колокольни в ограде церкви, с запертыми воротами. Своей мощной фигурой и пламенными речами он воодушевлял народ, заклинающая его лечь костями под стенами церкви, прежде чем видеть ее в руках папских агентов.

За мужественных борцов вступился наконец тогдашний английский посол в Константинополе, по настоянию которого Порты вручила на третий день Григорию Энфиеджяну султанский берат (грамоту), признав его законным главой анти-гасунитской партии, за которой и осталась церковь св. Иоанна Златоуста. Здесь был учрежден Энфиеджяном постоянный комитет из выборных лиц, которые заведовали делами его партии.

Одержав первую победу, монах-трибун устной и печатной пропагандой довел Гасуна до того, что, совершенно дискредитированный, он не мог более оставаться в Константинополе, был вызван в Рим и в утешение возведен в кардиналы. Вместо него был избран в армяно-католические патриархи епископ

Иоаннес Кюпелиан, но он обманул доверие анти-гасунитов, был низвергнут и бежал в Рим. После этого Энфиеджьян фактически стал главой всей армяно-католической паствы. Ватикану ничего не оставалось, как пойти на полную уступку армяно-католикам, признав в 1888 году все права и неприкосновенность их церкви, не заводя с ними более никакой речи о непогрешимости римского первосвященника.

Многовековая борьба армян против византийцев (V—XI вв.) и против латинян (XII—XIV вв.) вызывалась все тем же стремлением сохранить самобытность своей национальной церкви. Те и другие домогались склонить армян к унии, ведущей к слиянию слабой по пастве церкви с более сильными и к поглощению армянского элемента греческим и латинским. Но безуспешны были их вековые попытки воспрепятствовать армянскому народу молиться на языке, на котором он читал свой мартиролог и черпал в нем новые силы для дальнейшей жизненной борьбы!

III.

Обширная литература армян с языком, не уступающим по совершенству форм и лексикографическому богатству греческому и латинскому, не могла не обратить на себя внимание европейских ученых, которые в начале этого столетия стали изучать и переводить ее на разные языки. Назову имена наиболее известных арменистов: В. Ф. Ринк, Петерман, Нейман, И. М. Шмидт, Лауер, Фридрих Мюллер (проф. Венского университета), Адольф фон-Гутшмидт, Г. Гельцер (проф. Иенского университета); Сен-Мартен, Катрмер, Эд. Дюлорье, Левалянь де Флориваль, Викт. Ланглуа, Эварест Прюдом, Эжен Боре, Мариус Броссе (бывший член русской академии наук), Поль Лагард, А. Карьер, Гаттериас, братья Уостон, Ф. С. Конибер (проф. Оксфордского университета); Томазео, Капелетти, Эмилио Теза (проф. Падуанского университета); Софус Бюге—норвежец, Феликс Нев—бельгиец, А. Баумгартнер—швейцарец, и др. Из русских арменологов наиболее известны: Алек. Худабашев, Мкртич

Эмин, Петр Шаншиев и Керопэ Патканов, все четверо армяне.

Эти ученые доказывали безусловную необходимость основания кафедр армянского языка в больших центрах Европы, наряду с кафедрами других восточных языков. Таковые учреждены пока в Петербурге, Париже и Лондоне, не говоря уже о Лазаревском институте в Москве. Преподавание армянского языка и литературы в высших учебных заведениях способствует подготовке новых арменистов для разработки также и истории Востока, многие темные стороны которой хорошо освещаются обильным материалом, находящимся в армянских источниках*).

IV.

В продолжение последних пяти столетий армяне, за исключением населений Карабахской области, Сасунского и Зейтунского округов, находились под тяжелым игом персиян и турок. Благодаря победам России в 1826—1829 годах над своими магометанскими соседями, армяне стали дышать свободнее. В армянских областях, отошедших к России от Персии и Турции, экономическое и умственное развитие армян пошло очень быстро. В свою очередь армяне много способствовали победам русских войск над персиянами и турками. Турецкие и персидские армяне восторженно принимали русские войска, снабжали их съестными припасами, фуражом, давали перевязочные средства, доставляли верных проводников**), отводили зимние по-

*) Множество писателей, прославившихся своими сочинениями в Армении, заставляют уважать армянскую литературу во всех отношениях. Кроме того, что они обогащают нас историческими сведениями о своем отечестве, они могут много содействовать к пополнению довольно значительных пропусков в летописях Азии и проливать яркий свет на многие события Востока и т. д. (См. «Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie», par Saint-Martin, t 1, page 10).

(**) Содействие, оказанное русским войскам проводниками из армян, отмечалось всегда в донесениях начальников частей. Для наглядного доказательства приведем выдержки из донесения о штурме Карса (в ночь с 5-го на 6-е ноября 1877 г.) начальника карсского штурмующего отряда, ген.-лейт. И. Д. Лазарева.

мещения, ухаживали за больными, с почестями хоронили умерших и т. д. Русские же армяне давали России множество добровольцев, офицеров всякого рода оружия, храбрых генералов и искусных военачальников. Я считаю небезытересным привести здесь некоторые данные о славных русских генералах, вышедших из среды армян.

Князь Валериан Григорьевич Мадатов был одним из главных героев персидско-русской и турецко-русской кампаний 1826—1829 гг. Боевая деятельность Мадатова начинается с турецко-русской войны 1808—1810 гг. В Отечественной войне 1812 г., затем в походах 1811—1815 гг. он отличился, в качестве партизана, замечательными военными подвигами, обратившими на него внимание Императора Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма III, от которых он получил Высочайшие рескрипты. Кроме того, он удостоился самых лестных отзывов и благодарностей от фельдмаршала Блюхера, князя Лопухина, ген. Милорадовича, князя Куракина и др.

После возвращения из Парижа кн. Мадатов, по Высочайшему повелению, был переведен на Кавказ и назначен командующим войсками, расположенными в Карабахской области, а затем—военно-окружным начальником в ханствах: Шекинском, Ширванском и Карабахском (составлявших нынешнюю Елисаветпольскую губернию и часть Бакинской).

«Благодаря проводникам, кои были назначены в каждую колонну, войска верно, без потери времени, дошли до фортов, против которых им предстояло действовать» (Донесение № 32).

«Проводниками и переводчиками в каждую колонну назначаются следующие:

В колонну ген.-м. Комарова—Захар Геворков и Барсегов.

В колонну кн. Меликова—Сероп Мартиросов и Согомонов.

В колонну гр. Граббе—Кано Сакоев, Акоп Киркоров и Бегляр Татосов.

В колонну полк. Вождакина—Барто Арутов.

В колонну ген.-м. Алхазова—Хечо и Петрос Тер-Петросов».

(Диспозиция № 41, на 6-е ноября 1827 г., лагерь у деревни Верхний Караджуран).

В 1818 г. наместник кавказский Алексей Петрович Ермолов принял решительные меры против чеченцев и лезгин. Экспедиции были совершены кн. Мадатовым и окончились через два года усмирением Чечни и покорением северного Дагестана. Немало армянских милиционеров из Карабахской области, уроженцем которой был и сам кн. Мадатов, участвовали в этих походах, где одни нашли смерть, а другие вернулись с боевыми отличиями.

В 1826 г. была объявлена персидско-русская война. Наследный принц персидский Аббас-мирза во главе многочисленной армии вторгся в русскую территорию. Его авангард, состоявший из 2.000 солдат шахской гвардии (джанбазы) и 8.000 отборной кавалерии, стремительно шел на Тифлис. Ген. Мадатов с двумя батальонами Херсонского и Грузинского полков, двумя ротами егерей, четырьмя легкими орудиями и дружиной лихих всадников из карабахских армян встретил персиян при реке Шамхор и разбил их наголову 3-го сентября 1826 г. Не дав опомниться неприятелю, Мадатов, с подоспевшими из Тифлиса подкреплениями и при помощи новых ополченцев из местных армян*), стал преследовать персиян до самого города Ахара в персидской области Карадаг, которую и занял. Поражение персиян довершили шедшие на них с другой стороны ген. Бенкендорф и гр. Паскевич. В их отрядах участвовало несколько армянских дружин, числом до 12.000, предводимых архиепископом Нерсесом Аштаракским (впоследствии верховный патриарх-католикос всех армян). Славная кампания кончилась Туркменчайским миром (10 февраля 1828 г.), по которому часть персидской Армении, между Араксом и Курой, навсегда перешла к России.

Мадатов оставил по себе в Персии такое имя, что до сих пор еще оно служит там выражением скорби и ужаса (Мадат-о-о-ф!!).

*) В биографии кн. Мадатова «Жизнь генерал-лейтенанта Мадатова», изд. второе, Сиб. 1863 г. (имя автора неизвестно) армянская конница совершенно ошибочно заменена татарской: известно, что татары были заодно со своими единовверцами персиянами.

После персидско-русской войны началась турецко-русская (1828—1829 гг.). Мадатов был вызван в Дунайскую армию, участвовал в переправе через Дунай под личным руководством Императора Николая Павловича и в продолжение всей кампании был одним из самых видных героев. Крепости Исакчи и Гирсова сдались ему. В обложении и взятии Варны, в осаде Силистрии и Шумлы Мадатов принимал самое деятельное участие, командуя сперва отдельными отрядами, а затем 3-й гусарской дивизией.

После одного славного дела под Шумлой граф Мих. Сем. Воронцов писал ему: «Ура, любезнейший князь! Я знал, что герой Дагестана будет героем и в Балканах... А фельдмаршал Дибич говорил в своем донесении: «Князь Мадатов был везде первый, указывая путь к победам. Примеру его следовали все его подчиненные».

Князь Мадатов скончался скоропостижно под Шумлой 4-го сентября 1829 г., 47 лет. Он погребен в Александро-Невской лавре.

В турецко-русскую кампанию 1853—1855 гг. отличился князь Василий Осипович Бебутов. Командуя отдельным отрядом, он одержал ряд решительных побед над турецким корпусом, наступавшим на Кавказ. Этому краю, кроме того, грозила большая опасность от восставших горцев в Дагестане и Чечне. Закавказские татары также взбунтовались и готовились дружно ударить на русских при первом успехе турок. Надежды мусульман, однако, не сбылись: в первой же битве турки были разбиты наголову кн. Бебутовым (2 ноября 1853 г.) при селении Баяндур, на берегу Арпачая. Вторая битва произошла через пять дней при Сев-Ванке, и турки вновь потерпели поражение. Затем, в двух памятных на страницах русской военной летописи боях, под Баш-Кадикляром (19 ноября 1855 г.) и Кюрюк-Дарой (24 июля 1854 г.), князь Бебутов отличился настолько, что Император Николай Павлович написал ему: «Ты удивил Россию, а Я удивлю тебя». И с этими словами Государь препроводил высший орден российского капитула — св. Андрея Первозванного генерал-лейтенанту Бебутову, ко-

торый не имел еще для такой награды ни соответствующего чина, ни очередных орденов.

В сражениях под Кюрюк-Дарой русских было 18.000, а турок 60.000. Кроме неприятельской позиции, в руках русских осталось до 2.500 пленных и 24 орудия.

В победах кн. Бебутова немало услуг оказал его отряду начальник колонновожатых, полковник Михаил Тариелович Лорис-Меликов (впоследствии граф). Из участвовавших в вышесказанных боях армянских милиционеров — большею частью из Карабаха — некоторые еще живы, и они свидетельствуют, что без горячего сочувствия турецких армян едва ли удалось бы князю Бебутову достичь блестящих результатов. Извещая своевременно Лорис-Меликова о количестве турецких войск, о занятых ими позициях и вообще о всяком их движении, армяне давали штабу князя Бебутова возможность составлять соответствующие диспозиции и наносить неприятелю неожиданные удары. В вопросах о перемене фронта, выборе позиций и составлении диспозиций Лорис-Меликов имел всегда веский голос.

Долголетняя война против кавказских горцев особенно прославила имя князя Моисея Захаровича Аргутинского-Долгорукова. Не стану распространяться об его боевых заслугах, так как один перечень их займет много места. Великолепный памятник, поставленный ему правительством в Темир-Хан-Шуре, где он имел долгое время свою штаб-квартиру, как командующий войсками в Дагестане, красноречиво говорит об его достославной боевой деятельности на Кавказе.

Память о генералах из армян, отличившихся в последнюю турецко-русскую войну 1877—78 гг., слишком еще свежа, чтобы нужно было на них останавливаться. Известно, что ген.-адъют. Мих. Тар. Лорис-Меликов командовал отдельным действующим корпусом, ген.-лейт. Арзас Артемьевич Тер-Гукасов — эриванским отрядом. Ген.-лейт. Иван Давидович Лазарев, имея своим ближайшим сорудником молодого талантливого генерала Бориса Мартыновича Шелковникова, осуществил смелое обходное движение вокруг Аладжинских высот (3

октября 1877 г.), последствием чего было уничтожение армии Мухтара-паши. Он же стоял во главе отряда, взявшего ночным штурмом (с 5-го на 6 ноября 1877 г.) первоклассную крепость Карс*).

Одной из штурмовавших колонн, как было уже упомянуто, командовал ген. Яков Кайхосрович Ахазов, раньше выбивший, вместе с Шелковниковым и ген. Бабичем, турок из Сухум-Кале, занятого неприятелем по оплошности ген. Кравченко.

Восстание лезгин во время последней войны приняло довольно грозный характер. Тысячные скопища горцев двинулись на Нуху, Дербент и другие города. Нужно было принять быстрые и энергич-

*) «Взятие Карса, считавшегося почти неприступной крепостью, было так неожиданно, что многие были поражены известием, что оно удалось при потере 2.273 человек. Вскоре после войны был даже пущен слух, что Карс был взят подкупом. Всякий участвовавший в штурме знает, насколько это предположение вздорно и трудно осуществимо, даже при желании коменданта изменить своему отечеству. Для штурма и демонстраций было назначено, вместе с резервами, до 35.000 человек. Главной атакой руководил ген. Лазарев. Решительности и твердости этого славного генерала мы много обязаны победой». (См. «Новое Время» 6-го ноября 1897 г. № 7793).

«Грозная, могучая сила двинулась на Карс с решимостью победить или умереть; участники бессмертного штурма говорили, что ген. Лазарев перед началом движения обратился к солдатам с краткой, но внушительной речью: «Нам надо идти прямо. Я буду с вами. Отступления нет». Тут все сказано: Солдаты знали своего начальника, шли с ним уверенно и, конечно, об отступлении не могли думать».

«Карс пал, было взято в плен до 9.000 турок, в том числе 5 пашей и 800 офицеров. Трофеи составляли: 303 орудия, много ружей, лагери, продовольственные запасы и другое имущество».

«Значение победы в ночь с 5 на 6 ноября понятно без объяснений. Мы стали хозяевами целого пашалыка, нынешней Карсской области, открыли путь к Эрзеруму, усилили блокадный Эрзерумский корпус, облегчили положение Рионского отряда и, что всего важнее, повлияли на дух противника не только в Азии, но и в Европе». (См. «Штурм Карса. Воспоминания адъютанта», Перепечатано из «Русского инвалида» в «С.-Петербург. Ведомостях», № 305, 1897 г.).

Из подробных описаний штурма Карса заслуживает особенного внимания большой труд кап. 4-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллер. бригады В. Гиппиуса, под заглавием «Осады и штурм крепости Карса». С.-Петербург, 1885 г.

ные меры против 600-тысячного населения Дагестана. Ген. Дмитрий Богданович Тер-Асатуров был одним из главных героев в подавлении этого опасного движения.

В Рионском отряде выделился генерал Денибеков. Генерал Кишмишев был начальником колонновожатых в действующем корпусе, а генерал Иван Лорис-Меликов командовал некоторое время кавалерией этого корпуса.

В дунайской армии отличился генерал Ал. Егор. Кетхудов.

За радушный прием, оказанный русским войскам во время прошлых кампаний, персидским и турецким армянам приходилось всегда жестоко расплачиваться. С уходом русских войск из занятых областей им нельзя было оставаться среди озлобленных мусульман. При всей привязанности к своей земле и святыням предков, армяне должны были разорять свои гнезда, бросать имущество, церкви и густой массой следовать за отступающими войсками в неведомые им края. Так, напр., после заключения в 1828 г. Туркменчайского мира с Персией 40.000 персидских армян под покровительством гр. Паскевича выселились из Персии на Кавказ. Заведование переселением было поручено полковнику Лазарю Иоакимовичу Лазареву.

Такая же участь постигла турецких армян после заключения Адрианопольского мира (1829 г.). Из Эрзерумского и сопредельных вилайетов потянулись за русскими войсками 90.000 душ, предводимых архиеп. Карапетом Багратуни. То же самое ожидало турецких армян по заключении Берлинского договора (1878 г.), но благодаря настойчивым мерам, которые были приняты командовавшим — после Мих. Тар. Лорис-Меликова — действующим корпусом И. Д. Лазаревым, переселенческое движение было вовремя приостановлено. Но ожесточение мусульманского населения против армян, с

трудом сдерживаемое турецким правительством, разразилось со страшной силой при первом удобном случае в роковые 1894—1896 года*).

V.

Всех армян насчитывают около пяти миллионов, из которых $2\frac{1}{2}$ миллиона уцелело еще в турецкой Армении, 1.200.000 живет в России**), остальные же в Персии, Европейской Турции, Болгарии, Румынии, Австрии, Венгрии и в других государствах.

Получив возможность свободно развиваться под русским владычеством, армяне, в экономическом и культурном преуспевании, далеко опередили другие народности в Закавказье. Стремление их к образованию таково, что по количеству обучающихся в русских учебных заведениях края армяне занимают второе место, хотя по численности своей среди народов, населяющих Кавказ, — лишь четвертое (русских — 2.286.738 человек, азербейджанских татар — 1.139.659 человек, грузин — 1.201.256 человек, армян — 985.460 человек***). А если взять также число обучающихся в армянских народных школах, то в общем, по числу всех учащихся, армяне окажутся, без сомнения, на первом месте.

Армянских народных школ для обоего пола — 223, кроме того — три армянских семинарии (одна из них в Тифлисе, с 1825 г.) и духовная академия (Эчмиадзинская). Русский язык изучается во всех этих учебных заведениях с особенным усердием. Армяне знают цену государственному языку, открывающему им дорогу ко всем поприщам и облегчающему сношения с господствующим русским элементом. Поэтому их сильная привязанность к своей церкви и любовь к родному языку нисколько не мешают им быть хорошими пионерами русской культуры на Кавказе, и русский язык распространяется в их массе легче и быстрее, чем между дру-

*) См. статьи г. Никогосова, «С.-Петербургские Ведомости» 1896 г., №№ 356 и 357.

**) Из них 985.460 человек — в Закавказье.

***) См. ст. «К армянскому вопросу в Закавказье» «С.-Пет. Вед.» 1897 г., № 72.

гими кавказскими народностями. Это ведет к незаметному для кавказских армян, но верному их обрращению, особенно после перехода армянских народных школ, в 1897 году, в ведение министерства народного просвещения. С этого времени все предметы в них преподаются на русском языке.

* * *

В пробуждении национального самосознания русских армян Дерптский, ныне Юрьевский, университет имел особенное значение. Так напр., известный Хачатур Абовян, который ввел в литературное употребление армянский народный язык, вместо древнего грабара, и преобразовал школьное дело среди русских армян, был питомцем Дерптского университета.

Деятельность Абовяна относится к сороковым годам текущего столетия. Его реформаторский дух и взгляды на народное образование и литературу выработались, бесспорно, под влиянием тогдашних германских ученых и писателей, а богатая устная литература армян, в песнях ашугов, значительно облегчила задачу Абовяна в отношении пересоздания литературного языка*).

Ашуги существовали у армян издревле и прежде назывались гусанами.

В конце прошлого столетия у армян были известные ашуги, которые пели по-армянски и по-татарски, пользуясь одинаковой популярностью между христианами и мусульманами. Из них особенно выделялись Арутюн Салмаский и Оганес Тулгранский. В начале же нынешнего столетия прославился Кешиш-оглы (в переводе — сын священника), носивший также псевдоним «Шовги» и «Ашуг-Кариб» (певец-странник), известный в русской литературе по небольшому отрывку из его повествований, пе-

*) Ашугов можно уподобить отчасти великорусским баянам и малорусским кобзарям, но на народную массу ашуги имели гораздо больше влияния, чем те. В этом отношении их можно сравнивать скорее с средневековыми трубадурами и миннезингерами.

реданному Лермонтовым. Ашуг-Кариб создал целую школу поэтов-певцов в Персии и Турции.

В Грузии большую известность как ашуг имел армянский священник Саят-Нова, певший по-армянски и по-грузински*).

Стоя всегда выше партийных дразг и односторонних взглядов на национальную и религиозную рознь народов, ашуги в разнообразных и поэтических формах развивали философско-моральные, общественные, нередко также государственные и политические темы в духе примирения народов на основе любви, справедливости и дружной борьбы за свое существование. При этом они преподавали сильным мира сего мудрые советы и наставления. Начиная с простолюдина армянина, грузина или татарина до правителей страны и даже их верховных повелителей, все чутко прислушивались к вдохновенному голосу ашугов и приятным звукам их песен под разные инструменты, извлекая из них полезное для себя поучение**).

Обладая большим поэтическим даром, Хачатур Абовян по природе своей был, собственно говоря, одним из ашугов. Университетское образование и тогдашнее литературное движение в Германии, с Гейне и Бёрне во главе, дали его чувствам и мыслям более определенное направление. Ему нелегко было справиться с рутиной, вкоренившейся в литературе армян и в системе их образования. Он имел против себя все духовенство и рабски подчиненных ему светских преподавателей-варжапетов, в руках которых находилось то и другое. Но одинокий Абовян не терял уверенности в торжестве своих нововведений. Ввиду малограмотности народа и отсутствия органов печати, он собрал около себя учеников, которых учил по составленным им учебникам, не потерявшим еще и поныне ценности в педагогическом отношении. Более подготовленным

*) Его песни на армянском языке собраны и изданы с комментариями в большом томе бывшим врачом князя М. С. Воронцова Ю. Ф. Ахвердовым.

**) Кстати сказать, задача и деятельность ашугов в те «темные времена» были гораздо шире и благотворнее, чем у многих публицистов в наш «просвещенный век».

из учеников он растолковывал пользу школьных реформ и убеждал их в необходимости высшего образования. Одновременно Абовян принялся писать впервые на разговорном народном языке, **ашхара-баре**, свой бессмертный роман «Верк Айастани», который вышел в свет после его преждевременной загадочной смерти в 1848 г. «Верк Айастани» сразу же утвердил в армянской литературе право гражданства за живым народным языком, вместо древнего **грабара**, с новыми идеалами для дальнейшего развития армянского народа*).

Посеянные Абовяном семена дали обильный всход. Вышедшие из Дерптского университета многие из его бывших учеников стали проповедовать в народе, посредством печати и школ, завещанное им новое направление в литературе и образовании. Старина, с **грабаром** и схоластикой, окончательно отжила свое время.

Лазаревский институт, открытый в Москве в 1818 г. именитыми армянами из персидского города Джульфы, Иоакимом и Иваном Лазаревыми, в свою очередь очень много способствовал умственному подъему русских армян**).

Такую же услугу оказали: духовная семинария в Тифлисе, открытая католикосом Нерсесом V Аштаракским в 1825 году, а равно училища — Агабабовское в Астрахани и Халибовское в Феодосии.

Известные публицисты, поэты, педагоги и переводчики среди русских армян — бывшие питомцы упомянутых учебных заведений.

VI.

Самосознание турецких армян развивалось в иных условиях и под иными влияниями. В конце XVII-го и в начале XVIII-го столетия монах Мхитар

*) Известный немецкий путешественник, барон Гакстгаузен, сблизившийся с Хач. Абовяном в Тифлисе и почерпнувший у него много сведений об армянах, знакомит читателей с его биографией в своем труде, переведенном на русский язык (см. «Закавказский край» Барона Гакстгаузена. Изд. второе. 1857 г. С. Петербург).

**) Единственным представителем этого славного рода остается ныне шталмейстер Высочайшего Двора, князь Сем. Сем. Абамелек-Лазарев.

Севастийский (из нынешнего города Сиваза в Азиатской Турции) задумывается над вопросом о пробуждении своих единоверцев из царившего среди них мрака невежества. Он покидает свою родину в глубине Армении и отправляется в Европейскую Турцию, чтобы основать там общество ревнителей просвещения из передовых армян. Нигде, однако, он не находит ни сочувствия, ни подходящих людей для осуществления своего широкого плана, но не падает духом, продолжает свой путь дальше: вплоть до подножия папского престола. Здесь ему предлагают отказаться прежде всего от «григорианской ереси», а затем уж подумать об участии своих соотечественников. Мхитар остается верен своей расовой настойчивости и не хочет идти дальше признания духовного главенства папы вместо Эчмиадзинского католикаса, от которого он терпел тогда незаслуженное гонение, и еще кое-каких догматических тонкостей католической церкви, не нарушавших основ первоначальной его веры и не налагавших обязанности произносить анафему на армяно-григорианскую церковь, как этого требовали от него. И эту жертву он приносит с тем, чтобы добиться разрешения основать в католической стране обитель для армянских монахов, посвящающих себя изучению древностей своего отечества.

Целых семь лет не давали Мхитару просимого разрешения, тем более, что он предъявлял широкие требования для обители. Он ставил первым условием, чтобы богослужение совершалось на армянском языке и по ритуалу армянской церкви, чтобы направление ученой деятельности, право открытия у себя семинарии или академии для армянской молодежи, печать, типография, сношения с армянским и европейским миром, улучшение благосостояния обители, ведение хозяйственных дел и пр. находились вне всякого вмешательства и стеснения со стороны латинского духовенства. Все это должно было быть предоставлено ведению избираемого братией настоятеля-аббата, несущего лишь нравственную ответственность перед римской курией. Энергия Мхитара одолела все трудности в достижении этих прав, и таким образом было учреждено в Венеции на острове св. Лазаря в 1717

году поныне существующее братство мхитаристов, которому дали в Риме название «ордена» или «конгрегации».

Под влиянием ли господствовавшего тогда в Европе ложно-классического направления, или по собственной предвзятой мысли, мхитаристы задались целью воскресить в армянском народе дух писателей V-го и последующих веков, с их языком — **грабаром**, стилем, вкусом и национально-религиозным мировоззрением. Разыскав во всех монастырях турецкой, персидской и нынешней русской Армении пергаментные рукописи древних армянских авторов, они принялись печатать их и распространять среди всех слоев своего народа^{*)}. Все напечатанное они переводили затем на разные европейские языки, чтобы возбудить на Западе интерес к прошлому и настоящему своей нации. Не довольствуясь этим, предприимчивые монахи стали переводить на старый армянский язык — грабар европейских классиков древнего и нового мира и все, что существовало в литературе европейских народов по различным отраслям знаний.

Почти двухвековая неутомимая деятельность отцов мхитаристов может служить примером редкого постоянства и прилежания, присущих армянскому народу. Но обширная работа этих достойных тружеников не имела, к сожалению, желанного результата для самосознания их соотечественников в Турции. И это потому, что громадное большинство армян, не зная грабара, оставалось чуждым содержанию печатавшихся в Венеции книг, хотя весьма охотно приобретало их, из чувства национального соревнования. Тем не менее, нельзя отрицать неотразимого влияния венецианских, в особенности же венских мхитаристов, отделившихся от первых в конце XVII века, на подготовку умов турецких армян к восприятию европейского просвещения. Наученные опытом венецианской братии, венские мхитаристы стали на реальную почву, печатая на языке уже более понятном и приближавшемся к на-

^{*)} Материальное положение братства, открытие типографии, печатание книг и пр. обеспечивались щедрыми пожертвованиями константинопольских армянских банкиров.

родному — ашхарабару самые необходимые для саморазвития народа и для его школ книги, а также и учебники. В составлении же хороших словарей, с армянского языка на иностранные и обратно, оба монастыря до сих пор еще успешно соперничают друг с другом.

Правильное развитие турецких армян, в связи с возникновением их новой литературы, на живом, разговорном языке — ашхарабаре, начинается только после турецко-русской войны 1828—1829 г. На счет этого приведу слова одного из знатоков армянской истории и литературы Г. Н. Никогосова.

«При заключении Адрианопольского мира, 2-го сентября 1829 года, одним из главных условий договора Россия поставила свободу вероисповеданий, обеспечение жизни и имущества всех христианских подданных султана. Пользуясь плодами побед русских полководцев: в Азии — графа Паскевича-Эриванского, в Европейской Турции — князя Витгенштейна и графа Дибича-Забалканского, и выговоренной Россией свободой вероисповеданий, европейские державы крепко ухватились за последнее, чтобы сделать Турцию ареной деятельности своих миссионеров. В Константинополь, Смирну, Адрианополь и все провинциальные города Османской империи нахлынули патеры, пасторы, американские и английские миссионеры, которые стали свращать, каждый в свою религию, армян, болгар, греков и других христиан. Однако армяне давали этой религиозной пропаганде энергический отпор открытием массы своих приходских школ, семинарий и средне-учебных заведений, которые сделались рассадниками их национального самосознания и благодаря которым турецкие армяне стали быстро идти по пути разных преобразований*).

Во главе вышесказанного образовательного движения в Турции стал константинопольский армянский патриарх Акопос. Чтобы парализовать успех протестантских миссионеров, действовавших на народ посредством книг на его разговорном языке, как и элементарных школ, с преподаванием предметов на том же языке, проповедей и периодичес-

кой печати, Акопос решил прибегать к тем же средствам. Но его благие намерения не осуществились по причине смут, возникших между правителями армянского народа, какими были тогда в Константинополе банкиры и представители разных ремесленных корпораций (аснафы). Один за другим были сменены два-три патриарха, без всякой пользы для образовательного дела. Между тем протестанство делало быстрые успехи среди армян в столице и малоазиатских провинциях. Этому способствовали невежество народной массы, крупные материальные пожертвования американских проповеднических обществ и покровительство английского посольства. Наконец Акопос вторично был избран в патриархи и на этот раз, успокоив народное волнение, сумел дать сильный толчок умственному и нравственному развитию своей паствы. При его просвещенном содействии было открыто множество элементарных школ во всех предместьях Константинополя, учреждены даровые воскресные школы для лиц всех возрастов, основаны семинарии для приготовления церковнослужителей, учителей и проповедников, устроен приют для воспитания за народный счет детей неимущих родителей и пр. Начало развиваться также печатное дело: в Константинополе и Смирне открылись новые типографии, стали издаваться газеты, журналы, печататься переводы современных европейских писателей — и все это на народном языке — ашхарабаре, который стал с тех пор литературным языком, вместо старинного грабара.

Так зародилась новая умственная жизнь у турецких армян, выдвинув ряд известных писателей, публицистов, переводчиков, педагогов, как Хач. Мисакян, Акоп Оскан, доктор Русинян, Арменак Айкуни, Сервичен-Эфенди, докт. Мезбурян, Степан Оскан, Маттеос Мамурян, Карапет Паносян, Карапет Ютюджян и др.

Деятельность этих лиц обнимает период времени от сороковых до шестидесятых годов. После этого на смену им являются другие, вышедшие большей частью из училища Нубар-Шахназаряна. Это учебное заведение было основано в 1865 году, по инициативе архим. Карапета Шахназаряна, в кон-

*) См. «С.-Петербург. Ведом.» 1896 г., № 321.

стантинопольском предместье Хас-Киое, на средства египетского министра иностранных дел Нубара-паши.

VII.

Развиваясь в различных условиях и под разными влияниями, русские и турецкие армяне с течением времени так далеко разошлись в направлении своей умственной и общественной жизни, что при первом близком соприкосновении между ними неминуемо должно было возникнуть много серьезных недоразумений. Турецкие армяне имели в Константинополе свой патриархат, национальное собрание, право всеобщего голосования для выбора депутатов в это собрание, относительную свободу столичной печати, легкую возможность учреждения разных литературных обществ и проч. — и придавали всему этому очень много значения. Их интеллигенция в Константинополе доходила до такого самообольщения, что русских армян ставила чуть ли не на один уровень со своими забитыми братьями в Малой Азии. Такое настроение стамбульских передовиков особенно ясно сказалось после появления армянского вопроса в Турции, вслед за последней турецко-русской войной, когда установилась живая связь между тифлисской и константинопольской печатью. Статьи в тифлисских газетах по адресу константинопольских интеллигентов, с критической деятельностью последних, вовсе не смущали их и не обращали на себя должного внимания. Но это не мешало им охотно обращаться к этим газетам за содействием по разным делам общественной благотворительности в Турции, и русские армяне оказывались очень отзывчивыми на призывы своей печати.

В это время пользовался особенным успехом в армянской периодической печати сотрудник тифлисской газеты «Мшак», молодой артиллерийский офицер Г. Н. Никогосов.

Еще ранее того он стал известен армянам своей деятельностью при занятии русскими войсками Эрзерумской области. Вызванный военным губернатором этой области, ген.-м. Шелковниковым, из Ри-

онского отряда в Гасан-Кале в 1877 г., г. Никогосов был им назначен помощником начальника Ольтинского округа. Отсюда он начал писать в газету «Мшак» о турецких армянах. После преждевременной смерти Шелковникова от тифа и при занятии русскими Эрзерума г. Никогосов был перемещен преемником покойного, генералом С. М. Духовским, на должность помощника полицмейстера города Эрзерума. Затем во время приезда в Эрзерум командовавшего действующим корпусом генерал-лейтенанта Ив. Дав. Лазарева он был назначен начальником Эрзерумского округа. Большой ряд писем Г. Никогосова в газету «Мшак» из Эрзерума возбуждал тогда всеобщий интерес в армянском мире, и эти его корреспонденции перепечатывались целиком в константинопольских армянских газетах.

Когда, по постановлению Берлинского трактата, русские начали вскоре очищать занятые ими в Турции местности, христианское население Эрзерумской и сопредельных ей областей, объятые паническим ужасом в ожидании избиения турками, поспешно готовилось потянуться за русскими войсками на Кавказ. Личная воля в Бозе почивающего Государа Императора Александра II, выраженная Его Императорскому Высочеству Наместнику Кавказскому, о приостановке пагубного переселения, спасла, однако, Армению от окончательной гибели. На командовавшего действующим корпусом, ген.-лейт. Лазарева, выпала тяжелая задача непосредственной борьбы с эмиграционными волнами целого народа.

Пользуясь полным доверием генерала Лазарева, г. Никогосов имел возможность смело действовать в Эрзеруме и проявил много энергии в деле приостановки эмиграции, за что и высказывалось ему большое сочувствие со стороны турецких и русских армян*).

Его пламенные статьи о нуждах турецких армян в 1879—1880 годах имели такое действие на народ, что пожертвования в пользу школ, а затем голо-

* Эти и нижеследующие сведения почерпнуты мною от армян, из тифлисских армянских газет, а также из «Донской пчелы» (1891 г. № 30) и «С.-Петерб. Ведомостей» (1896 года №№ 356, 357).

давших армян в Ванском вилайете десятками тысяч рублей посыпались в редакцию упомянутой газеты.

Превзошедшие всякие ожидания успехи «Мшак» подняли дух армянского народа и сильно приободрили центральный комитет в Константинополе для вспомоществования голодавшим армянам. Комитет обратился с воззванием к своим единоверцам в Турции, Персии, Европе, Индии, Египте и Соединенных Штатах Америки об оказании помощи страдальцам, приводя в пример щедрость русских армян, и отовсюду стали стекаться в его кассу крупные суммы. Русская и западноевропейская печать откликнулась также на нужды голодавших армян. Государь Император Александр II, препроводив 10 тысяч рублей в пользу несчастных, своей Монаршей милостью подал пример человеколюбия другим коронованным особам. За ним последовали бельгийский и итальянский короли, наследник английского престола, многие лорды, президент Соединенных Штатов Гарфильд и некоторые индийские магараджи. Таким образом, армяне и заодно с ними жившие в Ванской области курды, турки и сирохалдейцы без дальнейших ужасов вышли из тяжелого испытания. Председателем благотворительного комитета в Ване состоял бывший дважды константинопольским армяно-григорианским патриархом Мкртич Хримян, ныне святейший католикос всех армян, уроженец города Вана. Он приказал и строго наблюдал, чтобы помощь оказывалась всем страждущим без различия вероисповедания и народности. Под влиянием такого милосердного к ним отношения многие из курдов изъявляли Хримяну готовность принять христианство, но пастырь говарил им: «Берите и молитесь Богу, не время толковать о религии».

В первой половине 1880 года русское правительство горячо взялось за разрешение черногорского и армянского вопросов, согласно Берлинскому трактату. По его почину была представлена великими державами Блистательной Порте энергичная нота, с приложением выработанного в константинопольском российском посольстве проекта реформ для армянских областей Турции. Русское общество находилось почти в полном неведении от-

носительно положения турецких армян. И вот одна из более влиятельных тогда петербургских газет, «Голос», в течение нескольких месяцев помещает много обстоятельных статей г. Никогосова о турецких армянах и их тогдашнем положении. Его статьи такого же содержания появлялись и в других столичных газетах.

Столь участливое отношение г. Никогосова к судьбе турецких армян, очевидно, давало ему некоторое право предъявлять в печати известные требования их деятелям в Константинополе относительно руководимых ими дел. Но его советы и указания оставались лишь гласом вопиющего в пустыне. Г. Никогосов видит, что совершенно бесплодно вести полемику издали. К тому же оказывается, что его увлечение литературной деятельностью возымело уже вредное влияние на его служебную карьеру. С другой стороны, его любовь и подготовленность к этой деятельности, наряду с достигнутыми успехами, настолько укрепляют в нем уверенность в возможности быть полезным на поприще писателя, что он решает посвятить себя всецело литературному делу. Он выходит в отставку и, в качестве корреспондента «Голоса» и «Русского Курьера», отправляется в конце 1881 года в Константинополь со смелым намерением вступить в местной печати в непосредственное состязание с наличным составом тамошней армянской интеллигенции. В его программу входило: подвергнуть строгой критике образ действий, как и направление, принятое тогда в армянском национальном собрании, патриархате, печати, школах, мужских и женских образовательных обществах, благотворительных учреждениях и проч.; отвлечь витиеватых армянских деятелей Оттоманской столицы от излишнего фразерства, политиканства, фантастических проектов, шумных демонстраций; отрезвить их от слепого подчинения влиянию Запада и от разных самообольщений; чтобы сосредоточить внимание всех на насущных потребностях бедствовавшего в провинциях армянского населения и на целесообразной ему помощи.

При всей трудности поставленной себе г. Никогосовым задачи, она разрешилась вполне успешно

после трехлетней бурной литературной борьбы (1881—1883 г.). В нее была вовлечена вся периодическая печать турецких и русских армян, с новыми и старыми деятелями. Одни из них злобно нападали на не менее злобно критика, а другие с жаром отстаивали его, как истинного выразителя настроений и взглядов армянского народа.

Литературная кампания бывшего русского артиллериста, прозванного в Турции за национальный его консерватизм «армянским Катковым», имела свое плодотворное действие на умы турецких армян, причем они показали себя в большинстве с весьма хорошей стороны и в нравственном и в умственном отношении. Действительно, в лице лучших своих представителей они вступают с ним в самые серьезные прения, спорят горячо и долго, оставаясь строго на почве обсуждения общих вопросов; подготавливается общественное мнение, образуются течения за и против виновника споров, и после некоторого времени многие из ярких противников г. Никогосова протягивают ему руку, отдавая должную дань уважения искренности, честности и правдивости его взглядов. Таким образом, молодому писателю дают известное нравственное положение, почет и авторитет перед обществом, поощряя его к дальнейшей деятельности в том же направлении.

Иначе отнеслась к нему одна влиятельная среди русских армян партия, представители которой жили в Петербурге. Узнав о поездке г. Никогосова в Константинополь, она принимает все меры, чтобы устроить ему там фиаско. Пишутся письма армянскому патриарху Нерсесу и другим влиятельным армянам, с разными наговорами насчет «благонадежности» г. Никогосова с точки зрения национальных интересов; такие же письма пишутся и в российское посольство в Константинополе, с извещениями обратного характера; интригуют в редакциях «Голоса» и «Русского Курьера», чтобы подорвать доверие к их корреспонденту*).

*) «Голос» вскоре был закрыт, а в «Русском Курьере» г. Никогосов продолжал писать из Константинополя в течение нескольких лет. Писал он оттуда также в газету г. Стасюлевича «Порядок», впрочем, недолго просуществовавшую.

Попытки русских армян оклеветать г. Никогосова перед

Проходит десять лет. Уже вполне созревший и приобретающий известность публицист возвращается на Кавказ*). Он застаёт здешних армян в крайнем возбуждении, вызванном их интеллигенцией, бессознательно следовавшей за группой не менее своекорыстных, чем бездарных людей.

Во время своего пребывания в Константинополе, хорошо изучив внутренние и внешние обстоятельства турецких армян, г. Никогосов, по прибытии в Тифлис, идет на встречу взявшим на себя здесь руководство армянским делом в Турции, чтобы обсудить с ними сообща известное ему тамешнее положение вещей и убедить их в пагубности их затей и в необходимости прекращения агитации. Но эти господа, завладев уже позицией и заручившись крупными материальными средствами, заявляют

российским посольством также оказались безуспешными. Из подробных описаний в стамбульских газетах приезда в Константинополь г. Нелидова, назначенного, после коронации в Бозе почивающего Государя Императора Александра III, чрезвычайным послом и полномочным министром при султани Абдул-Гамиде, можно заключить, что г. Никогосов пользовался особенным доверием константинопольской русской колонии, как и посольства. Он был выбран сказанной колонией представителем для выражения пред послом верноподданических чувств русско-подданных, проживающих в Константинополе. Его блестящая речь в летней резиденции посла, в Буюк-Дере, и ответ на нее Алекс. Ива. Нелидова были тогда дословно приведены в константинопольских газетах (см. напр. «Phare du Bosphore», № 150, 11 июля нов. ст. 1883 г.). В этой речи впервые был поднят оратором вопрос о необходимости открытия в Константинополе русской школы, что было принято послом серьезно во внимание и осуществлено впоследствии.

*) Г. Никогосов был вынужден оставить Константинополь после приглашения его во дворец, по желанию самого султана Абдул-Гаида II, чтобы высказать свое мнение об армянских делах в Турции. Вследствие данного ему подишхом разрешения говорить без всякого стеснения, г. Никогосов и не постеснялся сделать, между прочим, подробную характеристику некоторых лиц, близко стоявших в то время к султану, от которых, по его убеждению, происходило, главным образом, все зло, как для христиан, так и для мусульман в Турции. Задетые за живое, всемогущие заправили дворцовой камарильи стали преследовать г. Никогосова и, поставив его жизнь в опасность, заставили удалиться с берегов Босфора.

г. Никогосову, что они ни в чьих советах не нуждаются, тем не менее охотно воспользовались бы его пером и именем, как опытного деятеля, для усиления сбора денег. Поэтому предлагают г. Никогосову идти с ними заодно и писать в их органе «Мшак», приравливаясь к духу их деятельности, причем дают ему понять, что за его услуги «общему делу» он будет щедро вознагражден...

Г. Никогосов, видя, с кем имеет дело, не колеблясь, выступает в печати с разоблачением «освободителей» злополучной Армении. В серии статей в тифлисской газете «Нор Дар» он обращается с горячим воззванием к русским армянам, увещевая их не давать денег искателям приключений и не содействовать верной гибели своих несчастных братьев в Турции. Народ, хорошо знавший г. Никогосова, начинает уже поддаваться влиянию его статей, но нафанатизированная молодежь и интеллигенция лагеря газеты «Мшак» накидываются на него со всех сторон и то угрозами, то инсинуациями заставляют его умолкнуть. Инсинуировали против г. Никогосова и пред народом и пред правительством, выдавая его то за «русского агента» и «изменника своей нации», то за «нигилиста, социалиста и вредного пропагандиста»... В кавказской печати не оставалось более места для идейной борьбы. Он едет в Петербург, чтобы брошюрами на армянском языке продолжать отсюда борьбу со злом, но неразборчивые в средствах противники успевают и здесь парализовать его действия.

Избавившись от опасного врага, так называемые мшакисты собирают еще, сколько могут, денег, часть которых уделяют на поднятие турецких армян. Они обещают неопытным молодым армянам, ставшим во главе движения в Турции, выслать им в наискорейшем времени на помощь, по крайней мере, 50 тысяч волонтеров, 200 тысяч ружей с соответственным количеством патронов, также орудия. Поверив этим обещаниям, а с другой стороны слыша поощрительные голоса из Англии, экзальтированные молодые люди набираются храбрости и начинают раздражать турок, и без того уже искавших предлога для жестокой расправы со своими армянами.

Так начинаются армянские смуты в Турции, приведшие в 1894—1896 годах к столь ужасным последствиям! Кровь потекла ручьями, погибло также немало армянских юношей с Кавказа, сделавшихся жертвами этого движения; разорилось на Кавказе много бедных армян, отдавших в порыве увлечения последнее злым гениям своего народа; русские армяне сильно скомпрометировали себя перед правительством и общественным мнением России, а главные виновники всего этого остались чистыми, благонамеренными и благодушствующими*).

Находясь под защитой сильной христианской державы, русско-армянская интеллигенция, вследствие своей невоспитанности и малоразвитости, при всяком удобном случае любит подтрунивать и даже издеваться над турецкими, в особенности константинопольскими армянами. Между тем турецкие армяне были первыми учителями этих своих неблагодарных братьев во всем, что касается их умственно-национального развития.

Лучшие арменисты, которые вышли из Лазаревского института, были учениками преподавателей, выписанных из Константинополя или Смирны. Католикос Нерсес V при открытии духовной семинарии в Тифлисе не мог приискать среди русских армян ни одного человека, способного к надлежащей организации ее, и выписал из Парижа ученого турецкого армянина Шахана Джрпета (Chahan Cirbied), бывшего там профессором в институте восточных языков. Сценическое искусство развилось среди русских армян под руководством выходцев из Турции. Популярный драматург Аюп Каринян, даровитые артисты и артистки Америкян, Фасуледжян, его жена Пайцара, Петрос Адамян, г-жи Астгик, Сирануш, Грачия и другие, оставившие незабвенное имя

* Теперь иные из этих губителей народа принялись, как слышно, писать романы под заглавием «На новом пути» и проч., принося в них раскаяние за «маленькие ошибки», стоившие жизни более чем 300 тысячам простодушных братьев в Турции.

среди русских армян, — все были из Турции. Род Патканянов, давший русским армянам крупных педагогов, поэтов, духовных проповедников и писателей, как Серопэ, Габриэль, Петрос, Микаэль, Керопэ и Рафаэль Патканяны, вышел из среды константинопольских армян в конце прошлого столетия. Исторические, географические, математические, философские, медицинские, естественноисторические самостоятельные или переводные труды, лучшие словари, грамматики и учебники, которые имеются у русских армян, — почти все составлены западными армянами и напечатаны в Венеции, Вене, Смирне и Константинополе.

Современный литературный язык турецких армян, дошедший до высокой степени совершенства, еще надолго может служить образцом для русских армян. Язык архиеп. Габриэля Айвазовского (брат маститого мариниста; как бывший венецианский мхитарист, он писал на западноармянском языке), Хорена Нарбея, Маттеоса Мамуряна, Карапета Ютюджяна, Григория Одяна, Григория Чилингаряна (переводчик Виктора Гюго), Петроса Дуряна (даровитейший поэт-лирик, скончался на 21-м году жизни), Гарегина Сруандзтянца, Ретеоса Берберяна (переводчик «Германа и Доротеи» Гёте), г-жи Дюсапаша (известная романистка) и других не имеет ничего себе подобного у русских армян.

Усовершенствованию ново-литературного языка ашхарабара у турецких армян много способствовало основательное изучение древнего грабара, сохранившего тесную связь с живым наречием и служившего у них подспорьем для разработки ашхарабара.

Следуя их примеру, при богатстве араратского и других наречий кавказских армян, эти последние могли бы создать совершенно иной литературный язык, чем тот уродливый жаргон, который существует, напр., в иных органах армянской печати в Тифлисе. Но им, вероятно, не суждено иметь своего Лессинга или второго Хачатура Абовяна до тех пор, пока в их печатном языке из армянского останутся одни только буквы... Между тем известно, насколько необходимо всякому народу, имеющему свою литературу, чтобы его книжный язык близко

подходил к живой речи, как по ее духу, так и по присущим ей оборотам и выражениям. Такой язык может значительно облегчить народу его саморазвитие ознакомлением с высшей культурой посредством хотя бы переводных сочинений. Хороший перевод подходящей книги лучше всякой рекламы содействует её распространению среди грамотной публики. Примером этого могут служить творения Крылова, талантливо переложенные на армянский язык преосв. Габриэлем Айвазовским. Они проникли во все слои армянского общества в России, Персии и Турции и так популярны у них, как редкое сочинение на родном языке. В противоположность этому, многие переводы других русских авторов очень туго распространяются среди армян, главным образом вследствие их плохого перевода. Язык искusstвенный и чуждый народному духу — большой враг как самой книги, так и её переводчика.

При всем несовершенстве печатного языка у русских армян, их литература делает большие успехи, имея известных представителей в поэзии, романе, повестях, драматических произведениях, педагогике, истории и переводах с других языков. Таковы, напр., Рафаэль Патканян (Гамар Катиба), Смбат Шах-Азиз, Ал. Цатурян, Раффи, Прошянец, Агаянц, Ширванзаде, Лео, Найдос, Джугурян, Турманиян, Чубар, Габр. Сундукянц, докт. Мих. Тер-Григорянц, Тер-Егише Гегамянц, Седрак Мандинян, Аракел Багатурян, Алекс. Ерицев, еписк. Макаре Бархударян, Геворк Бархударян (переводчик Шиллера), Филипп Вартамян, Степ. Малхасян, архиеп. Мелкиседек Мурадян, архим. Иусик Мовсесян и др.*).

* Поименованные деятели, из которых многие еще живы, принадлежат к новейшему периоду армянской умственной жизни в России. Им предшествовали другие, которых не упоминаю здесь, как Степанос Назарянц, Микаэл Налбандянц и другие сотрудники последних по изданию журнала «Хюси-сапайль» («Северное сияние»), издававшегося в Москве в 1860—1868 гг. Много потрудился для армянской литературы разносторонне образованный и высокосимпатичный Мих. Меср. Миансаров, окончивший Лазаревский институт и Московский университет, затем служивший в лейб-гвардии гусарском полку.

Немецкий ученый Артур Лейст, занимавшийся изучением и переводом на немецкий язык современной литературы русских армян, успел выпустить в свет 11 книг, прекрасно принятых в Германии.

Вслед за г. Лейстом подвизался на том же поприще молодой русский ориенталист Юрий Веселовский, получивший образование в Лазаревском институте восточных языков. В сотрудничестве со своим коллегой по институту, Мином Бербереяном, он выпустил первый том издания под заглавием «Армянские беллетристы».

VIII.

Для полноты очерка, считаю нужным коснуться, хотя бы бегло, культурной деятельности армян в некоторых государствах, где они колонизовались.

Татарские, арабские и персидские завоеватели по разорении Армении забирали всегда массу армян в свои государства с целью обогащения себя при их помощи. Не желая утомлять внимание читателей цитатами из многих авторов, я приведу слова только одного из них: «Chah-Abbas, 1-er, le plus grand monarque de la Perse dans les derniers siècles, se proposa constamment deux choses pendant la longue durée de son règne: de faire fleurir le commerce dans ses Etats, et de les mettre à l'abri des incursions des Turcs. Pour y parvenir, il dépeupla l'Arménie et en transporta les habitants dans l'intérieur de son royaume, dans le Guilan, le Masendéran et à Ispahan où ils composaient la nombreuse population de Djulfah. C'était en effet par l'Arménie que les Ottomans entraient en Perse. Chah-Abbas crut arrêter leurs progrès en mettant un désert entre cette nation et l'Arménie. Le succès répondit aux vues de ce grand prince. De labouréurs qu'étaient les Arméniens, ils devinrent très habiles dans le commerce, dans les arts et métiers: ils excellèrent surtout dans l'art de préparer et de travailler la soie. Au bout de quelque temps, on vit leurs nombreuses caravanes, chargées de ce produit, parcourir l'Asie et pénétrer même jusqu'en Europe. Un commerce très actif s'établit entre la Perse et l'Occident. La Perse exportait une grande quantité de soie, et recevait en échange des draps d'Angleterre

et de Hollande, des brocards, des glaces de Venise, de la cochenille, des montres et d'autres objets. L'or et l'argent qui étaient fort rares en ce royaume, commencèrent à y circuler abondamment, et les Arméniens, agents de ce commerce, devinrent les plus riches négociants du monde».*).

(«Шах-Аббас I, величайший из персидских владетелей последних веков, стремился постоянно, во время своего продолжительного царствования, к двум целям: возвысить торговлю и промышленность в своем государстве и обезопасить его от нападений турок. Для достижения этих целей, он обезлюдил Армению**), переселив её жителей внутри своих владений, в Гилян, Мазандаран и Исфаган, где они составляли многочисленное население города Джульфы. Так как турки вторгались в Персию через Армению, то этим путем, т. е. обратив Армению***), лежащую между Персией и Турцией, в пустыню, он предполагал воспрепятствовать движениям турок.

Намеченные великим правителем цели были вполне достигнуты. Из земледельцев, какими были армяне до их переселения, они стали весьма искусными в торговле, ремеслах и промышленности. Они выказали особенное искусство в обработке шелка. Вскоре их многочисленные караваны, нагруженные этим товаром, пошли по всем направлениям Азии и проникли в самую Европу. Очень деятельные торговые сношения установились между Персией и Западом. Персия вывозила большое количество шелка и получала в обмен сукна из Англии и Голландии, дорожные ткани, венецианские зеркала, кошениль, часы и другие предметы. Золото и серебро, которые были очень редки в этой стране, стали

*) См. «La Perse», par Jourdain, Paris, 1814, tome cinquième, p. 18—19.

**) Так поступлено было в 1603—1604 гг. собственно, только с Араратской областью, куда направлялся с большой армией турецкий военачальник, генуэзский ренегат Сигал-паша, прозванный у турок Джебгал (задорный)-паша. Не будучи в состоянии отразить его силы, Шах-Аббас опустошил сказанную область, чтобы лишить врага продовольственных и других средств для утверждения в стране.

***) Опять-таки нужно понимать Араратскую область, а не всю Армению.

обращаться в ней в изобилии, и армяне, явившиеся двигателями этой торговли, сделались богатейшими купцами в мире.»).

Трудно привести более убедительное доказательство в пользу культурных качеств какого-либо народа. Жан-Жак Руссо, имевший случай познакомиться с предприимчивыми армянами из Персии и Индии, почувствовал к ним такое уважение, что стал носить их национальный костюм, как мы то видим на большинстве изображений бессмертного французского мыслителя.

• •
•

Турция не менее Персии извлекала пользу из своих армянских подданных. По свидетельству многих европейских писателей, турки воевали и побеждали главным образом за счет армян, которые развивали земледелие, ремесла, промышленность и торговлю в малоазиатских провинциях Османской империи. Изготовление пороха, оружия и всех боевых припасов вплоть до Крымской кампании находилось почти исключительно в руках армян. Фамилия Дадриан полноправно заведовала этим делом в течение целого столетия. Чеканка монет была вверена роду Дюзян. Взимание пошлин и главное управление таможенными было предоставлено также армянам.

Строителями дворцов, киосков (маленьких дворцов), казарм и лучших мечетей в столице были армяне, в лице Балянов, получивших родовое звание придворных архитекторов. Так, напр., дворцы Чраган, Долма-Бахче, Ильдиз-Киоск, Бейлербеи, Гёксу, киоски в Ухламуре, Аламдаги, на Золотом Роге, казармы в Нишан-Таше и Панкальди, здание Высокой Порты (Баб-Али-Капуси), адмиралтейство и пр. построены беями Григорием, Карапетом, Никогосом, Акопом, Саркисом и Симоном Балянами. Золоченые орнаменты на дворцовых стенах и потолках, великолепная деревянная резьба на обширных воротах и прочие работы, все это — дело рук армянских мастеров: резная работа — целиком Вортика-эфенди, а орнаменты — разных армян-худож-

ников. Ив. Констант. Айвазовскому заказаны были султаном Абдул-Азизом до 100 картин для Ильдиз-Киоска.

Мечеть Нури-Османие Джамиси в Стамбуле, отличающаяся смелостью архитектуры и грандиозностью постройки, возведена также армянином. Она не особенно чтима турками, так как все знают, что в ее постройке, до последнего рабочего, принимали участие только армяне.

Хотя происхождение гения восточной архитектуры, турецкого Микеланджело, Меймара Синане, сильно оспаривается греками, но армяне имеют много данных считать его по происхождению своим*).

• •
•

Административное управление Турецкой империи разделялось прежде на обширные области, как Молдо-Валахия (Улах-Бугдан), Сербия, Болгария, Греция и пр. В XVII и начале XVIII столетия почти все азиатские, частью и европейские области Турции находились в ведении родовитых армян, называвшихся амирами**). Выбор амиров исходил лично от падишаха, который облакал их своим полным доверием. На них возлагалась обязанность заботиться о развитии земледелия, ремесел и торговли во вверенных им областях. Они должны были входить в нужды населения, оказывать ему всякие вспомоществования, защищать от произвола и вымогательства пашей, беев и других чиновников, распределять и взимать подати и налоги, сообразно платежной способности населения и т. д.

В тех областях, экономические судьбы которых вверялись амирам, вали (губернаторы) назначались центральной властью не иначе, как за поручительством амира. Назначенный таким образом вали, если не оправдывал возложенных на него

* В архитектурном искусстве армяне отличались еще при византийских императорах. Так, напр., пошатнувшийся от землетрясения купол св. Софии был возобновлен в 926 г. при императоре Василии II, армянином Трдатом.

** Амир, или амира — то же самое слово, что эмир.

честность надежд, сменялся без всяких проволочек. С другой стороны, каждый из амиров отвечал своей головой за малейшее злоупотребление доверием повелителя, и они оказывались всегда безусловно садыками (верными), имея своим девизом «Аллах и падишах». Бывали случаи, что султан, подстрекаемый завистливым приближенным против жившего в столице того или другого амира, хотел лично проверить будто бы имеющееся у него «баснословное богатство», и после внезапной облавы и тщательных обысков ничего не оказывалось у оклеветанного, кроме скромного домика и нескольких циновок на деревянном или земляном полу, заменявших всю мебель «сказочного богача». Заподозрить же амира в сделке с кем-нибудь или в сношениях с европейскими банками никак нельзя было: каждый шаг подданного находился под надзором полиции, а Европа так же была чужда для подобного армянина, как и для всякого фанатичного турка.

Курды, находившиеся тогда в положении дребнейства (ленного подчинения), хорошо знали силу амиров и никогда не осмеливались притеснять поселенных в их владениях армян или несториан. В противном случае снаряжалась на них со стороны правительства целая военная экспедиция, и попавшие в руки турок дребней заковывались в кандалы и отправлялись в Стамбул с тем, чтоб никогда более не видеть свободы*).

При такой системе управления магометанские и христианские подданные султана не могли терпеть никакого произвола; их благосостояние процветало, и турецкое правительство не имело ни малейшего понятия о внутренних и внешних займах**).

*) До учреждения амирата положение христиан в Турции было весьма тягостное. Они особенно страдали от необузданных нынчар, главари которых действовали сообща с губернаторами.

**) Активное вмешательство Европы во внутренние дела Турции уничтожило эти порядки и довело ее до нынешнего печального положения. По Парижскому трактату 1856 г. Турции была оказана «большая честь» введением ее в «семью великих европейских держав». Вместе с этим был нанесен смертельный удар ее внутренней производительности, установлением 8% пошлины с номинальной стоимости ввозимых

По окончании Крымской кампании развитие типографского дела, педагогики, журналистики и переводной литературы турок шло преимущественно посредством армян. Первая их газета «Вакиф», а ныне «Тарик», считающаяся самым влиятельным официальным органом, основана и поставлена на свою высоту, по словам известного корреспондента газеты «Times» де-Бловица, армянином Филиппом-эфенди. Театр у турок создан Вардовяном-эфенди, Турецкая опера и музыка к ней сочинена Тиграном Чухаджяном-эфенди. Его популярные пьесы—Лебеджи Хорхор, Земирэ и Олимпия—остаются до сих пор единственными в своем роде произведениями.

IX.

После падения в Армении династии Багратидов в XI в., последовало новое нашествие турок-сельджуков на эту страну. Опустошение края, массовое избиение и пленение его населения заставили многих искать спасения в чужих краях. Эмигрировали армяне в разные государства, в том числе и в Польшу, куда влекло их цветущее положение этой державы и её покровительственное отношение к восточным христианам. С течением времени в Польше образовалась большая колония армян, состоявшая, как говорят летописцы, из 40 тысяч семейств или 200.000 душ. Они поселились в Галиции, Подолии и Волыни.

Скоро освоившись с польским языком и местными нравами, армяне заявили себя элементом более полезным для поднятия экономического благосостояния государства, чем того ожидали польские короли. Поэтому, вопреки противодействию католического духовенства, армяно-григорианам были дарованы полная свобода вероисповедания,

в Турцию продуктов европейской промышленности. Местные заводы и фабрики, управляемые амирами, не могли, конечно, выдержать конкуренции с европейской индустрией и прекратили работы повсюду в империи. Заменявшие же амиров якобы «ответственные» министерства довершили разорение и народа, и государства...

разные льготы и привилегии. Казимир Великий, в целях большего развития духа предприимчивости у армян, дал им даже особое самоуправление (1344), известное в польских законах под именем «армянского статута Казимира III». Крепко привязавшись к новому отечеству, армяне тем охотнее предалися труду во всех отраслях экономической жизни государства. Они особенно отличались в устройстве образцовых ферм. Новое поколение стало усердно изучать польский язык, литературу и законы. Вскоре из среды их появились способные люди на разных поприщах общественной и государственной деятельности.

Семивековая жизнь среди поляков по-видимому должна была сгладить всякий след национального характера и расовых черт армян. Но до сих пор ещё постороннему глазу легко отличить, особенно в Галиции, армянина, с известными чертами его внешнего облика, от поляка, еврея или представителя какой-либо другой народности. Многие из них сохранили здесь нравы, обычаи и традиции своих предков, более же родовитые — даже армянские фамилии, хотя с польским окончанием. Своими общественными и государственными интересами давно уже слившись с господствующей народностью, они выказывают большое соревнование в служении этим интересам, занимают видные должности по разным ведомствам и посылают хороших ораторов и государственных деятелей в Венский парламент. Таковы например, президент австрийского парламента Давид Абрагамович, Яков и Владислав Симоновичи, барон Игнатий Симонович, барон Яков Ромашкан, д-р Иоанн Чайковский, Марцелий Чайковский, Фаддей и Владислав Барач (Варгас), Иоанн фон-Болоз-Антонович и многие другие*).

*) На польском языке существуют труды ополчившихся армян о своих соплеменниках в Польше. В них повествуется много интересного и приводятся имена известных героев из армян в истории этого государства. Так, напр., упоминается имя генер. Малаховского из рода Малхасян, игравшего видную роль во время Третьего раздела Польши как защитника ее государственной независимости.

Часть армянских переселенцев из Польши, утвердившись в Венгрии, принимала деятельное участие в культурном прогрессе этой страны. Земледелие, торговля, ремесла, искусство, литература, педагогика, юриспруденция, общественная благотворительность и государственная деятельность имели здесь в армянах достойных представителей. Назову некоторых из них:

Эрнест Даниэль, министр финансов в Венгрии.

Владислав Лукаш (Гукасян), профессор государственного права в Раабской академии. Девять лет он состоял депутатом в венгерском парламенте (1878—1887), исполняя одновременно должность докладчика комиссии при министерстве финансов. В 1887 году был назначен товарищем министра финансов.

Адалберт Лукаш, известный публицист. Долгое время состоял членом парламента. В 1892—1895 г. был министром торговли. Пользуется большой популярностью как честный и способный государственный деятель.

Георгий Лукаш, статс-секретарь, бывший товарищ министра внутренних дел.

Христофор Лукаш, доктор богословия, знаток языков: армянского, румынского, итальянского, английского, греческого и латинского. Он оставил много ученых трудов, исторических и иных; долго хлопотал об учреждении отдельного епископства для венгерских армян, но старания его не увенчались успехом в Риме. Х. Лукаш на свой счет открыл в гор. Герле сиротский дом для армянских детей и завещал в пользу приюта все свое состояние. Он умер в 1876 г.*).

Соломон Кайцак, доктор прав Пресбургского университета. Поступил на военную службу и участвовал в военных действиях; заявил себя талантливым драматургом; в 1863 году выбран депутатом в парламент, в 1867 г. вице-президентом, а через три года — президентом парламента; в 1870 г. назначен государственным контролером.

*) Род Лукашей занимает почетное место в истории Венгрии. Во время восстания 1848 г. в числе главных сотрудников Людвиг Кошута был один из членов этого рода.

Франциск Кайцак, правовед. В 1881 году избран в парламент; с 1885 г. — в должности обер-прокурора.

Антон Мольнар (мольнар — мельник; армянская его фамилия — Агацпанян-Мельников), член парламента, публицист и историк; известен его труд «Исследование Самошуйвара».

Гергели (Григорий) Шимай (Шмавонян), статс-секретарь, бывший член парламента; занимал высшие должности по разным ведомствам.

Мартын Новак был первым депутатом в парламенте от гор. Герла, занимал должность директора департамента почт и телеграфов.

Яков Богдан (Асатурян), бывший член парламента, отличался большими способностями и последовательно занимал ответственные посты в разных министерствах. Умер в 1887 году.

Богдан Корбули, один из ярых венгерских патристов; в 1840 году, в числе некоторых, был послан делегатом в Вену.

Захарий Корбули, педагог, поэт, художник и механик. За время своей 42-летней педагогической деятельности он воспитал до 2½ тысяч учеников. Венгерцы чтят его память за его заслуги в деле национального самосознания.

Франциск Шароши, доктор прав, лингвист и литератор; был влиятельным деятелем в министерстве юстиции.

Антон Ласлофи, сын известного венгерского благотворителя Богдана Ласлофи, получившего потомственное дворянство от Марии Терезии в 1758 году. Антон Ласлофи занимал высокие административные должности и умер статс-секретарем в 1874 году.

Григорий Хецеян, 40 лет служил на педагогическом поприще. Много сирот и бедных детей воспитывались на его счет. Все свое состояние, в 40.000 флоринов, он завещал в пользу благотворительного учреждения для воспитания сирот. Умер в 1889 г., 64 лет.

Христофор Санготян, редактор-издатель венгеро-армянского ежемесячного журнала. Шесть лет был директором ремесленного училища в гор. Герле (Самошуйвар). Состоит гласным в городской ду-

ме этого города, членом правления сберегательной кассы, старостой армяно-католической церкви Св. Стефана, членом-корреспондентом венгерского этнографического общества и докладчиком в нем по армянскому отделу. Родился в 1843 г.

Генерал Евгений Гиш, один из известных героев 1848 года. Прежде он был помощником командующего венгерской армией, а затем командующим её. После подавления восстания он умер в крепости Араде.

В венгерской армии много насчитывается ныне штаб- и обер-офицеров из армян, достаточно сохранивших свой коренной тип и характер.

Венгерские армяне имеют свой национальный орган на мадьярском языке, газету «Армения», издающуюся в Герле с 1887 года*).

Х.

По отделении Египта от Турции во главе своих министров хедивы ставили всегда армян. Вслед за Логос-беем Юсуфьяном, о котором лорд Пальмерстон отозвался в парламенте, как о «великом азиатце», таким же влиятельным министром был Нубар-паша. Его деятельность как министра-президента продолжалась более четверти столетия.

Верная служба армян выдерживала всякий искус даже в таких фанатических государствах, как Персия и Афганистан. Наср-Эддин-шах питал особое доверие к армянам, которым давал высшие назначения как внутри государства, так и при европейских дворах.

В полуварварском Афганистане, где царили всегда произвол и грубый фанатизм, честная служба армян находила себе также должную оценку**).

*) Эти справки любезно доставлены из Вены редактором армянского ежемесячного журнала «Хандес Амсория», мхитаристом о. Григорисом Калемкерьяном. Подробный биографический очерк некоторых из названных лиц был напечатан в этом журнале в 1892 г.

**) «Еще недавно эмир Абдурахман, через посредство армянского комитета в Калькутте, приглашал армян селиться в Афганистане, обещая поселенцам материальную поддержку и различные льготы. Ныне, однако, чувство его к ним радикально изменилось. В теперешнем тяжелом положении

Культурные качества армян обратили на себя внимание и русских царей. Начиная с Алексея Михайловича, русские монархи, заботясь о развитии торговли и ремесел в своем государстве и имея также в виду свои завоевательные задачи на Востоке, оказывали в продолжение двух столетий особенное внимание армянам, состоявшим в подданстве Персии и Турции. Они наделяли их большими привилегиями и льготами, награждали чинами, орденами, и давали массу благодарственных грамот на имя верховного главы армянской церкви и «славного гайканского народа»^{*)}.

Просвещенный наместник Кавказа, князь Мих. Сем. Воронцов, желая поднять экономическое благосостояние края, остановился только на армянах, как на единственно способном для выполнения его задач элементе. И армяне оправдали ожидания этого государственного человека в полной мере, так что ныне никакой иностранец, посетивший Кавказ, не скажет, что русские вносят в завоеванные ими края менее культурных начал, чем англичане и французы в свои колонии^{**)}.

Трудолюбие, энергия и безусловная верность тому государству, подданными которого армяне состоят, — вот характерные черты этого народа, которыми он отличался всегда в разных государствах Азии, Европы и Африки.

Желая найти выход для беспрепятственного развития своих культурных способностей, армяне в

Турции он винит одних только армян и, как правоверный мусульманин, не может их терпеть более в своем государстве. Опала постигла даже его прежнего любимца, Сераурдина-хана, управляющего пороховыми заводами в Джелла-лабаде, предки которого еще при Надир-шахе поселились в Кабуле. В прошлом июне в знак особой милости эмир сделал Сераурдин-хану подарок в 10.000 рупий, а ныне навсегда приказал покинуть Кабул! Вместе с Сервурдин-ханом покидают Кабул и 21 человек его родственников. С уходом их в Афганистане не останется более ни одного армянина». См. «С.-Петербургские Ведомости» 1897 г. № 100.

^{*)} См. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», Сергея Глинки, Москва, 1838 г.

^{**)} Но с легкой руки некоторых публицистов ныне идет другое течение: армяне признаются на Кавказе во всех отношениях «зловредным элементом».

расшатанной Турции стремятся к обеспечению жизни и имущества. Не понимая, между тем, своих собственных выгод и забыв прошлые примеры, насколько армяне были полезными для нее, Турция еще так недавно отнеслась к ним столько же бесчеловечно, сколько и безрассудно. И этим она доказала полную свою неспособность к культурному возрождению и занятию подобающего места среди цивилизованных государств. Но сотни тысяч армянских жертв не означают еще достижения Турцией какой-нибудь цели... Она только вычеркнула себя из списка государств, которые имеют право на существование, армянам же дала уверенность в возможности их духовного возрождения для выполнения более широкой миссии при поступательном движении России на Юго-Восток.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГАЙКАНСКОГО НАРОДА

В этой части я хочу затронуть ту сторону многовековой жизни армян, которая представляет немало интереса с точки зрения исторической критики и психологического анализа. Я говорю о политическом прошлом армян и о той беспримерной стойкости, с которой они целых сорок веков боролись с народами Азии, Африки и Европы, выдержали удары почти всех завоевателей мира, испытали все ужасы варварских времен, падали, истекали кровью, а все-таки устояли и доныне существуют на своей исконной территории.

I.

Более роковым географическим положением, чем имела Армения, едва ли обладала иная страна на земном шаре. Отсутствие со всех сторон естественных преград; великий переселенческий путь народов из Азии в Европу; этапный пункт и операционный базис при столкновениях армий Запада и Востока; вечный соблазн и предмет алчных исканий ассириян, вавилонян, египтян, персов, греков, римлян, арабов, монголов, татар и др. — вот положение, которое занимала Армения во все свое существование, т. е. в продолжение более четырех тысяч лет.

И при всем этом она создала четыре продолжительно царствовавшие династии — Гайкидов, Аршакидов, или Арзасидов, Багратидов и Рубенидов, и с некоторым перерывом сохранила свое политическое существование до 1375 года, в именно: до пленения египетским султаном Ашреф-Шабаном последнего её царя Левона VI-го. Мало этого; пять последних веков находиться в полном порабоще-

нии у персов и турок*); потерять почти всякий след политической самобытности; не иметь племенного родства и религиозного единства ни с одним из сильных народов; не видеть на горизонте светлого луча, предвещавшего им освобождение из-под мусульманского ига; терпеть всевозможные насилия со стороны фанатических покорителей — и при таких ужасных условиях, не исчезнуть, а остаться еще прикрепленными к земле праотцев, сохранить веру, язык, крепкие основы семейной жизни, патриархальные нравы — явление, поистине весьма редкое в истории человечества! Какое благодарное поле для исторического исследования и психологического анализа! Интерес тут усугубляется еще тем, что армянский народ, считавшийся иными «совершенно выродившимся и погрязшим в меркантильно-эгоистических расчетах»**), в последние годы обнаружил в Турции необычайные духовные силы и доходящее до высших пределов чувство самопожертвования во имя восстановления своих человеческих прав!

Но политическое прошлое и значение армян в общечеловеческой истории доныне остались, можно сказать, вовсе неисследованными и невыясненными. Правда, известные армянские историки из

*) За исключением, как уже было сказано, Карабахской области, Сасуна и Зейтуна, противостоящих, до последнего времени, Персии и Турции.

**) Речь идет, конечно, о том, что многие, зная армян только по городским обывателям, считают их «исключительно торговым народом». Между тем статистическое исследование Г. А. Сазонова («Русская Мысль», октябрь 1896 г.) и статья князя Э. Э. Ухтомского («С.-Петербург. Ведомости» № 72, 1897 г.), подкрепляемые официальными данными, показали, что торговый класс у армян, по крайней мере в России, составляет, по исчислениям г. Сазонова, лишь 5%, а князя Ухтомского — 6% всего армянского населения, вся же остальная часть занимается земледелием, ремеслами и фабрично-заводской промышленностью.

Что касается турецких армян, то в силу царившего в Турции произвола и грабежа торговли там, даже в больших городах, не особенно процветала. Следовательно, процентное отношение торгового класса к земледельцам и ремесленникам в Турции представляло всегда еще меньшую цифру, чем у русских армян. Земледелие и ремесла в Малой Азии были всегда почти исключительным занятием армян, как райи, которая должна была работать для прокормления турок и курдов.

мхитаристов, Чамчян, Инджиджян, Алишан, Каракашьян и другие прославили свое имя обширными трудами, в которых изложили все, что оставили их народу повествователи всех веков. Эти труды заключают в себе обильный материал для всестороннего изучения той роли, которую играли армяне в истории народов. Из них можно черпать все данные для уяснения и верного понимания разных сторон политической и социальной жизни древних армян, их духа, характера, своеобразного направления дохристианской культуры, роли в общечеловеческой истории и т. д. и т. д. Однако, на изучение всего этого армянские ученые не обращали никакого серьезного внимания; поэтому и трудно добиться от них ясного отчета по многим существенным вопросам, касающимся армянского народа. Напр., какими особенностями народной жизни и характера обуславливалась относительная долговечность Армянского государства вопреки невыгодному географическому положению страны и тяжёлым внешним обстоятельствам? Какую долю участия имело это государство в истории человечества? Чем объяснить, что в нем не образовалось такой сильной централизации власти, какую мы видим у египтян, ассириян, римлян и других современных ему народов? Была ли у армян дохристианского периода известная культура и в какой форме она выражалась? Почему христианское учение легко привилось у армян и с необычайной твердостью устояло против напора маздеизма и силы ислама? Религиозное ли начало только было причиной стойкости армян, или еще что-нибудь другое? и пр., и пр.

Такие вопросы, разъяснение которых и дает возможность составить определенное понятие об истории народа, вникнуть в его жизнь, обнять его дух, определить его характер, отличить расовые и национальные качества и т. п., доселе еще настолько были игнорированы и оставлены без всякой разработки у армян, что даже ученый армянин, задаваясь ими, сбивается с толку и дает объяснения, вовсе не выдерживающие критики.

Доказательство налицо. Известный арменист, покойный профессор С.-Петербургского университета, Керопэ Петрович Патканов, в 1881 г. выпустил

брошюру под заглавием: «Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии». В этой брошюре, в связи с трактуемым предметом, он затрагивает и по своему решает некоторые из вышеотмеченных общих вопросов (см. стр. 36, 37). Но суждения его таковы, что согласно им все значение армянской истории низводится чуть ли не до нуля (не забудем — истории того самого народа, которого не могли обратиться в нуль все сокрушители трех частей мира!). Суровый приговор профессора в изложении своем облечен в такую мягкую форму и составлен если и нелогично, то так искусно, что на некомпетентного читателя производит впечатление беспристрастной критики и обоснованных суждений. Такое впечатление усиливается еще тем соображением, что критик, как армянин и известный ученый, не мог бы, казалось, допустить грубых ошибок в высказываемых им взглядах, тем более из злого умысла исказить факты и извращать истину для умаления исторического значения своего народа. Если прибавим к этому, что ни один знаток армянской истории до сих пор еще не представил никакого возражения против мнений проф. Патканова — вероятно под давлением его авторитета, — то мы должны были бы признать, что вся многовековая политическая жизнь армян действительно была лишена почти всякого значения в истории человечества, как это утверждает покойный ученый.

Но так ли это? Верно ли понимал проф. Патканов историю своего народа? Не давал ли он, по незнанию или умышленно, превратные толкования поднятым им вопросам? Не грешил ли узостью взглядов, противоречиями в выводах, подчас даже отсутствием простой логики и последовательности? Все это нам выясняет Григ. Никол. Никогосов в своем труде, озаглавленном: «Опыт критического разбора армянской истории в возражениях проф. К. П. Патканову»^{*)}.

^{*)} С содержанием этого рукописного труда, не изданного до сих пор, как и другие обширные труды г. Никогосова, знакомы многие из его друзей. С любезного разрешения автора я воспользовалась его рукописью, чтобы привести здесь некоторые, наиболее существенные ее места.

Проф. Патканов говорит в вышеупомянутом своем сочинении о ванских надписях: «Несомненно, что Армения была населена с незапамятных времен и, находясь в центре цивилизованных народов древнего мира, была в то же время местом, где происходили до позднейшего времени все столкновения Запада с Востоком. Несмотря на это, Армения, как государство, не играла особенно важной роли в истории человечества, и ее имя было только географическим термином страны, в которой решали свои споры сильные соседи: ассирийцы, мидяне, персы, греки, римляне, парфяне, арабы, турецкие племена, монголы, персияне, османы, русские...»^{*)}.

Г. Никогосов, прежде чем фактически возражать профессору Патканову, обращает внимание читателя на своеобразность рассуждений ученого: полное отрицание является у него заключением полного утверждения; речь о существовавшем «с незапамятных времен» населении страны кончается вдруг непризнанием его существования; представление о роли того или другого государства в истории человечества ограничивается понятием о его военных подвигах и произведенных им кровопролитных боях, и проч.

И в самом деле, проф. Патканов начинает заявлением, что Армения была «населена с незапамятных времен» и представляла государство, «не игравшее особенно важной роли в истории человечества», но затем говорит, что «её имя было только географическим термином страны, в которой решали споры сильные соседи...».

Под «географическим термином» мы понимаем обыкновенно названия таких стран, как древняя Лидия, Мидия, Мизия, Парфия, Пафлагония, Фригия, Вифиния, Финикия и пр., коренное население которых, смешавшись с другими народами, давно уже исчезло с лица земли. Но раз Армения была населена, и притом «с незапамятных времен», и это население состояло всегда именно из армян, то как же она являлась «лишь географическим термином»,

т. е. страной исчезнувшего народа в особенности, когда даже и в современном своем положении эта страна далеко не представляет собою этого термина?..

Предположим, что выражение «географический термин» относится не к этнографии Армении, а к её крайней слабости в политическом отношении. Но тогда у профессора Патканова выходит еще большая несообразность: государство, обратившееся в географический термин, не могло бы играть не то что «особенно важной роли», но совсем никакой роли, находясь как бы в положении паралитика. Когда утверждают о ком-нибудь, что у него паралич ног и рук, то было бы странно тут же сказать: а все таки этот паралитик, во время пожара в его доме, лазал по лестницам и выкачивал воду вместе с пожарной командой, но только... «без особенной ловкости». Раз паралитик — так паралитик: какая тут может быть речь об его особенной или не особенной ловкости! То же самое с Армянским государством: если оно представляло собою «только географический термин», то может ли быть место для определения важности или неважности его роли в истории человечества и в мировых событиях?

Затем, у профессора Патканова в вышеприведенных словах просвечивается очень любопытный взгляд на роль государства в общечеловеческой истории. Следовало бы думать, что, отмечая местоположение Армении в центре цивилизованных народов древнего мира и говоря сейчас же об её якобы не особенно важной роли в истории, он под этим словом разумеет роль культурную, созидательную и ценную для человеческого прогресса. Но, увы! ничего подобного. Профессор приписывает цивилизованным и варварским народам одинаково важную роль, ставя их на равную доску и вовсе не принимая во внимание, что одни из них распространяли свет, насаждали культуру, вводили гражданственность, а другие опустошали цветущие страны, разрушали великолепные города и совершали поголовные избиения. Такой взгляд ученого не явствует ли из того, что вслед за словами о роли в истории человечества он ставит ассирийян, гре-

^{*)} Выделено нами. М. Н.

ков, римлян, арабов, русских в один ряд с монголами, турецкими племенами и османами? Не следует ли заключить из этого, что, по разумению проф. Патканова, голодные орды среднеазиатских варваров, прошедшие многие страны огнем и мечом, играли в истории человечества столь же «важную роль», как Афины и Рим со своими гениальными людьми? Пожалуй, одинаковость важности исторических ролей обеих категорий поименованных профессором народов можно было бы еще признать — у одних по степени отрицательности их роли, а у других по степени положительного её характера, — но ведь в словах г. Патканова мы не видим, к сожалению, никакого указания на такое различие.

«Допустим, однако, говорит г. Никогосов, что кровопролитные войны, опустошения и разрушения обозначают также «важную роль» государства в истории человечества. Если бы даже и было так, то историческими данными докажем теперь, что во всех войнах, которые велись в Армении или при участии армян, одну из наиболее важных ролей — в иных же случаях самую важную — играло всегда именно Армянское государство».

За решение этой задачи он берется, исходя из следующих положений относительно того, в чем можно полагать важность роли того или другого государства с точки зрения его причастности к войнам:

1) В возникшей между двумя государствами войне главная, следовательно, и важная роль принадлежит той стороне, которая подала повод к столкновению. Она ли нападала первая или нет, побеждала или терпела поражение, но раз она взяла на себя весь риск и ответственность за последствия войны, бросив вызов противнику, то за ней и остается наиболее активная, значит, и важная роль.

2) В борьбе двух или более государств одна из важных ролей выпадает на долю того, которое своей вспомогательной силой решает участь войны и судьбу воюющих между собою сторон.

3) Важна роль и той страны, на которую, по тем или иным причинам, устремляется внимание разных соперничающих между собою и воюющих из-

за нее государств: она служит причиной кровавых драм и тем становится главной их героиней, особенно если сама принимает деятельное участие в них, отстаивая свою независимость.

4) Государство, которое одновременно или разновременно борется против многих противников, нападающих на него, играет тем более важную роль, чем больше число этих противников, и в особенности, если оно их отражает.

По установлении этих положений г. Никогосов обращается к историческим писателям, как у самих армян, так и у римлян, греков и византийцев^{*)}, и на основании их данных доказывает, что во все времена исторической жизни человечества, начиная с самых отдаленных времен, Армянское государство постоянно являлось на её сцене то в той, то в другой из тех ролей, которые выше отмечены как имеющие несомненную важность в истории. Приведем здесь в самом кратком виде некоторые из этих сведений о столкновении армян с другими историческими народами и затем изложим основанное на них заключение г. Никогосова.

АРМЯНЕ И АССИРИЯНЕ

Ассирияне много веков вели кровопролитные войны с армянами, после чего армянский царь Паруйр вступил в союз с мидийским царем Киаксаром, чтобы положить конец Ассирийскому царству; к ним присоединился вавилонский царь Навуходоносор, и все трое направились к Ниневию. Город был взят приступом, и ассирийский царь Сарак не ждал и не просил пощады, а велел зажечь свой дворец и погиб в пламени вместе со своими женами и приближенными (606 до Р. X.).

^{*)} Из римских и греческих авторов об армянах говорили: Страбон, Плиний, Прокопий, Дион Кассий, Тацит, Аммиан Марцелл, Плутарх, Птолемей, Феодорет, Исидор, Синцелл, Геродот, Ксенофонт, Полибий, Цицерон, Гораций, Светоний, Созомен, Сократ, Эвагрий, Зонар, Синезий, Юлиан, Евсевий, Зосим, Михаил Аталиот, Феофан, Георгий Цедрен, Эфремий, Георгий Пахимер, Никита Хониат, Дукас, Константин Багрянородный, Никифор Грегорас, Лез Диакон, Кантакузен и др.

АРМЯНЕ И МИДЯНЕ

Мидийский царь Астиаг был вынужден объявить войну армянскому царю Тиграну I вследствие того, что узнал о тайном договоре его со своим внуком Киру, задумавшим лишить Астиага престола. В разгар боя мидийский царь был убит, пораженный копьем Тиграна (558 до Р. Х.), и престол перешел к Киру, положившему основание сильной Персидской монархии. Тиграну же достались богатые трофеи и царская казна; были взяты им в плен все царские родственники и до 10.000 мидян, которых он водворил на жительство у подошвы горы Арарат, даровав всем свободу и общие с армянами права. Под именем мурацанов переселенные мидяне крепко привязались к новому отечеству, которому оказали впоследствии немало услуг.

АРМЯНЕ, ЛИДИЙЦЫ И ВАВИЛОНЯНЕ

Покончив с Астиагом, Кир, в союзе с Тиграном I, двинулся дальше. Он пошел сперва на лидийского царя Креза (550 до Р. Х.), а затем на Вавилон. Сарды и Вавилон были взяты союзниками, и оба царства пали пред их соединенными силами.

Еще до того пророк Иеремия, современник этих событий, предвидя грозившую Иудее опасность со стороны вавилонян, увещевал свой народ обратиться за помощью к армянам для наказания беспокорных соседей. «Поднимите знамя на земле, трубите в трубы среди народов, вооружите против него (Вавилонян) народы, созовите на него царства Араратские, Минийские и Асканазские^{*)}, поставьте вождя против него, наведите коней, как страшную саранчу» (книга первая пророка Иеремии, гл. 51, стих 27).

АРМЯНЕ И ПАРФЯНЕ

По сказаниям Диодора Сицилийского и других историков, первый народ, освободившийся из-под господства селевкидов, унаследовавших азиатскую часть обширной империи Александра Македонско-

го, были парфяне, жившие в гористых местностях, прилегающих к восточным и западным берегам Каспийского моря. Предводителем парфян, восставших в 255 году до Р. Х. против селевкидов, был некто Аршак (у греков Арзас). Хотя Аршаку удалось выгнать из своей земли селевкидского наместника и его гарнизоны, но окончательной независимости он добился только после 17-летней борьбы в союзе с бактрийцами против селевкидов. Таким образом, только в 238 году парфяне отпраздновали день своей независимости, признав своим царем виновника своего освобождения Аршака I. Но селевкиды еще около полувека воевали с парфянами, чтобы снова их покорить. С воцарением же в Парфии Митридата I, называвшегося также Аршаком VI, парфяне, предводимые этим талантливым и прозорливым царем, настолько усилились, что стали сами стремиться к завоеваниям. Он освободил Персию, состоявшую в это время из Мидии и собственно Персии, от селевкидов и утвердил здесь в 160 году до Р. Х. свою династию, цари из которой назывались с этого времени Аршакидами. Затем он перенес центр вновь утвержденной им Парфянской монархии в Малую Азию, по соседству с Арменией.

До Александра Македонского в Армении царствовала 2150 лет династия Гайкидов, происходившая от родоначальника армян — Гайка. Последним царем из этой династии был Вахэ, который пал в битве с Александром Македонским при Арбеллах в 330 г., находясь во главе 50.000 пеших и 7.000 конных армян, входивших в состав армии персидского царя Дария Кодомана, как вспомогательное войско. После этого Арменией управляли также селевкиды, пока армяне не обратились к вышесказанному парфянскому царю Митридату I, иначе Аршаку VI, с просьбой дать им царя из его рода. Аршак VI охотно исполнил их просьбу, видя в этом прямую выгоду для себя, чтобы заодно с ними окончательно сломить силу селевкидов. В 150 г. (до Р. Х.) Аршак VI послал в Армению брата своего Вагаршака (у греков Валарзас), воцарение которого не обошлось, конечно, без кровопролитных

^{*)} Отдельные царства армян.

столкновений с селевкидами и соседними народами, из числа тех, которые еще оставались верными селевкидам.

Итак, в Армении воцарилась, спустя 10 лет после утверждения парфянской династии в Персии, эта же самая династия, причем персы, армяне и парфяне, представлявшие совершенно независимые друг от друга государства, связались родственными узами своих верховных правителей, установивших между собой, что право первенства во всех трех государствах будет принадлежать всегда парфянским Аршакидам.

Первый армянский Аршакид Вагаршак царствовал около 22 лет, его сын Аршак I — 13 лет, а за ним следовал, с 114 г. до Р. Х., его старший сын Арташес I (у греков Артаксерксес), отличавшийся воинственным духом и гордым характером. Современником Арташеса I в Парфии был Митридат II, против которого он обратил оружие с целью захватить у него право первенства в династии, что ему и удалось. Это право соединялось с ношением титула «царь царей» и чеканкою монеты с изображением на ней бюста старшего по верховной власти во всей династии.

Это насильственное действие Арташеса I, утвердившего старшинство за армянскими Аршакидами, и становится началом вражды между парфянами и армянами, которая лишь временами сменялась союзом между ними для борьбы против общих врагов — римлян.

АРМЯНЕ И РИМЛЯНЕ

После такого унижения парфянского царя Митридата II беспокойный Арташес I захватил разные небольшие малоазиатские государства и затем, с помощью сильного флота, перешел в Грецию, разгромил Фракию и Элладу (89 г. до Р. Х.). Это явилось как бы вызовом римлянам, в сфере влияния которых находились опустошенные Арташесом местности.

Процарствовав с громкой славой 25 лет, Арташес I испустил дух с возгласом: «Увы, все на свете бренно!». После него вступил на престол его сын

Тигран II, который превзошел отца своим воинственным духом и стремлениями к завоеваниям.

Выдав свою дочь за понтийского царя Митридата, Тигран II, прозванный Великим, помог ему захватить римские области у азиатских берегов Средиземного моря. Он же завладел Селевкийским царством, Палестиной, Финикией и наложил дань на все народы, жившие от Кавказских гор до Красного моря*).

Утвердив таким образом гегемонию своего государства над всей Передней Азией, Тигран Великий стал опасным врагом для римлян, которые вынуждены были объявить ему войну, о чем подробнее поговорим в следующей главе.

АРМЯНЕ И ПЕРСЫ

Персы, связанные с армянами, кроме общей парфянской династии Аршакидов, еще и своим ближайшим родством в семье арийских народов, в большей или меньшей степени ладили с ними, тем более, что имели в последних оплот и верных союзников против римлян. В 226 году по Р. Х. в Персии династия Аршакидов была низвергнута персом Арташиром, сыном Сассана. Зачинщик государственного переворота провозгласил себя царем Персии и тем основал новую династию Сассанидов. Так порвалась родственная связь между армянскими и персидскими царями и между их государствами установились неприязненные отношения, сильно обострившиеся после принятия армянами христианства, тогда как персы остались верными учению Зороастра.

* «Тигран до того возгордился своим величием, — говорит Плутарх, — что повелители многих стран, лишенные им короны, находились при нем в услужении. Четыре царя исполняли должность его телохранителей, и когда армянский Сезострис садился на лошадь, они шли около него; когда он восседал на троне или собирался дать какой-нибудь приказ, они стояли перед ним, скрестив руки».

«Тигран Великий в это время заслуженно носил титул царя царей, — говорит другой историк, — и ему платили дань: грузины, кавказские албанцы (у армян — алваны), адабенийцы, народы Атрпатакана (нынешний Азербейджан), мидяне, киликийские и капподикийские греки, арваняне, вавилоняне и другие».

Это религиозное разобщение двух соплеменных народов и послужило одной из главных причин долгих ожесточенных войн между ними.

АРМЯНЕ И ВИЗАНТИЙЦЫ

Братство во Христе с византийцами не принесло армянам никакой пользы. Христианство в том виде, в каком оно развилось в Византии, не произвело почти никаких перемен в греко-римских нравах. Испорченность римлян, соединенная с коварством греков, сказываясь во внешней политике Византии, причиняла армянам, как и грузинам, не менее зла, чем открытая вражда язычников-персов. Прикрываясь знаменем христианства, Византия подавала армянам и грузинам всегда надежды на помощь, поощряла их к смелым и непосильным действиям и тем вызывала в их противниках большую злобу и ненависть. Между тем в критическую минуту она не только не оказывала никакой поддержки этим прямым в политике народам, наоборот — сама посылала на них целые армии, чтобы спешествовать их гибели. Так поступала Византия с армянами в V и последующих веках.

В её политике немалую роль играл также фанатизм греческого духовенства. За неявку армян на Халкедонский собор в 451 году и непринятие его постановлений*) византийские императоры, под влиянием духовенства, воспылала к армянам не меньшей ненавистью, чем персидские Сассаниды. Император Маврикий, напр., писал персидскому царю Хозреву II в 592 году: «Армяне упрямый и мятежный народ; стоя между персами и греками, они никогда не дадут им покоя; поэтому нужно общими силами выселить их из Армении и расселить по разным местам, чтобы нам жить в мире» и т. д.

Следствием подобного отношения византийцев к армянам было то, что, усиленно содействуя сперва персам, затем арабам, туркам и татарам в их

*) До разбора ли догматических тонкостей было армянам, когда они как раз в это время, с Вартаном Мамиконяном во главе, готовились к роковому бою с персами, грозившими раз навсегда покончить с христианством в Армении!

стремлении погубить армян, в конце концов погибли и сами от тех же общих врагов христианства и цивилизации.

АРМЯНЕ И АРАБЫ

В VII столетии возникло учение Магомета, которое, сокрушив персидский маздеизм, грозило тем же христианству в Передней Азии. Но арабы наткнулись на армян, как на гранитную скалу, и учение пророка не имело здесь никакого успеха.

Впервые арабы появились в Армении в 640 году, при халифе Омаре. Но еще в 432 году царская династия Аршакидов в Армении пресеклась и государство распалось на отдельные области, управляемые нахарарами. Пред общими врагами, угрожавшими самостоятельности каждого из нахараров порознь, по-видимому, следовало бы этим последним сплотиться и дать дружный отпор наступавшим арабам. Однако для такого совместного действия представлялись главной помехой топографические условия страны: пересеченность и раскиданность территории лишала князей и народ всякой возможности легкого общения между собой и быстрого сосредоточения боевых сил на желаемом пункте, почему им и приходилось действовать отдельно. При всем этом они отлично сознавали свой долг — биться с врагами до последней капли крови. Арабам пришлось сильно считаться с таким сознанием армян и воевать с ними в продолжение 380 лет (640—1020), вплоть до появления турок-сельджуков. Хотя Армения была подчинена политической власти арабов, которые поставили там своих представителей, востиканов, иначе вест-ханов, но им не удалось ни обезоружить население, ни изменить внутренний строй его жизни и уничтожить нахарарские роды, чтобы легче поработить безначальный народ*).

*) Дамасские и багдадские халифы оправдывали этот успех перед магометанским миром тем, что законы пророка предписывают-де его наместникам относиться к народам и к их верованиям с терпимостью и не лишать их внутренней свободы. Между тем эти самые законы несколько не поме-

Армяне, предводимые доблестными нахарарами, то и дело восставали против господства арабов и по уничтожении их гарнизонов изгоняли востиканов из пределов армянской земли. Халифы посылали тогда новые войска в Армению, которые часто были разбиваемы наголову, а если победа оставалась за арабскими военачальниками, то они совершали над населением неслыханные жестокости. Так продолжалось «подчинение» Армении арабам, пока нахарарский род Багратидов не успел объединить несколько областей и приобрести такую силу, что багдадский халиф Магомет-Джафар вынужден был в 859 г. признать за князем Ашотом I Багратидом, через востикан Али-Армена, царскую власть с титулом шахин-шах (верховный царь).

Ставленники арабов в магометанской Персии зорко следили за усилением Багратидов и за унижением перед «гяурами» наместников пророка. Поэтому персидский военачальник Джахал с 80.000 войском неожиданно вторгся во владения Ашота, чтобы в корне же уничтожить вновь нарождавшееся по соседству с Персией христианское государство. Но после жаркой битвы на берегу Аракса с войсками Ашота Джахал потерпел полное поражение и едва спасся от плена.

Победа воинственного царя побудила багдадского халифа снарядить на этот раз чрезвычайное посольство к Ашоту, послав ему царскую корону и порфиру (885 г.). Ашот принял посольство, с его представителем Исэ, в своей резиденции Ани, где и был коронован католикосом Геворгом, окруженный нахарарами, среди общего ликования народа. Примеру халифа последовал вскоре византийский император Василий II, из династии армянских Аршакидов*).

шли тем же наместникам поступить совершенно иначе с Сирией, Египтом, Персией и даже Испанией, обладавшей несравненно более выгодными топографическими условиями для самозащиты, чем Армения.

*) По исследованиям проф. Венского университета Г. Гельцера, начиная с Льва III (717) четыре века подряд Византия имела императоров армянского происхождения. Хотя из них выдавались такие императоры, как Маврикий VI, Лев V Армянин (813—820), Константин Багрянородный, Иоанн Ци-

После этого арабы стали лицом к лицу уже с Багратидами, против которых и продолжали борьбу. Открытые со всех сторон для нападения врагов, Багратиды почти два века находились в постоянных войнах то с арабами, то с византийцами, то абхазцами и другими народностями Кавказа и, наконец, с турками-сельджуками.

АРМЯНЕ, ВИЗАНТИЙЦЫ, ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ И ТУРКИ-ОСМАНЫ

В начале XI века в Армении появились орды тюрк-сельджуков, под предводительством Тугрилка. Начались новые кровопролития, причем византийцы превосходили всякую меру фанатизма и слепой ненависти к армянам. Несмотря на то, что в лице турок надвигалась опасность на их собственное государство, греко-римляне, из-за вражды к армянам, направили на них целую армию, чтобы одновременно с варварами смять и уничтожить все население Армении. Атакуемые с фронта и с тыла, армяне выказали необычайную храбрость. Стотысячная армия императора Михаила осадила столицу Ани и требовала её сдачи. Армянский воевода Вахрам сделал энергичную ночную вылазку из осажденного города и уложил на месте 20.000 греков, остальные в беспорядке бежали, преследуемые Вахрамом, далеко за пределы страны. Вслед за этим в Армению были отправлены императором еще две армии, но их постигла такая же участь. Ожесточение греков дошло до последних пределов. Они призвали на помощь арабского эмира Абуль-свара, и император Константин Мономах, для поддержки его, послал в Армению новые войска, под начальством полководца Николая. Греки опять потерпели неудачу и вернулись ни с чем. После этого они прибегли к подкупам влиятельных в Армении лиц, к разным хитростям и лжеприсягам, посредством которых им удалось овладеть

миский, Василий I, Василий II Болгаробоец и другие, но, как отчужденные от своего отечества ренегаты, они проявляли всегда гораздо больше вражды к армянам, чем сами греки.

Из византийских полководцев армянского происхождения известны: победитель восточного Нарсеса, или Нарзеса, Вард и др.

Ани*) и другими укрепленными городами. Став хозяевами края, греки учинили над армянами такие жестокости, какие им едва ли пришлось испытать даже от полчищ Тамерлана.

Что касается Тугрил-бека, то он после первого разгрома Армении отступил в Месопотамию, чтобы выждать гибель христианского государства от христиан же. Узнав об окончательном истощении армян, он направил на них большую орду. Греки предоставили армян их собственной судьбе. Несмотря на подкошенные византийцами силы, армяне оказали сельджукам мужественное сопротивление, всюду преграждали им дорогу и не сходили день и ночь с бастионов крепостей. Горе было городам, павшим под ударами варваров: они истребляли всех, не щадя и грудных детей. В одном городе Ардне было избито до 150.000 душ (1049 г.).

Целых семь лет бились дикие орды с армянами, но они все-таки не смогли окончательно сломить духа сопротивления в героическом народе. Наконец взялся за дело сам Тугрил-бек, двинувшись в поход с огромным полчищем. Раздражение армян достигло крайнего напряжения. Сражались все, кто только имел малейшую способность носить оружие, и старцы, и юноши, женщины и девушки. В одной жестокой битве был ранен сын известного сельджукского князя Асурана. Удалой армянин Татул,

*) Величественные развалины Ани, между Александрополем и Карсом, сняты многими фотографиями, которые сбывают свои снимки, с пояснениями к ним, любителям старины, большей частью в Европе. В иностранной печати не раз высказывалось удивление, что армяне могли создать в короткое время и среди постоянных тревог варварских времен такой обширный и чудный город, который с честью служил бы столицей любому из нынешних европейских государств. Резиденцию Багратидов украшало множество дворцов самой изящной архитектуры из мрамора, черного гранита и других ценных камней, с мозаичными украшениями на стенах и потолках, обилие храмов, доходивших числом, по сказанию летописцев, до тысячи, были проложены просторные подземные дороги для поселян, снабжавших жителей столицы разными припасами, устроены водопроводы и пр.

Считавшийся неприступной крепостью, Ани имел только искусственные укрепления, возведение которых, судя по их размерам, должно было требовать от армян не менее труда и технических знаний, чем сооружения внутри города.

который попал в руки врагов, был признан виновником этого. Тугрил-бек велел привести его к себе и сказал: «Хотя ты должен быть четвертован за нанесенную моему любимцу рану, но я тебе дам свободу, если он останется жив». Татул ответил с бесстрашием Муция Сцеволы: «Если удар нанесен моей рукой, будь уверен, что он не переживет!». Через несколько дней княжич умер и Татул был казнен. Но Тугрил-бек, желая доставить некоторое утешение Асурану и показать своим, с какими мощными людьми ему приходилось бороться, велел отрезать правую руку Татула и послал ее Асурану.

Медленно подвигаясь вперед, Тугрил осадил город Маназкерт. Целый месяц он пытался взять его, пуская в ход тараны, катапульты и другие машины для метания камней и разрушения стен. Все оказалось тщетным. Один священник посредством придуманных им приспособлений парализовал силу ударов в стены, а некий франк (европеец) какими-то взрывчатыми средствами сжигал и приводил в негодность деревянные части осадных машин. Тугрил снял осаду и всю злобу выместил на жителей города Арцкэ (нынешний Адельдживаз), срывая его с земли и никого не оставив в живых.

После Тугрила пришел со свежими силами его брат Алпаслан. Хотя изнеможенные армяне продолжали еще бороться, но вся их энергия была уже исчерпана, и сельджуки довершили полное покорение Центральной, Нагорной и Малой Армении в конце XI столетия*).

Вслед за армянами очередь дошла до греков, которые, вместо помощи армянам, только толкали их в пропасть.

*) Центральную Армению составляли нынешняя Эриванская губерния и Карсская область, Нагорная же Армения и часть Малой Армении с Васпураканской областью занимали пространство нынешних шести турецких вилайетов — Эрзерумского, Харпутского, Битлисского, Диарбекирского, Ванского и Мамул-ул-Азизского, для христианского населения которых так безуспешно добывается Европа от Турции реформ, обещанных ею в 61-й статье Берлинского трактата.

Армения во время своего могущества состояла из 15 областей с 189 подразделениями. Входившие в ее состав на окраинах Удинское, Сюнийское и отчасти Васпураканское княжества еще долго продолжали свое существование по прекращении политической жизни в Армении.

Не устояв против сельджуков, греки ушли из своих малоазиатских владений. Новые последователи Магомета, основав здесь несколько султанатов и эмиратов, проникнутые общей враждой к христианам, стали угрозой не только для близкой к упадку Византийской империи, но и для всего христианского мира. Почувяв эту опасность, Европа выступила вскоре против них крестовыми походами. Но греки все-таки понесли заслуженную кару за свои грехи, когда в XIII столетии появились турки-османы. Присоединившись к родственным туркам-сельджукам, османы, благодаря организаторскому таланту своих предводителей, объединили отдельные магометанские государства и положили основание Османской, или Оттоманской, империи (1300 г.). Вскоре она наложила оковы многовекового рабства на армян, как и на самих греков и на славян Балканского полуострова, к которым греки питали также всегда ожесточенную неприязнь. Между тем, по мнению многих историков, если бы греки в свое время оказывали армянам поддержку или, по крайней мере, оставляли их в покое, то сельджуки не утвердились бы в Малой Азии, не появились бы на сцене османы и не было бы тех страданий, которые пришлось терпеть столько веков подвластным Турции христианским народам.

Таковы бывают последствия слепой ненависти, грубого фанатизма и коварной политики, какой держалась Византия!..

АРМЯНЕ В КИЛИКИИ.

ВИЗАНТИЙЦЫ, ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ, ТАТАРЫ, ТУРКМЭНЫ,
ЕГИПТЯНЕ И КРЕСТОНОСЦЫ

Вечно новые враги и тысячелетняя борьба с ними, естественно, должны были развить в армянах сильный характер и крепкий дух и выработать из них таких закаленных воинов, какими мы уже видели их. Тем не менее сверхчеловеческое напряжение сил, доведшее их до крайнего истощения, исключало, казалось, всякую возможность каких-либо попыток с их стороны к созданию нового государственного организма.

Да и откуда бы могли взяться смелость ринуть-

ся в дальнейшую борьбу и стремление к новой самостоятельной жизни у народа, по-видимому похороненного уже под пеплом и развалинами, плававшего бездыханным трупом в потоках крови! Как бы то ни было, но факт тот, что спустя только год после прекращения византийцами политической жизни армян в Центральной, Нагорной и Малой Армении, близкий родственник злополучного последнего Багратида Гагика II-го*) князь Рубен основывает в византийской провинции Киликии королевство, просуществовавшее около трех столетий (1080—1375 г.).

Киликия, получившая свое название от жившего там в древности семитического племени киликосов, лежит в юго-восточной части Малой Азии, между 36°—37° восточной долготы; имеет в ширину, с севера на юг, 80—100 верст, а в длину, с запада на восток, 400 верст. С юга она омывается Средиземным морем, а с прочих сторон окаймляется отрогами Таврских гор, покрывающих своими разветвлениями большую часть страны. В гористой части Киликии, представляющей собой нечто вроде кавказского Дагестана, кроме быстротечных рек много горных потоков и водопадов. Из рек часто упоминаются греческими писателями Пирамос (теперешний Джейхун), Сарос (Сейхун), Каликаднос (Гёксу, или Селевке-су, в котором утонул Фридрих Барбаросса в 1190 г.) и Киднос (Тарсус-чай, в быстрынах которого едва не погиб Александр Македонский).

Первобытные жители Киликии были очень свободолюбивы и лишь номинально подчинялись персам, селевкидам, и с 63 года до Р. Х. — римлянам, которые собственно держали в покорности одну лишь равнинную Киликию. Впоследствии эта страна вошла в состав Византийской империи.

Князь Рубен, пылая ненавистью к грекам за их варварский поступок с его родственником и их жестокое обращение с армянами, задался целью отомстить им. В 1080 году он явился в Киликию,

*) Гагик II, скрывавшийся с некоторыми приверженцами от преследования греков, внезапно был схвачен и казнен или в 1079 году.

где уже были разбросанные поселения армян, образовавшиеся из выходцев, сбегавшихся сюда во время войн персов, арабов, византийцев и сельджуков в Армении. С горстью удальцов он укрепился в Таврских горах, призвал под свое знамя тамошних, а также других армян и с их помощью стал наступать на греков. Началась неравная борьба армян с греками, к которым присоединились затем турки-сельджуки, египетские мамелюки, туркмены и некоторые тюркские племена, но тем не менее страна осталась в руках армян.

Вот некоторые отрывки из истории этой героической борьбы, в которой твердость воли и несокрушимость жизненной энергии гайканского народа проявились еще с большей силой, чем мы это видели доселе.

ТОРОС I РУБЕНИД

Внук Рубена Торос для расширения своих владений затеял войну с греками, остававшимися в Киликии, приступом взял их город Аназарбу, иначе Анарзабу, и занял все его окрестности (1100 г.). Сельджукские султаны в Иконии, как и туркмены, подстрекаемые Византией, напали внезапно на Тороса, но так жестоко поплатились, что долго помнили его имя и Киликию стали называть «страною Тороса». Армяне возобновили бой с византийцами и отняли у них несколько важных укреплений, в том числе и приморский город Адану.

ТОРОС II РУБЕНИД

Торосу I наследовал его брат Левон I, который, отняв у греков главный город Киликии Тарс и Маместию, приобрел прочное положение в стране. Тогда византийский император Иоанн Комнен с большим войском высадился в Киликии, имея при себе своего воинственного сына Исаака. Началась ожесточенная война с армянами, у которых греки отбили Тарс, Аназарбу, Маместию и Адану, но наследовавший Левону его сын Торос II силой оружия вернул эти города и угрожал грекам истреблением их остатков в Киликии. В это время византийским императором был уже Эммануил Комнен, который поспешил окончить войну с маджарами, чтобы нап-

равить все силы против Тороса. Он назначил своего двоюродного брата, Андроника Комнена, цезарем (главнокомандующим) и послал его со значительным отрядом в Киликию (1152 г.).

Торос засел в укрепленном городе Маместии и спокойно ждал неприятеля. Греки осадили город и хотели взять его измором. Продовольствие оборонявшихся пришло к концу, и Торос вступил с Андроником в переговоры. О безусловной сдаче он и думать не хотел, а обещал признать за византийским императором сюзеренные права над Киликией лишь в том случае, если тот со своей стороны признает права Тороса над завоеванной его предшественниками частью Киликии. Но цезарь категорически требовал полной капитуляции, задавшись целью «везти его скованным в Константинополь».

Торос пришел в ярость и решил немедленно покончить с греками. Пользуясь темнотой ночи и проливным дождем, он распорядился сделать брешь в одной части стены, вывел войска из крепости и неожиданно обрушился на греков. Сонные греки совсем растерялись, и большая часть их была перебита, а остальные взяты в плен. Лишь цезарь со штабом могли спастись, обратившись вовремя в бегство. Обезоруженных солдат выстроили в шеренгу, и Торос объявил, что дарует им свободу в уверенности, что ни у одного из них другой раз не поднимется рука на армян. Снабженные съестными припасами, солдаты были опущены на все четыре стороны, офицеров же Торос приказал заковать в цепи и потребовал, чтобы они сами назначили себе выкуп. Пленные предоставили оценку своей жизни усмотрению Тороса, рассчитывая польстить этим его самолюбию и добиться легкого выкупа. На это последовал ответ, что «если бы жизнь офицера византийского императора имела в глазах его противника какую-нибудь цену, то он не стал бы продавать их свободу, как простой товар». Униженные этим, офицеры оценили себя очень дорого, и византийское правительство вынуждено было уплатить Торосу большую сумму, которую царь, на глазах пленных, велел раздать своим войскам.

Не решаясь после этого состязаться с Торосом, император Эммануил Комнен прибег к сельджукам.

Он подстрекнул против него иконийского султана Максута, взяв на себя все военные расходы. Максут вторгся в Киликию, но принужден был отступить, ввиду больших приготовлений Тороса. Комнен вторично снарядил его в поход. Максут осадил крепость Тиль, послав остальное войско на другие укрепления. Однако это войско по дороге наткнулось на отряд брата Тороса, князя Степана, и было истреблено до единого человека. К тому же вскоре появилась страшная эпидемия в лагере Максута, и он обратился в бегство, преследуемый конницей Тороса (1154 г.). Погоня за сельджуками продолжалась безостановочно, лишь немногим удалось спастись на своей земле.

Эммануил Комнен после этого вооружил против Тороса Рено-де-Шатильона, регента антиохийского правителя. Вовсе не ожидая враждебного действия со стороны христианского соседа, Торос сначала отступил, чтобы собраться с силами, а потом вступил с ним в бой. Шатильон сильно пострадал и вида, что ему одному не справиться, призвал себе на помощь рыцарей разных орденов, но Торос счел благоразумным помириться с ним и заручиться его союзом. Шатильон оказался вскоре очень полезным союзником: не получив от Комнена обещанного вознаграждения, он вместе с Торосом обратил оружие против византийцев, благодаря чему Торосу удалось присоединить к своему королевству еще новые земли — горные части Фригии и Исаурии.

Эммануил Комнен выказал, однако, большое упорство, послав в Киликию новое войско, под начальством Андроника Эфербена. В первой же битве с Торосом 3.000 греков остались на месте, другая же их часть разбежалась, а Эфербен попал в плен. Тогда уже сам император собрался в поход. Но иерусалимский король Балдуин III и некоторые владетельные князья из крестоносцев, предвидя большое кровопролитие, взялись помирить двух противников. Торос вернул Комнену две крепости Аназарбу и Маместию, и то лишь номинально, так как вместо гарнизона император обязался оставить там только по одному своему представителю (1159 г.).

Среди постоянных тревог воинственный Рубенид Торос II оказывал существенную помощь крестоносцам. Алеппский султан Нур-Эддин являлся опасным врагом для христианских князей в Сирии. Торос держал его в страхе и помог князьям отнять у Нур-Эддина город Цезарею. Брат же Тороса, князь Степан Рубенид, отнял у иконийского и севастийского султанов некоторые земли и образовал из них отдельное княжество. Андроник Эфербен, освобожденный из плена у Тороса, по ходатайству иерусалимского короля, состоял в это время наместником императора в приморской части Киликии. Затаив в душе злобу, он прикинулся другом Степана и пригласил его к себе в гости. Доверчивый Степан поспешил к нему в ожидании сердечного приема, но вместо дружеской трапезы ему был приготовлен большой котел с кипящей водой, куда он был брошен живьем, как только показался. Еще до того брат Тороса Рубен, взятый в плен греками, был ослеплен и задушен в Константинополе.

Эти два злодеяния глубоко возмутили Тороса. С быстротой сокола он налетел на Эфербена и уничтожил его гарнизон, состоявший из 10.000 человек (1163 г.), что и послужило поводом к новым столкновениям с Эммануилом Комненом. Император послал в Киликию Андроника Комнена, однажды уже разбитого Торосом, Андроник пришел с громадными силами и уже вполне надеялся «увезти Тороса в Константинополь в цепях». Расположившись лагерем близ позиции, на которой ожидал его Торос, Андроник в оскорбительной форме предложил ему сдаться без всякого боя. Но Торос, отвлекая его внимание разными маневрами, разделил свои войска на несколько небольших отрядов, часть которых послал неприятелю на обход, а часть скрыл в лесу. Затем, заманив Андроника в засаду, он нанес ему такое поражение, что один только цезарь и несколько его приближенных каким-то чудом избегли плена. С получением печального известия в Византии немедленно было послано в Киликию новое войско, вверенное Константину Каламану. Произошла жаркая битва под Тарсом. Греки были разбиты в пух и прах, а Каламан взят в плен. После этого греки более не осмеливались думать о войне с Торосом II.

ЛЕВОН II РУБЕНИД

Левон II вступил на престол в 1185 году, спустя 105 лет после прихода Рубена I в Киликию. В течение этого времени армяне завершили полное incorporation этой страны, на которую византийцы перекорение уже имеют какое-либо притязание. Поэтому Левон II обратил внимание главным образом на укрепление границ своего государства и введение новых порядков в нем. Он выработал целый проект законодательных и административных реформ, улучшения путей сообщения, поднятия земледелия и торговли, урегулирования отношений между разными сословиями, расширения прав рабочих классов и пр. Мудрый правитель, видя свое королевство, окруженное непримиримыми врагами христианства, стремился упорядочить внутреннюю жизнь своего народа, развить его материальное благосостояние, сблизить между собою высшее, среднее столкновениям с Эммануилом Комненом. Император послал в Киликию Андроника Комнена, однажды уже разбитого Торосом.

Андроник пришел с громадными силами и уже и низшее сословия, чтобы придать государству надлежащую силу, и сделать его более способным для дальнейшей борьбы за свое бытие.

Магометанские соседи, желая затормозить начинания Левона, сговорились между собою ударить на него с разных сторон. Сперва пошел на него иконийский султан Рустем, но его войско было разбито, и он сам пал в битве. Вслед за ним появились войска алеппского и дамасского султанов. Оба противника также потерпели поражение и отступили с большим уроном.

Спустя некоторое время египетский султан Салах-Эддин, пользуясь внутренними раздорами латинских князей в Палестине, отнял у них Иерусалим (1187 г.). Видя Святую Землю опять в руках магометан, крестоносцы предприняли новый поход из Европы, под предводительством германского императора Фридриха I Барбароссы. Дойдя до Иконии, император снарядил посольство к Левону, прося его помощи в общехристианском деле. Крестоносцы сильно страдали от недостатка провизии. Левон,

по примеру своих предшественников, горячо откликнулся на зов императора и немедленно послал крестоносцам много продовольствия и конницу для встречи Фридриха у границ своего царства. Имея войско наготове, Левон ожидал со дня на день благочестивого императора, чтобы идти вместе с ним на освобождение Иерусалима, как вдруг получил горестное известие о гибели Барбароссы в реке Каликаднос (1190 г.).

Огорчению Левона не было пределов. Он сделал, что только мог, для облегчения участи христианских воинов. Добрая слава о Киликийском царе разнеслась по Европе. Германский император Генрих V, по приглашению с папой Целестином III, послал Левону корону и знамя с изображением на нем Льва. Эти дары привез Левону кардинал Конрадий. От других государей Европы ему также были присланы разные подарки. Византийский император Алексей Ангел, хотя смотрел завистливыми глазами на оказанные своему недругу почести, но не мог отстать от других и послал ему корону, чем он торжественно признал верховные права Рубенидов над государством, образовавшимся из византийских владений.

Подобным же образом киликийские короли защищали свое небольшое государство еще более столетия после смерти Левона II. Они почти непрерывно воевали с сельджуками и египетскими султанами, как и с туркменами и всеми прочими, действовавшими то отдельно, то вместе. Несмотря на сравнительную слабость своих сил, вожди киликийских армян выказывали чудеса храбрости и держали всех в почтительном отдалении. Число войск, которыми располагали Рубениды, редко превышало 60—70 тысяч пехоты и 20—25 тысяч конницы. Но при умении пользоваться ими, применяясь к гористой местности, предводители войск молодецки справлялись с противниками.

В первой половине XIII века из Средней Азии вышли орды татарских ханов, которые, разгромив Персию, Армению и Сирию, направились к Киликии. Иконийский султан Гаяс-Эддин не мог сопротивляться татарам, которые заняли его землю. Далее этого султаната были границы Киликийского коро-

дства. Однако татарские ханы Бачу, Манго, Хулагу и другие, принимая в расчет силу Рубенидов, охотно вступали с ними в союз для уничтожения сельджуцких султанатов; татары были еще тогда язычниками и не имели религиозной общности с сельджуками-магометанами.

В 1341 году, со смертью Левона II, пресеклась династия Рубенидов в мужской линии и киликийский престол перешел к французскому роду Люзиньянов, вступивших в родство с Рубенидами в 1295 году. Воцарение Люзиньянов в Киликии повлияло деморализующим образом на армянский народ. Сделавшись послушными орудиями римских пап, они домогались обратить народ в католичество, поэтому поощряли основавшиеся в Палестине католические ордена к утверждению в Киликии и соращению армян в латинство, производили давление на армянское духовенство, преследовали князей, заступавшихся за свою церковь, и т. д. Папы оказывали Люзиньянам сильную нравственную и материальную поддержку для торжества католичества в их государствах, но армянский народ энергично отстаивал свою веру, за которую проливал так много крови. Крестоносцы, забыв свою прямую миссию — освобождение Святой Земли от мусульман, служили интригам папского двора против армян или были заняты распрями между собой.

Все это было египетским султанам как раз на руку: они искали только случая отомстить киликийцам за поданную ими помощь «ненавистным гяурам» — крестоносцам.

После нескольких вторжений египтян в Киликию, в 1345, 1366, 1371 годах, египетский султан Мелик-эль-Ашреф-Шабан решил прекратить существование этого христианского государства и в 1374 году, с большим отрядом мамелюков, послал в Киликию своего брата Ахмеда. В это время царствовал здесь совершенно олатинившийся Левон VI Рубенид-Люзиньян. Рассчитывая на папу и Европу, он тщетно обратился к ним за помощью. Относившиеся к нему несочувственно, армяне не проявили также охоты дружно пойти на врагов, тем более, что они видели мало разницы между господством магометан и католиков. Обескураженный Левон VI с неболь-

шим числом своих приверженцев заперся в крепости Капан, которую обложили мамелюки. Не получив в течение 9 месяцев никакого подкрепления извне, Левон сдался им в плен, они взяли его вместе с семейством в Каир. Ашреф-Шабан обещал пленнику свободу, если он примет магометанство. Предложение было отвергнуто, и Люзиньян целых семь лет оставался заключенным в каирской тюрьме, пока султан не умер. Тогда короли кастильский Иоанн и арагонский — Петр IV обратились с ходатайством об освобождении узника к преемнику Шабана, султану Ахмеду. Ахмед дал Левону VI и его семейству свободу в 1382 году. Этот последний из киликийских Люзиньянов отправился в Рим к папе Урбану II, чтобы при его содействии поднять новый крестовый поход^{*)}. С горячей рекомендацией папы он предпринял поездку в Испанию, Францию и Англию, с целью склонить королей этих стран к начатю похода. Те приняли его очень радушно, назначили ему большую пенсию, дали также громкие титулы, предоставили в его распоряжение свои дворцы, дальше же этого ни шагу не сделали. Потеряв всякую надежду на возвращение короны, Левон VI отрекся от мира и поступил в монастырь Целестинов, в Париже, где и умер 29-го ноября 1393 года^{**)}.

^{*)} Левона VI сопровождал его духовник, французский монах Дардель, написавший историю Киликийского королевства с таким, однако, пристрастием и ненавистью к армянам, с каким написал бы только турецкий софист жизнь Иисуса.

^{**)} После смерти Левона VI титул «армянского царя» носили правители Кипра из фамилии Люзиньянов. В XV веке последний представитель этого рода на острове Кипр передал свое право на армянскую корону Венецианской республике. От Венеции этот ничего не значащий титул перешел к пьемонтскому дому в Савойе, связанному с Люзиньянами браком с одной принцессой из их рода. Отсюда и право итальянских королей именовать себя «rex Armeniae»...

Из Киликийского королевства осталось доселе на прежнем его пространстве в Турции до 350 тысяч армян, из которых 35—40 тыс. живут в Зейтуновском округе, сохранившем свою полунезависимость до наших дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделав сжатый исторический обзор жизни армян с древнейших времен до 1375 г., г. Никогосов заключает, что беспристрастный читатель не может не прийти к совершенно иному выводу о значении армян в истории, чем тот, к которому пришел проф. Патканов. Мы видели, что Армянское государство постоянно являлось в тех ролях, которые были обозначены г. Никогосовым в четырех пунктах, как имеющие несомненную важность, а именно в ролях: а) прямо или косвенно вызывающей стороны; б) способствующей торжеству одних и гибели других; в) привлекающей на себя внимание разных завоевателей; г) в особенности же борющейся одновременно или последовательно одна против многих.

Если после всего этого не признать за Армянским государством наиболее важной роли во всех исторических событиях, совершившихся в Армении, то во всяком случае невозможно низводить его до степени «только географического термина», как это вздумалось сделать проф. Патканову. Но были же у него какие-нибудь основания утверждать, что Армения представляла «только географический термин» в войнах, веденных на этой территории ассирийцами, мидянами, персами, греками, римлянами, парфянами, арабами и другими народами? Если почтенный профессор произнес такой приговор, основываясь на ванских клинописях, разбор которых он посвятил свою брошюру, то он слишком поспешно и совершенно произвольно признал их за всеисчерпывающий источник для истории Передней Азии. Цитированные в этих надписях события, во-первых, обнимают собой известный период времени (до VII в., пред Р. X.), когда упоминаемые в них цари сталкивались только с ближайшими соседями. Во-вторых, эти же самые надписи доказывают лишь, что соседние государства только и делали, что воевали с Арменией. А если это так, то каким образом Армения могла оказаться в положении географического термина? Но, может быть, проф. Патканов имел другие, никому не известные источники для постановления своего приговора? Или он не верил

ни ассирийским, ни персидским, ни греческим, ни римским, ни арабским, ни каким бы то ни было общеизвестным повествователям об армянах? Так по каким же данным он мог прийти к заключению, что Армения была «только географическим термином», иначе говоря, являлась безучастной зрительницей посторонних для нее событий или представляла собой безлюдную пустыню, в которой сходились разные народы для решения своих споров? Между тем мы видели, что эти кровавые «споры» велись именно с самими армянами.

Все это, говорит г. Никогосов, в высшей степени странно и непонятно со стороны профессора*), умозаключение которого представится тем более ошибочным, если принять в соображение, что не только народ, составляющий государство, может играть важную роль в крупных событиях, но также и народ, вполне утративший государственную жизнь, и даже жители отдельной местности, где разыгрываются военные события. Разве русская летопись отрицает деятельную роль грузин в утверждении русских на Кавказе? А в наших неудачах в Аджарии, в последнюю кампанию, не имело ли значение и то обстоятельство, что в магометанской Грузии не оказалось сочувствовавшего нам населения? А неудача Лорис-Меликова под Зивином? Не произошла ли она оттого, что там не было ни одного армянского поселения и обходный путь — который, к слову сказать, знал фельдмаршал Мольтке, сидя в Берлине, — скрыли от нас жители ближайшей турецкой деревни? Вследствие этого, по настоянию ген. Геймана, предпринят был им же рискованный штурм на укрепленную позицию Зивина, стоивший жизни нескольким тысячам русских солдат. Могли ли бы мы поддерживать блокаду Эрзерума в декабре и январе месяцев 1877—78 гг. и взять эту сильную крепость без содействия окрестных армян? Армянские возвышенности тогда были покрыты глубоким снегом. От распутицы и гололедицы дорога сделалась невозможной для доставки провианта на фур-

*) Тот же проф. Патканов в одной своей статье взялся «проверить» также историю грузин, которые, придавая значение словам такого «критика», сочли это за национальное оскорбление...

гонах и верблюдах зарывшимся в снег солдатам. Турецкие армяне открыли свои хлебные амбары, накормили христианских братьев, чем только могли, и те с песнями вошли в Эрзерум, сдавшийся от недостатка продовольствия у турок. (Досталось же им за это в 1894—96 годах!) Кому из участников осады Эрзерума не известно это обстоятельство! У греков заклеено позором имя Эфиальта. Этот изменник указал персам дорогу и тем причинил много несчастья своему народу. Если один человек-изменник может играть важную роль в судьбе целой страны, отчего не могут исполнить важной, в положительном смысле, роли сотни и тысячи преданных сынов!..

«Эти вопросы, — замечает, между прочим, г. Никогосов, — мы предложили покойному нашему приятелю проф. Патканову в 1881 году на страницах константинопольской армяно-турецкой газеты «Манзумеи-Эфкиар»*) тотчас же по получении от ученого его брошюры, но он не удостоил нас своего ответа. Не ответит он, конечно, и теперь с того света — так пусть ответят, по крайней мере, признавшие его авторитет и в свое время красноречиво молчавшие знатоки армянской истории!»

III.

В своей брошюре о ванских надписях профессор Патканов, продолжая характеризовать Армению, говорит далее следующее: «Занимая почти такое пространство, как Франция в наше время, пользуясь счастливым географическим положением (?) между Каспийским и Черным морями, от которых отделялась лишь небольшим клочком земли или цепью гор, Армения с самой глубокой древности представляла страну, богатую всеми произ-

*) Эта старинная газета издается на турецком языке, но армянским шрифтом. В ней печатаются также статьи на армянском языке. Когда еще журналистика у турок была мало развита, «Манзумеи-Эфкиар» имел много читателей среди турок и персиян, которым легко давалась армянская грамота. Редактор-издатель этой газеты, Каралет-эфенди-Пачосян, считается одним из видных деятелей турецких армян и как публицист пользуется заслуженной славой у армян, турок и греков.

ведениями природы. Поля и долины ее снабжали не только жителей страны, но и соседей хлебом, вином и маслом; на покатосях гор паслись стада превосходного скота и лошадей, достоинства которых были известны древнему миру. Горы, прорезывающие её в разных направлениях, позволяли ей легко защищаться от неприятельских вторжений (?). Тигр и Ефрат служили легким сообщением с Месопотамией и Персидским заливом. Значительная часть индийской торговли до последнего времени шла через Армению к Понту. При всех этих выгодах, при всем счастливом положении, каким не пользовалась ни одна страна в Передней Азии (II), Армения не была, сколько известно, родиной культурного народа и жители ее никогда почти не были завоевательным или, по крайней мере, надолго и вполне самостоятельным народом»*).

Г. Никогосов, подвергая тщательной критике и эти суждения, находит, что проф. Патканов или абсолютный профан в армянской истории, или намеренно извращает очевидную истину. Кроме того, у него точно не хватает умения сделать простой логический вывод из собственных же слов.

Он называет географическое положение Армении «счастливым», тогда как известно всем, кто мало-мальски знаком с картой земли и с положением народов на ней, что если чем-нибудь особенно страдала Армения, то именно самым несчастным географическим положением, о котором уже было говорено в начале этой части.

Но вот что еще более странно: почтенный профессор расписывает экономическое положение древней Армении в самых заманчивых красках, представляя её чуть ли не земным раем, а в заключение говорит, что «Армения не была, насколько известно, родиной культурного народа!» Если она не была родиной такого народа, а в ней жили, должно быть, какие-то дикари каменного периода, то кто же возделывал поля и долины, которые «снабжали не только жителей страны, но и соседей хлебом, вином и маслом»? Кто разводил «стада превосходного скота и лошадей, достоинства кото-

*) Знаки в скобках — наши. М. Н.

рых были известны древнему миру)? Через чье посредство «значительная часть индийской торговли до последнего времени шла через Армению к Понту»? И т. д. Профессор, несомненно, понимал прямое значение слова **культура**, под которым непосредственно понимается возделывание земли, разрабатывание ее природных богатств, развитие торговли и промышленности, — так как же, признавая все это за Арменией, он утверждает, что она «не была родиной культурного народа»? Но предположим, что под культурой наш профессор разумел так называемую цивилизацию и наличие блестящих проявлений духовного творчества. И в этом смысле культурными он считал другие народы, как-то: ассирийцев, египтян, персов, греков и римлян, а живших «в центре цивилизованных народов древнего мира» армян — «некультурными». В таком случае он допустил все-таки большую односторонность и отсталость своих взглядов на значение цивилизации. Какой же ученый считает ныне нормальным развитие цивилизации там, где рядом с несколькими десятками философов существовало несколько миллионов рабов; где небольшая кучка людей витала в области идей и фантазий, а массы томилась в закабаленном положении голодных пролетариев; где цари и жрецы, стоя во главе исключительно господствовавшего класса, заняты были сооружением всяких садов, пирамид, колонн, храмов и триумфальных арок, а большинство населения влачило жалкое существование бесправных людей, низведенных до степени скота?

То ли было в Армении дохристианского периода, которую именно подразумевал проф. Патканов, говоря об армянской некультурности? Всем знакомым с историей Армении известно, что это была **единственная страна в мире, в которой никогда не существовало ни каст, ни рабов, ни крепостных, с самого начала ее политического бытия до его конца**. Понятно, как трудно было армянскому народу явить собою подобное «некультурное» исключение, не подражать порядкам, царившим у сильных соседей, и не подвергнуться их «культурному» влиянию. Между тем, никакие законы, никакие нравы и обычаи могущественных государств, так или иначе

воздействовавших на армян, не могли заразить их духом неволи и порабощения, которого они не только не признавали в отношении своих единокровных братьев, но также и покоренных ими народов или взятых в плен во время войны чужестранцев. Все инородцы, силой ли захваченные, или добровольно приютившиеся в Армении, со вступлением на её территорию получали полную свободу и равные с армянами права. Примеров тому много множество.

Существовавшие в Армянском государстве четыре сословия — дворянство, состоявшее из нахарарских родов, жрецы, горожане и поселяне — находились лишь в естественной зависимости друг от друга, соблюдая взаимные и общие интересы. Каждое из них, оставаясь верным своему назначению, пользовалось известным влиянием на общегосударственные дела. У армян не имелось понятия ни о каком «презренном классе». Тяжелый труд, выпадавший на долю земледельческого класса, не считался в Армении делом людей «презренных», наоборот — таких, которыми наиболее дорожило государство. Земля была для поселян, а они для земли, все же и всё — для отечества. Обеспечение личной свободы и права собственности за всяким тружеником поощряло всех к усердной работе и развивало инициативу и предприимчивость в разных отраслях сельского хозяйства, промышленности и торговли. Богатство армянского народа никогда не иссякало, почему и привлекало всегда внимание жадных соседей.

Экономическое благосостояние страны много выигрывало от почтительного отношения к слабому полу. Женщина в Армении если и не была предметом особого культа, то, во всяком случае, ей было отведено весьма почетное место в домашнем быту. Гетер в этой «некультурной» стране никогда не было. В силу освященного обычая одноженства, жена у армян была истинно верным другом мужа и властной хозяйкой семейного очага. В сельском хозяйстве и промышленности армянка являлась неутомимой производительницей, но не несла грубой работы, которая была уделом мужчин. Обычное право защищало женщину от всякого

проявления мужского произвола. Чувство справедливости, гуманности и патриотизма воспитывалось в народе под руководством матери. Мать простолюдина и мать нахарара или царя одинаково были чтимы всяким*).

Видим ли мы, однако, все это в странах астрологов и философов, великих ораторов и законодателей, грандиозных колоннад и чудовищных пирамид? Следовательно, древняя Армения по своему социальному строю, по свободе личности и труда, по обеспеченности человеческих прав представляла собою страну, в которой, в сущности, только и могла развиваться культура в том практическом и утилитарном направлении, которое составляет отличительную черту современной нам цивилизации, в особенности Нового света**). В значительной мере этим-то и объясняются жизнеспособность Армянского государства и быстрое оправление его от нанесенных ему ран.

Но проф. Патканов иначе смотрит на вопрос. Читая и переводя историю армянского народа, он вовсе не входит в разбор его внутренней жизни, а видя, что ванские надписи высечены на скале, находящейся в Армении, но не армянскими словами, должно быть, считает это достаточным основанием, чтобы без малейших колебаний забрасывать всю эту жизнь. Коротко, вразумительно и учено!.. Странно, что г. Патканов упустил из виду одно «маленькое» соображение, которое могло бы послужить ему большим подспорьем для совсем иного решения вопроса, а именно: раз армяне находились в продолжительном общении с финикийцами (которых снабжали металлом и лошадьми), ассирийцами, персами, греками и римлянами, то как же они не переняли у этих «цивилизованных народов

*) Желая ознакомиться с положением женщины в Армении г. Никогосов горячо рекомендует весьма добросовестное исследование доктора прав швейцарского университета г. Акола Мегаворяна, озаглавленное: «Etude ethnographique et juridique sur la famille et le mariage arméniens, précédée d'un aperçu historique». Par Megavorian, docteur en droit. Lausanne. 1894.

***) Описание внутреннего быта армян Ксенофонтом дает нам ясную картину такой культуры.

древнего мира» никакой «культуры»? Неужели армяне были такими тупицами, какими их, по-видимому, считал профессор?

Пойдем дальше. Проф. Патканов говорит о «прорезывающих Армению в разных направлениях горах, позволявших ей легко защищаться от неприятельских вторжений».

Вовсе не нужно быть ученым, замечает г. Никогосов, чтобы знать, что «прорезывающие Армению горы» лишь местами пересекают Армянское плоскогорье, которое ни с каких сторон не защищено сплошными хребтами, подобными Кавказским, Пиренейским, Альпийским, Карпатским и Балканским. Для вторжения в Армению нигде не встретишь природных преград и таких снежных перевалов поперек дороги, как Шах-Даг, Салават, Сен-Готард или Шипка. Есть только изолированно торчащие горные вершины — Арарат, Алагяз, Кёсе-Даг и пр., кругом открытые для неприятеля. В Нагорной Армении нет также узких горных проходов, которые давали бы возможность незначительными отрядами удерживать превосходящие численностью неприятельские силы. В этой стране не встретишь ни Новочинского ущелья*), ни Ханькийского прохода Балканских гор, ни Сьерра-де-Бускако или Гуипускои Пиренеев. В Армении можно найти раскинутые и прерывающиеся горные тропы, отдельные возвышенности, годные для стратегических позиций и для сражений с большими силами, но отнюдь не для «легкой защиты» страны от неприятельских вторжений. Наоборот, долины четыре рек — Тигра, Евфрата, Аракса и Чороха, берущих начало на Армянском плоскогорье, всегда служили очень удобными для неприятелей путями в глубь страны.

Если бы армяне находили в горах естественную защиту, то к чему им было укреплять свои города и только в них обороняться против персов, римлян, греков, арабов, сельджуков, татар и др.? Наконец, нынешняя Азиатская Турция представляет нам, собственно, бывшую Армению. Где тут горы, помешав-

*) Памятное поражение нами в последнюю кампанию трех орудий, отнятых Шакиром-пашою.

шие вторжениям русских в эту территорию в кампании 1853—55 и 1877—78 годов? Да, была и есть крепость Карс, стоящая на горе, но это скорее укрепленный город, чем безыскусственная твердыня. Эрзерум же лежит на равнине, и к нему с двух только сторон примыкают возвышенности, обращенные в форты Азизие и Кирамитли, а прочие части крепости возведены из земли и камня трудами турецких солдат и искусством английских инженеров. Баш-Кадикляр, Кюрюк-Дара, Авлиар, Драм-Даг и другие исторические места победоносных битв русских с турками были только выгодными позициями, на которые опирались то русские, то турки, с большими боевыми силами. По взятии этих позиций наши войска с кавалерией и тяжелой артиллерией проходили вдоль реки Аракс — по Алашкерт и Басену — с такой же легкостью, с какой они парадировали на Марсовом поле в Петербурге.

Да разве, наконец, в словах самого профессора Патканова не заключается ясное указание на то, что Армения не представляла никаких препятствий для неприятельских вторжений? Он говорит про её «поля и долины, снабжавшие не только жителей страны, но и соседей хлебом, вином и маслом...» А известно, что эти долины в Армении идут вдоль больших рек — Тигра, Евфрата, Аракса и Чороха, берущих начало на самой Армянской возвышенности и текущих далеко за пределы Армении. По этим долинам неприятелю всегда открыт доступ внутрь страны. Не подтверждает ли это и сам г. Патканов, заявляя, что «Тигр и Евфрат служили легким сообщением с Месопотамией и Персидским заливом?»

Итак, оказывается, что определение г. Паткановым характера армянских гор совершенно не соответствует действительности.

Г. Никогосов переходит затем к мнению профессора Патканова, что «жители Армении никогда почти не были завоевательными или, по крайней мере, надолго и вполне самостоятельным народом»... Разбирая причины возникновения войн между разными государствами и появления на сцену Александров Македонских, Ганнибалов, Цезарей, Аттил,

Чингиз-ханов, Тамерланов и др., г. Никогосов признает такими причинами экономические и политические обстоятельства, недостаток земли или её скудную производительность, государственный и социальный строй, некультурность иных народов и их хищнические инстинкты. Все это и вызывало завоевательные стремления в народах и создавало великих полководцев.

После формирования государственного организма и округления своих границ у армян не было ни одной из этих причин, по которой им представлялась необходимость в завоеваниях. Демократическая монархия вполне соответствовала народному духу. Социальный строй был установлен естественным путем, без всякого насилия сверху. Количество и качество земли более чем удовлетворяло потребностям населения. В нравах народа не было ни хищничества, ни деспотизма, ни тщеславия. При таких условиях какие у армян могли быть побуждения к завоеваниям? Ведь хлеба и места ищет тот, кто голоден, а не сыт. Но что армяне при иных условиях их жизни и ином положении их страны могли бы явиться не менее завоевательными, чем другие народы, и что могли бы также дать истории Киров, Ксерксов, Сезострисов, Ганнибалов и проч., это не подлежит никакому сомнению*. Если можно было бы выразить какой-нибудь конкретной величиной совокупность всех усилий и способностей, выказанных в Армении массой отдельных героев в деле защиты своего отечества против почти всех завоевателей мира, то неужели все это не уравновесило бы талантов многих известных в истории полководцев? Если принять во внимание самоотверженность армян и количество жертв жизнью и имуществом, какие они приносили в течение целых соток веков в кровавой борьбе с разными народами, то разве все это не заменит собою тех усилий и жертв, которыми достигались величайшие в мире завоевания? Завоевательная способность народа находится притом в прямой зависимости не только от внутренней его организации и военных дарований,

* Давали же они другим народам известных в истории полководцев, так отчего не могли бы иметь их сами?

но еще и от количества народонаселения. Шамиль, например, воевал против русских около четверти столетия и, несомненно, был весьма талантливым организатором и полководцем. Но при таких своих качествах мог ли он покорить весь Кавказ, если бы захотел это сделать и не имел против себя русских, — это еще вопрос. Почему? — потому что покорное Шамилю, как своему имаму, население Дагестана не могло выделять достаточного количества войск для предприятия дальних походов, а тем более для удержания за собой захваченных земель. Малочисленные народы с талантливыми полководцами, как понтийцы с Митридатом, грузины с Ираклием II^{*)}, могут лишь несколько расширить свои пределы или с небольшими силами оказывать упорное сопротивление наступающим врагам, имеющим в своем распоряжении несравненно больше войск. Пред военным гением Ганнибала преклонялся сам Наполеон I, но великий карфагенин в конце концов был побежден чуть ли не юношей Сципионом-младшим при Заме (202 до Р. Х.); потому что не имел того запаса сил, каким располагали римляне.

Армяне также были, в количественном отношении, небольшим народом, но в свое время завоевали в Малой Азии гораздо больше земли, чем было им под силу и чем даже нужно было. Поэтому, при самом скверном географическом положении страны, они всячески старались удержать лишь то, что имели, а не распространяться бесцельно, ради одной славы или процесса завоеваний. Будь в условиях армян, равно как и боевые грузин, какой угодно из завоевательных народов мира, вряд ли он мог сделать больше, чем они сделали, и поступать иначе, чем они поступали. Профессор Пат-

^{*)} Ираклий II был одним из замечательных полководцев XVIII столетия. Походы Надир-Шаха в Индию завершены главным образом Ираклием II. Известны слова Фридриха Великого, сказанные своим войскам: «держитесь так, как грузины под знаменем Ираклия II». Но этот знаменитый грузинский Багратид был раздавлен персидским шахом Ага-Мед-Ханом, при его нашествии на Грузию в 1795 году. С отрядом в 6—7 тысяч человек Ираклий не мог, конечно, противостоять шаху, располагавшему более чем 70.000 армией.

канов, однако, игнорирует все эти обстоятельства и сокрушается: отчего его предки не одержали верх над соединенными силами других народов и стихий и не являлись распорядителями земель и владыками морей!..

Но как же «жители» Армении могли быть завоевателями, коль скоро они, по словам профессора Патканова, не были даже «надолго и вполне самостоятельным народом»? Поговорим теперь об этом, — продолжает г. Никогосов, — и вместо общих рассуждений, обратимся опять к фактам.

Понтийский царь Митридат, потерпел поражение от римлян (70 до Р. Х.), бежал в Армению к своему тестю Тиграну Великому. Когда прибыли посланцы Лукулла просить выдачи Митридата, Тигран резко отказал им, объявив, что готов ответить оружием. Это послужило поводом к войне римлян с самонадеянным царем. Не понимая еще значения дисциплины, существующей в римских легионах, Тигран надменно встретил относительно малочисленное войско Лукулла, спросив с усмешкой своих приближенных: «Что это такое? Посольство ли опять ко мне или войско против меня?». Но вскоре он горьким опытом убедился, что то было войско, и войско весьма опасного свойства... Очнувшись после первой неудачи, Тигран энергически взялся за врагов и, после кровопролитного сражения на берегах Арацана, заставил Лукулла удалиться из Армении (68 до Р. Х.). За Лукуллом приходили последовательно Фанний, Фабий, Сорнат и Триарий, но все четверо были разбиты наголову. Тогда был послан из Рима Помпей. Он одержал верх (64 до Р. Х.), благодаря измене Тиграна Малого и его переходу, вместе с парфянами, на сторону римлян^{*)}. Тигран Великий

^{*)} Сделавшись жертвой римского коварства, изменник сын не достиг, однако, своей цели: вместо того, чтобы получить от римлян обещанную ему корону отца, он был закован в цепи и увезен Помпеем в Рим для украшения триумфального въезда.

был вынужден уступить римлянам завоеванные им в Малой Азии земли, но вернул себе Сирию и Финикию после ряда поражений римских легионов, предводимых Габрианом, Крассом, Кассием, Вендидием и Силоном.

По смерти Тиграна Великого (36 до Р. Х.) воцарился его неспособный сын Артавазд I, который, после некоторого сопротивления Антонию, имел легкомыслие поверить его заманчивым словам и пойти в его лагерь. Вероломный римлянин велел заключить Артавазда в золотые цепи и увез его со всем семейством в Египет в дар Клеопатре, по желанию которой пленник был казнен. Из личной мести Клеопатры к Тиграну Великому за крутое обращение армянского царя с одним из её родственников.

В ознаменование легко доставшейся победы, Антоний приказал вычеканить золотые и серебряные монеты, имевшие на одной стороне его изображение, а перед ним — корону Армении; кругом же изображения надпись: «Антоний, Победенная Армения». На другой стороне монеты были слова: «Царице цариц — Клеопатре».

На свободный престол Аршакидов Антоний посадил царем Армении своего сына от Клеопатры, Александра, поставив его под защиту римских легионов. Армяне на время пали духом и признали сюзеренную власть Рима с обещанием платить ему дань и получать корону из рук римских императоров. Вскоре, однако, явился в Армению старший сын Артавазда Арташес, которому удалось спастись бегством из египетского плена. Армяне приободрились и, провозгласив Арташеса своим царем, изгнали Александра и римские войска из Армении. Тогда армянам опять пришлось встречаться с римскими легионами, предводимыми Германиком, Гаем, Вителлием, Корбулоном, Петусом и другими. Вместе с тем, они отражали нападения сарматов, скифов и аланов. Более полустолетия армяне воевали то с теми, то с другими и наконец должны были подчиниться требованиям римлян. Но в каком виде выражалось это подчинение, подчеркиваемое профессором Паткановым как отсутствие полити-

ческой самостоятельности армян, можно видеть из следующего.

Спустя некоторое время после Арташеса, царевичу Трдату предстояло взойти на престол Армении и поехать в Рим, лично принять корону от императора, при соблюдении известного церемониала. Но Трдат, поддерживаемый своим братом, парфянским царем Вагаршем, стал отказываться от поездки, считая исполнение установленных обрядностей в Риме для себя унижительным. Когда донесли об этом Нерону, он пришел в ярость, говорит историк, но известие о поражении Петуса в Армении заставило его смириться и принять поставленные Трдатом условия, а именно: 1) что Трдат представится императору, опоясанный мечом; 2) наместники римских областей должны подойти к нему для поцелуя; 3) при отдаче им визита Трдатом, они обязаны его принять сейчас же, и 4) в Риме ему должны быть оказаны консульские почести. Все эти условия были приняты сенатом и императором*. Тогда Трдат отправился в Рим в сопровождении большой свиты и был торжественно коронован Нероном (66 до Р. Х.).

Видя далее, что армяне весьма трудно удержать в подчинении, римляне установили к ним отношения союзников, тем более, что, храбро отбрасывая снова наступавших на Армению сарматов, скифов, хазаров и воинственные племена Кавказа, армяне мешали вторжению их в Месопотамию, Палестину и Сирию, составлявшие римские владения. Но и такая политика римлян с армянами не имела особенного успеха ввиду того, что, привыкшие жить на чужой счет римляне все-таки требовали золота от армян, которые отказывались им платить. Опять появились римские легионы, которых, однако, разбил наголову армянский царь Арташес II в долине

* Упомянутый об этом Тацит, часто говоря об армянах, укоряет их в «вероломстве» за то, что они не пропускали удобного случая соединиться с парфянами или персами для отражения римлян. Замечательно, что о «вероломстве» говорит тот римский писатель, которому отличной была известна основанная на козарстве политика римлян: «divide et impera». Вероятно, у них-то и научились армяне кое-чему полезному для себя.

Аракса Басене. Затем, совместно с парфянами, Арташес сам напал на римлян в подвластных им областях, жители которых, жаждая освобождения, примкнули к армянам и парфянам. Римский сенат был сильно встревожен, и император Траян вынужден стать во главе большой армии и прибыть в Малую Азию для подавления восстания в Сирии и Палестине. Да и уже почувствовать силу армян, Арташес в свою очередь пустился с римлянами в политику: сделал Траяну миролюбивые заявления и помирил с ним парфян, причем снабдил Траяна необходимым бакшишем, в виде золотых слитков, после чего император, очень довольный, расстался с Арташесом, как «готовый всегда к его защите друг»...

После смерти Арташеса II (131 года), взаимная «дружба» армян и римлян продолжалась в прежнем духе еще около одного столетия, а именно до 226 года, когда в Персии пала Парфянская династия и воцарилась новая, в лице перса Сассана.

С этого времени внимание армян отвлекается в сторону Персии, откуда им грозила большая опасность. Римлянам, разумеется, нежелательно было усиление Персии, но они отчасти не могли, отчасти и не хотели оказывать армянам существенной помощи. На Армению была двинута 120-тысячная персидская армия под предводительством отца Сассана, Арташира, которого разбил и обратил в бегство армянский царь Хосров I, жестоко наказавший перед тем хазаров и баслов, напав на них в пределах нынешнего Закавказья. Хосров собирался в зародыше же уничтожить династию Сассана, но он пал от руки подкупленного персами убийцы. Тогда, верные своей обычной политике, римляне вступили в соглашение с персами и, заняв небольшую часть Армении, остальную предоставили персам. Лишив армян всякой помощи извне, Сассаниды приложили все усилия для уничтожения династии Аршакидов в Армении, в чем и успели, ценою двухвековой борьбы (261—432).

С 432 года, после кратковременного царствования последнего Аршакида, Арташеса III, Армения стала персидской сатрапией, под наименованием марзпанства. Марзпаны, в качестве наместников или генерал-губернаторов «арийского царя», как себя называли Сассаниды, назначались большею частью из армян, чтобы избавить Персию от хлопот постоянной войны. Армяне между тем нисколько не успокаивались, а вели с персами в течение двух столетий непрерывные религиозные войны, длившиеся с 432 г. до появления арабов в начале VII века*). Озлобление персов против армян в этот период было таково, что один из Сассанидов торжественно поклялся солнцем, водой и огнем, что не оставит ни одного армянина в христианской вере, а обратит всех в язычество или же истребит их поголовно. Посмотрим теперь, насколько они успели в этом.

Персидский военачальник Нихор, говорит летописец, расположившись с войсками у границ Армении, попросил марзпана, Вагана Мамиконяна, в свой лагерь «для ведения с ним мирных переговоров». Взяв наперед 8 человек заложников из знатных персов, Ваган явился в лагерь Нихора с развернутыми знаменами и при звуках труб. Персы пришли в смущение и передали ему от Нихора, что такими правами пользуется только он сам, главнокомандующий арийского царя. Ваган ответил: «Пусть прежде этот главнокомандующий подчинит меня власти своего царя, а затем делает мне свои замечания». При всем этом Нихор принял Вагана с большими почестями и изъявил полное согласие на предъявленные им следующие требования: 1) христианство нужно признать законной и господствующей религией в Армении; 2) построенные персами капища должны быть снесены повсюду в Армении; 3) никто из армян не может быть наделяем почестями и облакаться властью за отступничество от христианской веры; 4) персидский царь не должен верить разным наущениям против армян постановлять решения без основательного решения дела.

*) Последний Сассанид был Иездигерд III; не выдержав натиска арабов, он взял с собой священный огонь Ормузда и убежал в Бактрию.

Эти пункты были изложены письменно. Нихор скрепил их государственной печатью, и оба военачальника, «дружески простившись», ушли восвояси (484 г.).

Такова была «подчиненность» наместников персидского царя в Армении своему «властителю!» А какого рода была «зависимость» армянских нахараров от византийцев и арабов — это мы видели уже во II-й главе.

Нам могут заметить, говорит г. Никогосов, что мы отвечаем не на вопрос, поставленный проф. Паткановым: ведь он ведет речь о несамостоятельности «жителей» Армянского государства, под управлением царей и нахараров, т. е. о внутренней, а не внешней или политической самостоятельности армян. Но если его слова понимать в таком смысле, то мы позволим себе сказать, что почтенный профессор говорит сущую небылицу, так как **внутренняя самостоятельность** народа или жителей Армении никогда ничем не нарушалась в продолжение всего существования Армянского государства. И эта самостоятельность продолжалась в собственной Армении 3076 лет*, в Киликии — 295 лет, а со включением сюда междучарствий самостоятельность жителей Армении будет считать за собою около четырех тысяч лет.

IV.

Проф. Патканов говорит далее: «Хотя решение вопроса — почему жители Армении не могли составить сильного политического тела — не относится к нашей статье, скажем однако, что **недостаток мужества, храбрости и патриотизма** в жителях ее препятствовали ей явиться грозной для соседей и цветущей внутри, а **совершенное отсутствие у них политического смысла и тех принципов**, которые созидают крепкие царства».

Выражение «отсутствие у жителей политического смысла» справедливо кажется г. Никогосову довольно туманным. Вряд ли, говорит он, «жители»

* При Гайкидах — 2300 лет (до Р. Х.), при Аршакидах — 582 года (150 до Р. Х. и 432 по Р. Х.), при Багратидах — 194 года (885—1079).

какого-нибудь государства могут быть проникнуты сознанием высокой политической задачи объединения разрозненных его частей в одно целое и «составление из них сильного политического тела». Сознание и осуществление подобных задач — дело государственных людей, а не «жителей». То, что понимали и предпринимали Кавуры и Бисмарки, нелегко было понимать поселянам и даже горожанам. С другой стороны, если касаться вопроса политической зрелости только правящих людей и если под этой зрелостью проф. Патканов разумел коварство и бездушие римской политики, вероломство и клятвопреступничество персов и византийцев то, действительно, ничего такого не было у армянских царей и нахараров. Может быть, это, с точки зрения профессора, и надо признать недостатком, послужившим помехой для созидания славы их отечества, но, повторяем, ничего подобного у них не было. При всем том, коль скоро по заявлению самого г. Патканова даже в «жителях» Армении не было недостатка в патриотизме, то возможно ли допустить, чтобы «совершенно отсутствовал политический смысл» в людях, управлявших судьбами этой страны? Раз патриотизм заключает в себе осмысленную любовь к родине, сознание её высших благ и преданность интересам отечества, а во всем этом не было недостатка в «жителях» Армении, то как же ни один из её правителей не воспользовался такими высокими качествами народа для «составления из него сильного политического тела»? Нет, глубоко заблуждается почтенный профессор! Не в отсутствии у жителей Армении политического смысла и известных принципов нужно искать причину того, что в ней не создалось крепкого, т. е. объединенного, дисциплинированного и единогодержавного царства, а в слишком неблагоприятных внешних обстоятельствах, в географических и топографических условиях страны, в значительной мере также и в характере народа. Отчего Германия до сих пор еще не достигла такого внутреннего объединения, чтобы явиться столь же крепким политическим телом, каким стала, например, Россия пятью веками раньше, со времени Иоанна Калиты? Разве потому, что у правителей немецкого народа или у

самого народа было меньше политического смысла и сознания тех или иных принципов, чем у добродушных россиян?

Да и напрасно думает проф. Патканов, что если бы армяне создали такое «крепкое царство», как ассирияне, вавилоняне, персы, египтяне и др., то это было бы лучше для них. Вовсе нет! Подобное царство, при географическом положении Армении, повело бы их лишь к скорейшей гибели, и существование Армянского государства не продлилось столько веков, но об этом поговорим в своем месте. Пока ограничимся замечанием, что крепость государства обуславливается не столько его внешней формой, сколько тем патриотизмом, храбростью и мужеством, о которых говорит г. профессор. После мидийцев, каппадокийцев, ассириян, персов, македонян, селевкидов, понтийцев, парфян и др., могущественные римляне три столетия подряд (70 г. до Р. Х. — 226 по Р. Х.) тягались с армянами, но многого ли они добились? Что же это доказывает, как не крепость Армянского царства, одного представителя которого, Тиграна, Цицерон, вероятно не без основания, назвал «*potentissimus rex*», когда он говорил свою известную речь в сенате *pro lege Manilia**). Откуда же мог взяться «могущественнейший царь» без «крепкого царства»? Если бы не явились после римлян один за другим персы, арабы, византийцы, турки-сельджуки, турки-османы, татары, туркмены и пр. и если бы армянам не приходилось вести со всеми этими народами нескончаемые войны, то Армения, сильно окрепнув, чего доброго, явилась бы той грозой для соседей, какой желательно было её видеть проф. Патканову в «общечеловеческой истории». Но нам кажется, что профессору нечего было конфузиться за своих предков: они не могли угрожать самостоятельности других, но зато с избытком давали чувствовать свои силы тем, которые угрожали их собственной самостоятельности.

*) Ciceronis Oratio pro lege Manilia, II, 4: «*bellum grave et periculosum vestris vectigalibus atque sociis a duobus potentissimis Regibus, infertur, Mithridate et Tigrane*».

В словах профессора: «Не недостаток мужества, храбрости и патриотизма в жителях её препятствовали ей явиться грозной для соседей и цветущей внутри» сказывается, между прочим, отрицание внутреннего процветания Армении. Сопоставим эти слова с прежде им сказанными: «Поля и долины её снабжали не только жителей страны, но и соседей хлебом, вином и маслом; на покатосях гор паслись стада превосходного скота и лошадей, достояния которых были известны древнему миру. Значительная часть индийской торговли, до последнего времени, шла через Армению к Понту» и т. д. Как согласовать эти два положения друг с другом? Ответить на это так же трудно, как и на другие противоречивые выводы профессора, начиная с его «географического термина».

Если бы даже Армения действительно никогда не была цветущей внутри, если бы оказалось неправдой то, что говорит сам г. Патканов вышеприведенными словами о полях, долинах, стадах и пр., и в этом не было бы ничего удивительного, ввиду исключительно неблагоприятных для какого бы то ни было процветания условий, в которых пребывала эта страна. Однако на самом деле она так процветала, что являлась всегда большим соблазном для соседей. Откуда же бралось у Армении столько жизненных сил, чтобы удовлетворять всех и в то же время оставаться цветущей внутри? Вот вопрос, которым должен был бы задаться и разъяснить его уважаемый профессор, если уж хотел затронуть что-либо серьезное, касающееся истории Армении.

V.

Проф. Патканов продолжает: «Прошло с лишком двадцать четыре века с тех пор, как армяне под своим именем появились в истории^{*)}, от цело-

*) Название Армения впервые является в древнеперсидских надписях, высеченных на скале, находящейся близ Кирман-шаха, при Дарии Гистаспе в 521—486 г. до Р. Х. В ассирийских же клинообразных надписях страна армян называется Урарту, как полагают, по имени горы Арарат. Это предположение находит себе основание в библейском упоминании о царстве Араратском.

го народа остались лишь на родине разбросанные клочки древнего населения, но армяне остались тем же, чем и были тогда: «худыми хозяевами своей родной земли, хорошими слугами чужого народа».

Г. Никогосов недоумевает пред повторяющейся непоследовательностью ученого. Только что он говорил о «мужестве, храбрости и патриотизме» армян, а теперь их называет «худыми хозяевами родной земли». Трагую о древних армянах и стараясь представить их характеристику, он вдруг делает скачок через десятки веков и переходит к их отдаленным потомкам, современным армянам, подводя вековых борцов под один уровень с вековыми жертвами магометанских поработителей. «С чем сообразны такой скачок и такое сравнение?» — спрашивает оппонент.

Насколько древние армяне были «худыми хозяевами своей родной земли», это уже достаточно выяснено на предыдущих страницах. Можно бы привести еще массу убедительных доказательств беззаветной преданности древних армян своей родной земле, но к чему это, когда приведенные Паткановым их качества — «мужество, храбрость и патриотизм» сами по себе исключают всякое понятие о «худых хозяевах». Что же касается нынешних армян и их «разбросанных клочков» в Турции, то совершенно верно, что от древнего населения на родине осталось немного, и неоспоримо также то, что, по крайней мере, третья часть малоазиатских турок состоит из потомков древних армян, насильственно обращенных в мусульманство. Но находится ли положение армян любой в мире народ, остался ли бы он на родной земле хотя бы в виде тех «разбросанных клочков», о которых упоминает проф. Патканов? — Не то, что «клочков», но ни малейшего следа и намека бы не осталось.

Быть может, безусловная покорность своей судьбе малоазиатских армян в Турции в течение последних пяти с лишним веков казалась профессору малодушием и недостойным отношением к своей родной земле? Но разве не в той же покорности пребывали все христиане Балканского полуострова, пока за них не заступилась могущественная Россия, не раз обнажавшая меч в защиту их

прав? И что могли бы сделать два-три миллиона безоружных армян против миллиона турецких ятаганов? Притом, каково было могущество Турции в прежнее время? Она мерялась силами со всею Европой, представители которой удостаивались лицезреть халифа не иначе, как в халате и туфлях, т. е. преобразившись в правоверных! Персия, под властью которой находилась часть Армении, была не менее сильна. Не правда ли, против этих-то грозных держав и следовало восстать армянам, чтобы явиться в глазах своеобразного патриота, г. Патканова, примерными «хозяевами своей родной земли?» Ну, и восстали в 1894—96 гг. — и что же выиграли, принеся больше жертв, чем французы и пруссаки вместе взятые в 1870-м году? Разве что заплатили слишком тяжелую дань любви к своей родной земле, оставив 300 тысяч тел на удобрение её почвы и свыше 50 тысяч бесприютных сирот, скитающихся голыми и голодными по всему пространству Малой Азии!.. Этого ли требовал проф. Патканов от «разбросанных клочков древнего населения?» Едва ли. А чего требовал? За что укорял? Бог весть за что. Нужно же было ученому мужу, сидя в своем кабинете, с легким сердцем поднимать и по-своему решать серьезные исторические вопросы!..

VI.

Проф. Патканов говорит наконец: «Царская власть, когда она и существовала в Армении, не имела того прочного значения, каким она пользовалась у соседей — ассирийцев, персов и др. Армяне того времени еще не доросли до сознания важности сильной центральной власти. Так было и в средневековой Германии. Каждый князь личные свои интересы не только не подчинял интересам государства, но, напротив того, в ослаблении его находил себе выгоду. Всякий, несколько более других сильный, князь сносился прямо с соседним государством и в нем искал поддержки своей независимости против царской юрисдикции».

Г. Никогосов и тут резко расходится с г. Паткановым. Приводя в пример ассирийян и персов, про-

фессор считает их доросшими до политической зрелости и до сознания важности сильной центральной власти только потому, что восточно-деспотическая власть была у них чересчур развита. Этим самым он допускает смешение двух совсем разных понятий, отождествляя незаконную деспотию восточных государств с центральной властью в европейском смысле. Но предположим, что г. Патканов, говоря о центральной власти, разумел здесь такое автократическое правление, какое было, напр., в Западной Европе до первой французской революции. Но и в этом случае является вопрос: разве такая центральная власть есть *conditio sine qua non* для политической зрелости всякого народа? А древняя Греция, нынешняя Швейцария, Англия, где до сих пор еще существуют остатки феодализма, и почти все Американские государства, достигшие высшего политического развития помимо перехода через фазу абсолютизма? Может быть, заметят, что нынешние Южно-Американские республики, до своей эмансипации из-под господства Испании, были ведь составными частями автократического государства. Но тут не место распространяться об этом.

В действительности, между причинами, не позволявшими армянам дойти до желаемой г. Паткановым централизации, по образу ассириян, персов, египтян и др., главными, конечно, являются топографические особенности страны и самый характер народа. Первую из этих причин проф. Патканов признает сам, говоря, что «раздробленности Армении немало способствовал физический характер страны». О второй же причине, т. е. о характере народа и его расовых качествах, он совершенно умалчивает, не принимая их, вероятно, вовсе в соображение.

Ассирийские письменные памятники, в клинообразных надписях, доказывают, что первоначальная Армения образовывала федерацию из семи как бы кантонов, раскинутых на пространствах позднейшего Армянского государства в Центральной и Горной Армении. Население их в течение долгого времени развивалось совершенно свободно, вследствие чего в нем и должны были выработаться дух

независимости и самостоятельный характер. С течением времени, хотя эти кантоны объединились и образовали единый государственный организм, но окрепшему веками в традициях свободы народу не свойственно было признавать деспотическую власть за своими царями, тем более воздавать им божеские почести, как это было в Ассирии, Египте, Персии и других странах древнего мира.

На своих царей, не говоря уже о князьях, народ смотрел как на простых смертных, которые призваны были служить его собственным интересам^{*)}. Это служение состояло, главным образом, в том, что они, как опытные в военном деле люди, должны были вести свой народ в бой против врага, грозившего ему внутренней самостоятельности. Если царь не стоял на высоте своего призвания, народ от него отворачивался и предпочитал чужеземную власть, с условием, чтобы иноземный правитель не посягал на его права и самостоятельность. Против подобных недостойных царей и восставали иные нахарары, как ближайшие выразители воли и настроения народа; они-то и «сносились с соседним государством» и искали в нем поддержки против нелюбимого царя, от которого народ хотел отделаться. Бывали, разумеется, честолюбивые нахарары, преследовавшие своекорыстные цели, но во всяком случае они обставляли свои действия так, чтобы народ видел в них ревнителей своих жизненных интересов.

Таким образом, сильная деспотическая власть, опирающаяся на касту привилегированных людей, а массу держащая в порабощении, как это было напр. в Египте, Ассирии, Персии и почти во всей Азии, в Армении никогда не существовала и существовать не могла. И от этого ни народ, ни государство вовсе не были в проигрыше — напротив, значительно выигрывали. Государство и народ одинаково выигрывали тем, что последний, во имя сохра-

^{*)} В коллективных или частных обращениях к своим царям и князьям армяне не употребляли, по примеру других восточных народов, никаких вычурных выражений и не выказывали никаких признаков раболепия, а только титуловали их тер или сепух, что значит — государь, господин, благородный.

нения своих прав, с большей готовностью выступал против внешних врагов, проявлял всегда больше мужества и стойкости, в полном сознании того, что защищает свою личную свободу, свой очаг и неотъемлемую собственность от угрожающей опасности.

Не то было между тем в государствах, которые, имея кастовый строй, держались на угнетении большинства народа и рабстве. Такие государства были прочны до тех пор, пока имели сильную военную организацию и во главе центральной власти стояли люди с выдающимися дарованиями. С ослаблением военной организации, с вырождением этих дарований, государство разбивалось, как глиняный горшок, потому что лишенные воли и инициативы народные массы неспособны были оказывать ему никакой поддержки против внешнего натиска. Этим и объясняет г. Никогосов исчезновение многих современных армянам могущественных и завоевательных государств, хотя по своему географическому положению они находились в несравненно более выгодных условиях, нежели Армения.

Социальный быт армян имел, бесспорно, большое значение в упорном отстаивании ими христианства, вполне соответствовавшего основным чертам их народного характера^{*)}. Принося невероятные жертвы ради сохранения христианства, привившегося к ним раньше и легче, чем к другим народам, армяне отличались всегда полной религиозной и национальной терпимостью к подчиненным им язычникам, сектантам и разным иноверцам. Это объясняется тем, что, воюя под знаменем христианства, они вели борьбу прежде всего во имя свободы и человеческих прав, которыми одинаково дорожили как во время христианства, так и в языческие периоды своей жизни. Поэтому мы видим в языческой Армении нахарарские роды, напр., Багратидов^{**)}, исповедовавшие веру своих праот-

^{*)} См. 2-ю главу I части. М. Н.

^{**)} Род Багратидов, по сказаниям Моисея Хоренского, был выведен из Иудеи, во II веке до Р. Х. араратским царем Грачией, именуемым Урсой в ассирийских клинообразных надписях, открытых бывшим французским консулом в Мосуле

цев — иудеев. В христианской же Армении жили спокойно, не терпя никакого стеснения со стороны правительства, духовенства или народа, поклонники солнца, огня или дьявола (нынешние езиды). Репутация армян, как гуманного и великодушного народа, была до того известна древнему миру, что все гонимые цари, полководцы и знатные роды из разных стран спасались бегством в Армению, находя там всегда радушный прием, как напр. Митридат, Ганнибал^{*)}, князя Мамиконяны и Дженбакуриан-Орбелианы^{**)} из Китая, Аматуни из Персии и др. Ввиду этого в своей многовековой борьбе с языческими, магометанскими и христианскими врагами, армяне воодушевлялись преимущественно чувством свободы и патриотизма, а не религиозного фанатизма, как это пытаются представить иные из армянских духовных писателей. Смотря на все со своей исключительной точки зрения, эти повествова-

Эмилем Ботта в 1843 г. в деревне Хорсабад близ древней Ниневии. Урса долго боролся с ассирийцами и предпринял поход в Иудею, откуда выселил много пленников в Армению. В числе их находился знатный иудейский князь Смбат, или Шамбат Багарат, со своим родом. В Армении иудеи были оставлены при своей религии, и род Багарата был возведен в нахарарское достоинство, под именем ишханов Багратуни — князей Багратидов (окончание *tides* придано греческими писателями, от которых и заимствованы его историки других народов). Одна ветвь Багратидов утвердилась на престоле Грузии в VI веке по Р. Х. в лице Гурама I (575—600).

Из грузинских Багратидов, называвшихся там Багратиони, наиболее прославились: Давид Возобновитель (1089—1125), Георгий III (1154—1184), Тамара (1184—1212), Георгий Блистательный (1318—1346), Вахтанг VI Законодатель (1703—1734) и Ираклий II (1738—1789).

Известный герой отечественной войны 1812 г. князь Багратюн, которому воздвигнут памятник на Бородинском поле, где он пал геройской смертью, принадлежал к роду грузинских Багратидов.

^{*)} Бежавший из Антиохии к армянскому царю Арташесу Ганнибал оставался у него до тех пор, пока римляне не вошли с Арташесом в дружеские отношения, обещав ему помощь против селевкидов. Хотя Арташес вовсе не думал выдавать римлянам своего знаменитого гостя, но Ганнибал, потеряв уверенность в своей безопасности, удалился в Вифинию, где и отравился.

^{**)} Джен-Бакур в буквальном переводе — честь Китая, от слов — Джен — Китай и бакур — честь, слава. Князя Орбелианы были долгое время царедворцами в Армении, а затем в Грузии.

тели не хотели или не могли глубже проникнуть в дух истории своего народа и отличить национальный порыв от порыва религиозного, сознание национальных прав и государственной самобытности от приверженности догматам своей веры, о которых к тому же народ вообще имел мало понятия*).

Эти черты характера древних армян дают г. Никогосову основание держаться того мнения, что при условиях беспрепятственного внутреннего развития, без повторявшихся политических потрясений, исходивших извне, дальнейшая форма правления, которая установилась бы у них, скорее всего была бы представительно-монархическая, но никак не центрально-деспотическая, о которой говорит проф. Патканов, приводя в пример ассирян, персов и др. Такое предположение получает тем большую вероятность, что бывали примеры посылки к царю всеми четырьмя сословиями в Армении своих представителей для обсуждения сообща с ним положения дел, когда отечество находилось в опасности**. В виде еще более веского довода для подтверждения своего мнения г. Никогосов указывает на духовную иерархию армян после принятия ими христианства.

Известно, что духовные главы армянской церкви, верховные патриархи-католикосы всех армян, никогда не могли помышлять о тех правах, которые присвоили себе римские первосвященники или средневековые епископы-князья в Германии. Католикоса выбирает весь армянский народ посредством депутатов, избираемых всеобщей подачей голосов. Возведенный таким образом на престол католикос, если в течение управления своей паствой уклонится от верного служения интересам церкви и народа, проявит какое-нибудь попятничество к нарушению церковной самобытности или отступит от точного исполнения канонических постановлений

*) Если христианская Армения боролась с языческими и магометанскими соседями исключительно во имя христианской веры, то во имя чего боролась с немалым жаром языческая Армения с языческими же народами?

***) О таких случаях упоминает, между прочим, историк IV-го века Фауст Византийский.

армянской церкви и пр. и пр., может быть смещен тем же порядком, каким был избран. Если при этом почин низвержения недостойного главы церкви и исходит обыкновенно от подведомственного ему духовенства, но все-таки оно в своем приговоре опирается всегда на сочувствие и одобрение народа, но не иначе. Примеров лишения католикосов власти у армян было не мало, почему они всегда соблюдают большую осторожность и строгую разборчивость при избрании католикоса.

Звание священника у армян дается также на основании выборов. Приход избирает подходящее лицо, желающее принять священнический сан, и за подписями избирателей делает представление католикосу, от которого дается распоряжение местному епископу посвятить избранного в священники. При случае сам католикос может исполнить эту обязанность епархиального начальника во время объезда своей паствы. Все эти порядки установили еще первые пастыри армяно-григорианской церкви, сообразуясь только с духом и характером народа.

Не служит ли все это, говорит г. Никогосов, достаточным основанием для высказанного им мнения относительно возможной формы правления в Армении? С другой стороны, не является ли, ввиду того же, неуместной ссылка проф. Патканова на ассирян, персов и др.?

Этим кончаются возражения Григория Николаевича Никогосова Керопз Петровичу Патканову, которому принадлежит честь возбуждения впервые среди русских армян — по крайней мере на русском языке — философских вопросов по истории своего народа. Не говори он с таким пессимизмом о трактуемом им предмете, у г. Никогосова не явилось бы, конечно, импульса к столь решительному отпору. Столкновение же противоположных взглядов послужило освещению наиболее существенных сторон армянской истории и дало мне возможность представить читателям входившую в мою программу критическую оценку политической жизни древних гайканцев. А насколько мне удалось достигнуть намеченной цели, насколько эта оценка полна и верна — судить не мне.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ*)

ОБ АРМЯНСКОМ НАРОДЕ

Находясь под впечатлением состязания г. Никогосова с проф. Паткановым, я обратилась к нему с просьбой высказаться и о современных армянах, о которых в России установились противоречивые и большей частью невыгодные мнения. Напрасно вы думаете, что я такой уж знаток армян, — сказал он. Освещать по-своему те или другие факты из истории какого-либо народа, делать из них известные выводы еще не значит хорошо знать этот народ и вполне понимать его историю. Можно знать ее больше одного или двух достаточно сведущих лиц, но меньше многих других, и может случиться, что для иного мои суждения окажутся столь же несостоятельными, как, напр., суждения покойного Керопэ Петровича Патканова для меня. А раз я допускаю для себя возможность несовершенного знания, как же скажу, что я знаю эту историю? — Не ударяйтесь ли вы в чрезмерный педантизм, не ищите ли математической точности в таком предмете, где она совсем неприменима? — заметила я ему. — Чтобы вы ни говорили, возразил он, но я держусь такого взгляда и то же самое могу сказать вам насчет нынешних армян. Действительно, я немало изучал их в России и в Турции, внимательно прислушивался ко мнениям посторонних лиц и их самих о дурных и хороших сторонах армян, разбирал их в печати, но в конце концов пришел к заключению, что я их еще недостаточно знаю. И это не потому, что армянский народ являлся каким-то загадочным сфинк-

*) Две первые части настоящего труда уже были в печати, когда мне пришлось заручиться новым материалом, пополняющим все предыдущее; вот почему о третьей и четвертой части не упомянуто в предисловии.

сом, а потому, что вообще знать народ, даже отдельного индивидуума, не так легко, как думают. Недаром же говорит русская народная мудрость: «Чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли». А насколько труднее составить полное и верное понятие о целом народе!

То, что передают наши учебники, даже трактаты ученых, об известных народах древнего мира, дает ли нам право сказать, что мы знаем совокупность качеств каждого из них настолько, чтобы могли сделать точную его оценку и характеристику? Сколько тут еще неверно переданного, непонятого или ложно истолкованного! Но зачем заходить так далеко: о русском народе слышали почти все обитатели земного шара, о нем бесконечно писали и пишут представители всего цивилизованного мира, а разве все их отзывы согласны между собою? Да и где англичанину, французу или немцу правильно судить о русском народе, недостаточно еще изученном самими русскими, а потому составляющем предмет постоянного изучения. Так же трудно представить точное и законченное мнение о всяком народе, как бы ни казалась несложною его психология. Судить же о нем по разным проявлениям его обыденной жизни — то же самое, что определять глубины моря по его волнам. — Вы хотите просто сказать, что «*nous ne connaissons jamais ni nous ni autrui*». — Ну да, ведь недаром говорит философ: «*créer le monde est moins impossible que de le comprendre*» или «*il se peut que l'intelligence nous serve un jous à fabriquer un univers. A concevoir celui-ci, jamais!*»

Ввиду подобных соображений г. Никогосов не сразу решился высказаться о современных армянах, хотя и говорил, что в России об армянах вообще и об их интеллигенции в особенности не более знают, чем об американских бизонах или о пернатых тропического пояса... А насколько он прав в этом, пусть судят другие на основании беглого очерка, который я представляю дальше со слов г. Никогосова об армянах и их интеллигенции в России.

Долговременное пребывание армян под игом Персии и Турции, несомненно, наложило свою печать на их характер и нравы. Тем не менее в них осталось еще много хороших черт, наследственно перешедших к ним от их предков.

Так, напр., с виду смиренный армянин вообще очень горд и самолюбив. В какой бы крайности ни находился бедняк армянин, он не опустится до профессионального нищенства. Улицы Константинополя кишмя кишат нищими всех национальностей, но армянская всегда отсутствовала среди них, как об этом свидетельствуют все путешественники по Востоку.

По статистике константинопольской торговой палаты (*chambre de commerce*) можно было удостовериться, что наибольший процент злостных банкротств выпадал на долю греков, затем евреев, левантинцев, мальтийцев и только напоследок армян, хотя до недавнего погрома армяне составляли наибольшую часть христианского населения турецкой столицы, а именно: около четверти миллиона.

Кавказские тюрьмы переполнены уголовными преступниками из всех племен, но армян сравнительно ничтожный процент.

Кавказская администрация, как известно, не всегда оказывалась безукоризненной. Между служащими там немало было также армян. Они всегда отличались усердием и исполнительностью, жившие же на широкую ногу и составившие себе состояние на службе представляли между ними редкое исключение. Далее, ни один из русских военачальников армянского происхождения не оставил по себе памяти как о корыстном человеке, кроме только одного. Между тем эти верные слуги царя и отечества занимали такие должности, которые при прежних взглядах на государственную службу могли вести к накоплению крупных состояний. По смерти князя Моисея Захар. Аргутинского-Долгорукова нашли в кармане его архалука всего 2 руб. 50 коп., но ген. Арзас Артем. Тер-Гукасов оказался

гораздо корыстнее: оставленное им состояние равнялось 25 руб...

Заведующие домашним хозяйством у турецких пашей — айвазы до последнего времени были исключительно армяне. При прежних султанах дворцовое управление свверялось также армянам. Эти айвазы нередко спасали жизнь султанов, обнаруживая заговоры придворных. Дольше в памяти турак живет имя айваза Сафара из Вана, спасшего жизнь султана Сулеймана II. Верность армянских айвазов вошла у турак в поговорку, они не говорят: «Он верен, как собака», а «верен, как айваз».

Греки в Константинополе, Смирне и других городах Турции при всем их национальном фанатизме держат мужскую прислугу только из армян, откровенно называя своих родичей «клефти» — ворами. Армянки же не поступают в услужение даже к своим.

Об армянских хамалах — носильщиках тяжестей в Турции кому только из европейских корреспондентов и туристов не приходилось писать! Хамалы — это свежие силы земледельческого населения Битлисского, Ванского и Харпутского вилайетов, отрывающиеся от сохи вследствие притеснений курдов и вымогательства турецких чиновников. Ежегодно они тысячами стремились в Константинополь, Смирну и прочие приморские города Европейской и Азиатской Турции, для искания заработков тяжелым физическим трудом. Константинопольские таможни в Галате и Стамбуле, где имелось по несколько сот хамалов, обойтись без них никак не могли. После истребления в 1896 г. хамалов в Константинополе турки вынуждены были заменить их курдами, но по отзывам русских корреспондентов, как таможни, так и получатели товаров оказались в большом затруднении. Во-первых, курды далеко не обладают той громадной силой, при которой так легко справлялись армянские хамалы с громадными грузами товаров, железными брусьями, большими бочками сибирского масла и пр. во время выгрузки их на таможенной пристани. Во-вторых, таможенное начальство не доверяет курдам амбары, где хранятся товары до их очищения. Этими амбарами прежде заведовали всегда армяне, безу-

словная честность которых ни разу не была запятнана. Хозяева же товаров терпят еще больше неприятностей от курдов: последние то отговариваются усталостью и не доставляют товаров вовремя по назначению, то допускают небывалые до того злоупотребления, присваивая часть чужой собственности. От исчезновения армянских хамалов немало пострадали также торговые общества, банки и богатые магазины европейцев в Константинополе. Доставка золота и серебра из государственного казначейства в Османский банк и в администрацию *Dette publique* и оттуда обратно, дневная и ночная охрана банковых касс, магазинов, ночная сторожевая служба на всех улицах, в многочисленных константинопольских ханах (гостинных дворах), все это вверялось только пришлому люду из глубины Армении. Пользуясь безусловным доверием турок, армян, греков, евреев*) и европейцев, эти представители армянского простонародья исполняли обязанности русских артельщиков, не внося, однако, никакого материального обеспечения, в виде залога, своим хозяевам: честное имя их национальности считалось достаточною гарантией. Достоинством, что несмотря на их тяжелый труд, при ничтожном заработке, в хамалах не замечалось ни малейшего признака угнетенности. Их прямая осанка, атлетическое телосложение и гордая поступь возбуждали всегда зависть в дряблых константинопольских сибаритах и восторг у европейских туристов. Армянского хамала легко было отличить притом по его узорчатой красной шапочке — арахину, который он никогда не менял на феску, так как это был подарок оставленной им на родине жены или сестры, которые вышивали его из сотканной ими материи.

Лорд Байрон, изучивший армянский язык у венецианских мхитаристов**) и затем побывавший на Востоке, говорит об армянах следующее: «It would be difficult to find the annals of nation less stained

*) В Константинополе около 60 тысяч евреев, между которыми находятся такие известные миллионеры, как граф Камондо.

**) Им составлена единственная в своем роде англо-армянская грамматика.

with crimes, than those of the Armenians whose virtues have been those of peace, their vices those of compulsion», (Трудно найти народ, летописи которого были бы менее запятнаны преступлениями, чем у армян, которых отличительная черта — добродетель и мирные свойства, а пороки — следствие насилий**).

Во время своего путешествия по Востоку, обставленного, как известно, большой торжественностью, Альфонс де-Ламартин особенно интересовался армянами, и в своих записках он отзывается о них с большой похвалой. Горячую симпатию к армянам Ламартин высказал в своем письме к даровитому переводчику его «*Harmonies*», молодому армянину Хорену Нар-бею.

Один из наиболее авторитетных путешественников по Закавказью, барон Гакстгаузен, посвятив значительную часть своего труда армянам, говорит между прочим следующее: «Но даже и эти армяне (купцы) достойны уважения в домашнем быту: там еще можно встретить патриархальные нравы и все добродетели родителей, супругов и детей. Они добродетельны, гостеприимны и крепко привязаны к национальным нравам и религии».

III.

Жизненные условия карабахских армян сложились совсем иначе, отчего и зависит большое отличие их в духовном отношении от других армян.

Героические сыны Карабаха**) издавна славилась своим мужеством, храбростью и решительностью. После прекращения политической жизни армян, жители Карабахской области, известной в армян-

*) См. «Lord Byron correspondence, let 258, Venice January the 2, 1817».

**) Кара-бах по татарски значит: смотри на снег, и предполагают, что это было первое впечатление татар, увидевших снег на находящейся в этой области горе Мров, на которой он лежит обыкновенно до конца июля, иногда и до начала августа. Иные же говорят, что первое впечатление пришедших татар было получено от дремучих лесов, принятых ими издали за сплошные сады, почему и произносят также Кара-баг — черный сад.

ской истории под названием Сюника и Арцаха и при персидском владычестве обнимавшей большую часть нынешней Елисаветпольской губернии, долгое время отстаивали свою независимость, как и соседние им удины. Эти последние населяли Нухинский и Арешский уезды названной губернии и, составляя отдельное княжество, входили в состав Армянского царства, как и Сюнийское княжество. По своему происхождению удины принадлежат к горским племенам Дагестана. В христианский период Армянского государства они исповедовали армяно-григорианскую веру. Их страна у армянских историков называлась Утик, малочисленные остатки коренного населения которого в селах Варташен и Ниж Нухинского уезда, называют себя теперь удинами. В этих селах только и сохранился их племенной язык, заменившийся в прочих местах сказанных уездов татарским, вслед за насильственным обращением жителей в ислам.

После победы удинского князя Иоаннеса над лезгинами (1721) его владение подверглось нашествию персов и турок, из которых первые окончательно утвердились в Утике, обратив это княжество в Шекинское ханство, по названию города Шеки (ныне Нуха).

Не то встретили, однако, персы и турки в Карабахе. Опираясь на гористые и лесистые местности, население Сюника и Арцаха вело упорную партизанскую войну против персов, турок, туркмен и прочих пришельцев из Средней Азии. Наконец оно вынуждено было признать суверенитет Персии, наименовавшей страну Карабахским ханством. Ханы здесь имели большей частью лишь призрачную власть, а вооруженным народом управляли армянские князья из нахарарских родов, пользовавшиеся правами наследственного владения своими княжествами. Таких княжеств тут было пять: Джраберское, Гюлистанское, Варандинское, Хаченское и Тизакское, или Дузахское. Управление каждым княжеством переходило от отца к старшему сыну, который утверждался в своей власти персидским шахом с титулом мелика — владетельного князя, братья же этого князя и его родственники назывались беками.

Мелики и беки, зная обаяние представительной и красивой внешности на народ, считавший ее наглядным доказательством благородного происхождения, обращали особенное внимание на улучшение своих родов выбором красивейших невест для своих сыновей. А военные упражнения, страсть к охоте, боевая жизнь и традиции удалства развивали в них отвагу и храбрость, служившие примером для их народа. Певцы-ашуги, со своей стороны, прославляя разные подвиги меликов и беков в битвах против персов, татар и других, воспитывали молодое поколение в воинственном духе и поддерживали во всем народе пыл для борьбы за независимость страны.

Нет сомнения, что персидскому правительству вовсе нежелательно было иметь по соседству таких задорных «кафиров» (неверных), а потому оно всячески стремилось уничтожить их самостоятельность. Но какой отпор давали эти армяне посягателям на их свободу, можно видеть из приводимого ниже примера, являющегося одним из многих.

В начале XVIII столетия персов, турок и татар охватила общая злоба против владетелей Карабаха за тяготение последних ко все возрастающей в своем могуществе христианской державе — России. Хорошо зная, какую выгоду может извлечь Россия из боевого населения Карабаха при своем наступлении на магометанских соседей, они решили нанести ему смертельный удар. В виду грозившей им опасности, карабахские князья обратились к Грузинскому царю Вахтангу VI с просьбой послать им своего военачальника Давид-бека Сюнийского, только что отличившегося в Грузии победами над персами и лезгинами. Давид-бек пошел на службу у грузинского царя по примеру многих карабахских беков, никогда не отделявших интересов Грузии от интересов своей родины, имея против себя тех же общих врагов христианства. Вахтанг VI охотно отпустил своего любимца, к которому присоединились также некоторые земляки Давид-бека, служившие в Грузии. Поспешив в Карабах, энергичный Давид немедленно взялся за дело: составив отдельные партизанские отряды, он поставил их

под начальство людей, наиболее известных в крае храбростью и военной опытностью. Такими оказались: князь Мхитар, священник Тер-Аветик, князья: Чавундурский — Торос и Генуазский — Степан Шахумян. Командуя ими, Давид-бек в разных пунктах разбил татарские скопища, предводимые персидскими ханами, и очистил край от азербейджанцев. После этого на армян напали с одной стороны сами персы, под начальством Фат-Али-хана, а с другой — туркмены. Первые потерпели жестокое поражение от Тороса и, оставив несколько тысяч убитыми, обратились в бегство. Вскоре, однако, другой персидский отряд вторгся в военный округ Чавундур, учинив по пути большие жестокости. Персы осадили город Мегри и стали штурмовать его. Он был уже близок к сдаче, как нагрянул на персов князь Степан Шахумян; застигнутые врасплох персы были почти все перебиты (до 11 тысяч человек), оставшиеся же в живых, побросав оружие, разбежались по разным сторонам. Вслед за этим накинудись на армян туркмены, к которым присоединились еще разные кочующие племена, вооруженные персами. Их встретили сподвижники Давид-бека князь Мхитар и священник Тер-Аветик (1725). Победа была настолько же решительная, как и предшествовавшая. В руках доблестных партизан остались боевые припасы, лошади, амуниция, продовольствие и скот неприятеля.

Только что армяне вдохнули свободно, как узнали о приближающемся передовом турецком отряде, начальствуемом Хаджи-Мустафа-пашой. Главные же силы турок находились в Эривани, Нахичевани, Тавризе и Гамадане, занятых главнокомандующим турецкой армией, Кёпрюллу-Абдуллах-пашой. Армяне сперва упали духом пред врагами более страшными, чем персы, но Давид-бек сразу же ободрил их: маленьким отрядом в 450 человек он вовлек турок в засаду и разгромил их под Халидзором, отняв 148 знамен и захватив много добычи. Мустафа-паша с остатками своего отряда поспешно отступил, чтобы вернуться с новыми подкреплениями. Он осадил вскоре крепость Халидзор, местопребывание Давид-бека, и потребовал безусловной сдачи. Считая вылазку рискованной, Давид-

бек прибег на этот раз к военной хитрости: он велел выпустить ночью и гнать в турецкий лагерь всех бывших в крепости кобылиц, от приближения которых лошади в турецком лагере взбесились и, отрываясь от коновязей, подняли сильную тревогу. Турки, спросонья думая, что на них напал неприятель, стали стрелять друг в друга не различая своих от армян. Давид-бек, воспользовавшись замешательством турок, напал на них и совершил страшную резню (1726). В захваченном им лагере с рассветом не осталось уже живого турка, и с этого времени они более не показывались в Карабахе*).

Еще раньше этих событий, во время персидского похода Петра Великого, армянские мелики, вместе с грузинским царем Вахтангом VI, выставили в его распоряжение 40-тысячный корпус, прося царя прийти на Кавказ. Но Петр I, призываемый на север спешными делами, удалился с персидской территории по занятии Дербента, Баку и Гиляни. С восшествием на престол Екатерины II и возобновлением похода против Персии, карабахские мелики, через посредство архиепископа князя Иосифа Аргутинского-Долгорукова, любимца Императрицы, послали Ей верноподданнический адрес (1787) и с тех пор всегда принимали деятельное участие в победах русских войск над персами и в окончательном утверждении русских на Кавказе.

* * *

По сие время у карабахского простолюдина, никогда не знавшего крепостничества, ни чужеземного порабощения, достоинство человека оценивается лишь по тому, насколько хорошо он владеет оружием, джигитует на карабахском скакуне и считается с врагом.

Карабахские армяне вообще народ рослый, статный и красивый, со спокойным, но несколько суровым выражением лица. У них нет той игривости и плутоватости в глазах, которые встречаются

*) См. «Collections d'historiens arméniens, t. II, L'histoire de David-beg», Mar. Brosset, St.-Peterbourg, 1876.

очень часто у тифлисских и иных армян; наоборот, взгляд у них открытый, ровный и смелый. Они очень энергичны, предприимчивы и рассудительны. Их недюжинные способности известны прочим армянам, уступающим им во всем. Если в средних и высших русских учебных заведениях армяне отличаются своим успехом, то первое место между ними занимают почти всегда карабахские. На военном поприще карабахцы приобрели уже славу. Мадатов, Бебутов, Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов и Шелковников были или уроженцами Карабаха, или потомками выходцев оттуда*). Большая часть служащих в разных местах России обер-штаб-офицеров принадлежат к дворянским фамилиям карабахских меликов и беков.

Лишь небольшой процент карабахских армян занимается торговлей. Из них вышли крупные нефтепромышленники в Баку**), известные банкиры в Москве (братья Джамгаровы) и других городах России, даже в Константинополе (братья Карагёзьяны и Гюмюшгердяны) и в Смирне (отец бывшего египетского премьера Нубара-паши).

Земледелие, в частности же хлебопашество — любимое занятие карабахских армян, не имеющих соперников в лучшей обработке земли во всем Закавказье, хотя армяне Эриванской губернии считаются образцовыми земледельцами. Перешедшие в разное время из Карабаха в Нухинский, Шемахинский, Тифлиссский, Борчалинский и Казахский уезды армяне-земледельцы всегда выделялись умением лучше пользоваться землей и больше получать от неё доходов.

*) Князь Мадатов и ген. Лазарев родились в Карабахе; князь Бебутов происходил от поселившегося в Грузии рода карабахского мелика Ашкара (см. Энциклопедический словарь Брокгауза, т. III); Лорис-Меликов — от тех же карабахских меликов, имевших в своем владении — под защитой грузинских царей — Лорийское меликство, ныне Лорийский уезд Тифлисской губернии; ген. Тер-Гукасов — сын армянского священника, также из Карабаха, ген. Шелковников — из села Сегиутлу Нухинского уезда, жители которого переселились сюда из Карабаха и поныне сохраняют во всей чистоте карабахский говор.

**) Как, например, Лазаревы, Гукасовы, Тумаевы, Цатуров, Арафелов, Арамянц, Адамянц, Чикнаверов и др.

Любовь к музыке сильно развита у карабахских армян. «Мне никогда не приходилось, — говорил г. Никогосов, встречать где бы то ни было армян-коммерсантов, кроме карабахских, которые умели бы играть на каком-нибудь инструменте или вообще любили музыку. Между тем везде, где я ни сталкивался с карабахскими армянами, имевшими большие коммерческие операции, саз, тар и кяманча были неразлучными друзьями многих из них. Между ними находились артисты, доводившие свое искусство до виртуозности. Я положительно удивлялся складу ума этих господ, которые с наступлением вечера изгоняли из своей головы всякую мысль о сложных дневных расчетах и всецело отдавались увлечению своими инструментами. И это вовсе не были весельчаки по натуре и неудачники в коммерции, а самые серьезные дельцы». То же самое явление — заурядное и среди студентов-армян в разных высших учебных заведениях. Студент карабаец очень часто отлично играет на привезенном им с Кавказа инструменте и ловко танцует на восточный лад. Впрочем, своей музыкальностью карабахские армяне славятся издавна: они посылали известных певцов шахскому двору, как и теперь снабжают ими закавказских туземцев.

Наречие карабахских армян изобилует образными выражениями. На нем существует небольшая литература, отличающаяся необыкновенным юмором.

IV.

При всем обилии материалов и памятников, касающихся жизни карабахских, или сионийских армян, с начала XIV столетия до наших времен, кроме Степаноса Орбелиана, не было другого историка, который составил бы летопись этого интересного народа. В этой части Закавказья в течение нескольких веков разыгрывалось много важных событий, в ней воевало множество армий и разных орд, вокруг неё было разрушено немало городов, уничтожено даже целое государство агванов, или албанов, игравших значительную роль в истории Армении и Грузии. Кто такие были эти албаны? Где они жили и

когда исчезли? На каком языке они говорили и какой ветви народов они принадлежали? Не составляли ли они одну народность с удинами? Не слилась ли часть их с населением Сюника и Арцаха, т. е. позднейшего Карабаха, придав его населению особый тип и характер? Карабахские мелики являлись ли прямыми потомками армянских нахараров, или их роды возникли от лиц из местного населения, отличившихся своими подвигами и положивших начало новым аристократическим родам? Какие были вожди столетия полтора, два тому назад? С кем они воевали? Как относились к своему народу и какую память оставили по себе? и пр. и пр. На все эти и многие другие вопросы нельзя дать, к сожалению, никакого определенного разъяснения, за недостатком письменных данных или хотя бы устных преданий^{*)}. Поэтому вся четырехвековая история Сюника, Арцаха, как и Утика, обнимающих приблизительно нынешнюю Елисаветпольскую и часть Бакинской губернии, пропала бесследно. Только в начале XVIII столетия в монастырях бывшего агванского католикосата, патриаршая резиденция которого находилась в Татевском монастыре (в Зангезурском уезде), стали отыскиваться разные монографии и более или менее связные исторические повествования, содержание которых относится к событиям позднейших времен. И этот ценный материал никем из армян еще не собран и не приведен в надлежащий порядок. Теперешняя интеллигенция русских армян поглощена своими личными интересами. Выборы в городскую думу, интриги друг против друга, разные кляузы, дразги или самое большее — решение мировых вопросов одной статейкой в каком-нибудь тифлисском листке — вот занятия, входящие в круг её «общественной деятельности»...

Совсем другое впечатление получается, замечает г. Никогосов, от произведения карабахского уроженца, епископа Макара Бархударяна, под за-

^{*)} Агванцы исчезли гораздо позже того времени (VII века), когда написал их историю Моисей Каганкатуаский. Но в этом труде он говорит лишь о двух-трех агванских царях, о самом же агванском народе почему-то не обмолвился ни единым словом.

главием «Тайны Карабаха». Повествуя также о делах меликов, преосвященный Бархударян излагает факты с такой живостью и таким энергичным языком, что читателю кажется, что с ним говорит не писатель, а один из меликов. «Тайны Карабаха» не были, однако, поняты и оценены армянской интеллигенцией в России, между тем армянские писатели в Константинополе и Смирне в свое время отнеслись к ним с восторгом, справедливо замечая, что в труде преосвященного Бархударяна дар писателя, дух война и вдохновение эпического поэта, выражаясь с одинаковой силой, дают полную картину боевой жизни карабахских меликов^{*)}.

А сколько еще таких тайн в синих горах этой страны! Сколько живых преданий о громких известностях, вышедших из лона маленького карабахского народа! Многим ли известно, например, что неаполитанский король Иоаким Мюрат и мамелюки Наполеона I. Ростан или Рустан (Рустам) и Пьер (Петрос) были уроженцами Карабаха? А ведь кто из них даже вернулся и умер на родине, а кто оставил лишь свое имя в памяти народа.

V.

Рассказы о Мюрате занесены в Карабах его соратником Рустамом. Выясним же сначала, кто такой был этот Рустам, как он попал в ряды египетских мамелюков и как, вместе с мамелюком Пьером, стал затем верным телохранителем Наполеона?

До второй половины текущего столетия Смирна была почти единственным городом в Турции, где европейцы пользовались свободой и влиянием. Этому способствовали близость Смирны к Европе и ее доступность для флота западно-европейских держав. Европейские суда беспрепятственно захаживали в Смирнскую бухту, и торговые сношения

^{*)} «Тайны Карабаха» изданы карабахским уроженцем Ар. Цатуровым и вышли в свет еще при жизни Раффи. Сознывая явное превосходство этого труда над своим, Раффи однако, старался обесценить его в глазах некомпетентной публики неуместными придирками относительно будто бы неверной хронологии, апокрифических источников и проч.

с ее жителями содействовали основанию здесь колоний разных европейских народов, открытию контор, учреждению консульств и пр. Благодаря постоянному притоку европейцев, христианский элемент в городе все усиливался, и Смирна приняла вид европейского города, почему турки стали называть её Гяур-Измил.

Обеспеченность жизни и благоприятные условия для торговли в Смирне послужили, с другой стороны, приманкой для христиан в Турции и Персии, стремившихся войти в сношения с Европой. В числе их появились также выходцы из Карабаха, торговым людям которого Европа была уже хорошо известна еще со времени Шах-Аббаса I, в начале XVII века. Мало-помалу в Смирне образовалась довольно значительная колония карабахских армян, которые завели торговые дела с Европой, с Египтом и Абиссинией, признававшей до последнего времени иерусалимского армянского патриарха главой коптской церковной иерархии.

С течением времени эти армяне водворились также в Каире и Александрии и за свою предприимчивость пользовались особым покровительством египетских вали, а еще более абиссинских негусов. Хотя страна фараонов составляла нераздельную часть обширной Оттоманской империи, но арабы, ее населявшие, недолюбливали турок и стремились всегда отложиться от них. Турция, между тем, обращалась с ними тактично и содержала свои боевые кадры по образцу и преданиям победоносных мамелюков, которыми располагали египетские султаны еще до завоевания этой страны турками-османами.

Дети карабахских, как и прочих армян, после смерти родителей иногда оставались здесь без всяких средств к существованию, несмотря на то, что их отцы при жизни имели значительные торговые обороты. И это потому, что в магометанских государствах, с режимом теократической деспотии, царят всегда произвол и насилие, в особенности же по отношению к христианам, жизнь и имущество которых вообще считаются собственностью каждого правоверного. Если христианам в таком государстве оказывают иной раз покровительство, то по

той лишь причине, что они являются необходимым элементом для поднятия экономического благосостояния страны. Но никакой христианин не смеет отказывать в ссуде денег — разумеется, без всякой расписки или поручительства — власти имущему мусульманину, рискуя попасть за отказ в тюрьму и лишиться всего своего состояния. Пока здравствуют отцы семейств, они раздают много денег пашам и беям, которые расплачиваются с ними в том расчете, что кредиторы их всегда нужные люди, разорять которых вконец им невыгодно. Когда же после смерти своих отцов малолетние дети или подростки оказываются не в состоянии продолжать их торговые дела и служить дойной коровой для тех же пашей и беев, то они ни гроша не получают от должников отца, вследствие чего сразу же попадают в нищету. То же самое было и в Египте. И вот подобные осиротевшие голыши, в которых не угасал еще воинственный пыл предков, поступали здесь в мамелюки^{*)}, не имея другого исхода из своего критического положения. При поступлении на службу им приходилось, конечно, отречься от своей веры, начальство же, со своей стороны, облегчало им переход в ислам, не требуя от них особенного знания догматов мусульманской веры, как и строгого исполнения разных обрядностей. Актом обрезания и переименованием неопита завершалось все принятие ислама.

В числе таких именно мамелюков находились Рустам и Петрос, из которых первому оставили его первоначальное персидское имя, одинаково носимое еще поныне армянами в Карабахе, второго же назвали Омаром.

В сражении Бонапарта при пирамидах (1799) Рустам и Омар уже были вполне сформировавшимися мамелюками, но христианское чувство таилось в их душе с прежней силой. После поражения египетской армии в сказанном году это чувство у них всплыло наружу, и они бросились в лагерь победи-

^{*)} Мамелюки в Египте, как янычары в Турции, являлись преторианцами магометанских властителей. Они вербовались из христианской молодежи, обращенной в мусульманство и подвергавшейся предварительной жесточайшей дрессировке.

телей-французов, когда узнали, что один из сподвижников Бонапарта, молодой генерал Мюрат, по происхождению армянин. К нему-то и повели французы этих дезертиров, пришедших в восторг, когда такой же карабахский армянин, как они, заговорил с ними на их родном наречии. Мюрат представил их Бонапарту, и с этого дня они оба были зачислены в его свиту с сохранением их мамелюкского звания и наряда. Рустам остался при своем имени, а Омар из бывшего Петроса обратился в Пьера.

Было бы излишне далее распространяться о Рустаме и Пьере, если бы их последующая история не была связана с вопросом о выяснении происхождения Иоакима Мюрата и о том, как он из Карабаха попал во французскую армию.

*
*

В настольном словаре В. Р. Зотова и Ф. Толля (С.-Петербург, 1866 г., стр. 365) о Рустаме, или как он называется у французов — Ростане, говорится следующее: «Ростан, мамелюк Наполеона I-го, родился в Армении, был в Египте между невольниками; в 1814 году был одним из первых, оставших Наполеона; умер в 1845 году».

Эти краткие сведения о Рустаме, должно быть, почерпнуты из неточных французских источников, судя по его же рассказам. Маститый ветеран умер действительно, в Шуше, в 1845 году, прожив там около 30 лет. Поступление в мамелюки вовсе не было для него исходом из какого-либо «невольничьего» состояния, а результатом семейного обеднения. Наполеона же он «оставил» после занятия союзными войсками Парижа и отстранения императора от престола, потому что не мог последовать за ним на остров Эльбу. Хотя два-три полка императорской гвардии были назначены к отбыванию службы, вернее говоря, к заточению с императором на месте его ссылки, но любимая его свита была немедленно раскассирована, попав в опалу у роялистов. Бывшие в этой свите французы кое-как находили себе протекцию, чтобы избавиться от

ссылки или тюрьмы, а Рустам и Пьер, как чужестранцы, остались между небом и землей. Оба карабахца обдумывали уже бегство из Парижа, как вдруг Пьер куда-то исчез. Не оставалось сомнения, что его посадили в кутузку. В ту же ночь Рустам, преобразившись в гасконскую старуху, бежал из Парижа по направлению к Марселю, оставив в столице жену-француженку и троих детей, у которых была довольно зажиточная родня. В Марсель Рустам хотел попасть с целью укрыться некоторое время от преследования роялистов у живших там армян-коммерсантов, а затем переправиться на Эльбу к великому узнику. Но по прибытии в Марсель он застал здесь только двух-трех армян, которые посоветовали ему поспешить выехать из Франции, тем более, что всякая попытка добраться до острова без предварительного на то разрешения из Парижа, помимо полной неудачи, могла бы повести его лишь на эшафот. «Доступ к Императору так стерегут», сказали ему армяне, «что скорее можно полететь на воздухе, чем пробраться на Эльбу». Тогда Рустам заручился у них деньгами на путевые расходы и, не теряя времени, сел на иностранное торговое судно, отправлявшееся на Восток. После долгого странствования он пристал к персидским берегам у Бендер-Бушира, а оттуда направился в Тегеран. В это время там царствовал Фет-Али-шах, который, узнав от высших сановников о прибытии в столицу интересного эмигранта, приказал привести его к себе. Шах удостоил Рустама очень ласкового приема, подробно расспрашивал его о многом и, наградив халатом, выразил желание еще раз повидать его.

Такое внимание шаха сразу же подняло Рустама в глазах персидских вельмож, которые наперебой стали приглашать и чествовать его. Спустя некоторое время Рустаму была дана вторичная аудиенция у повелителя Ирана. После этого он попал уже под ведение духовного главы — муштеида, который окружил его муллами и сеидами для нового утверждения его в истинной вере пророка, изучением алкорана и разных обрядов шиитского толка. Улучив первую удобную минуту, Рустам вырвался из душной атмосферы фанатиков и направился к гра-

упреки отца и угрозы хозяина ресторана отказать ему, Оваким не обращал никакого внимания. Убитый горем отец не знал, что делать, но Оваким, наэлектризованный слухами о происходящей во Франции междоусобице, сумел убедить отца, что им выгоднее поехать во Францию, где легко-де пожить в общей суматохе. Отец послушался его совета, и они отправились во Францию. По дороге они познакомились с одним доминиканским монахом, который, сжалившись над бедным Муратианом, обещал ему найти подходящее занятие в маленьком мирном городе Бастиде, где он имел хороших знакомых.

По прибытии в Бастид, монах дал Муратиану возможность завести дело, в котором тот уже достаточно приобрел опытность еще в Вене, т. е. открыть трактир. При этом монах нашел ему помощника, армяно-католика, и в компании с ним скиталец взялся за дело. Овакима же доминиканец пристроил в одну иезуитскую коллегию. Вполне освоившись с французским языком, пылкий Оваким в один прекрасный день исчез из училища и точно в воду канул. Никто не мог подозревать, что он находится в Париже и надел уже солдатский мундир, поступив в один из расположенных там конных полков. Отличие за отличием — и Мюрат, быстро подвигаясь вперед, на пятом году службы был произведен конвентом в генералы, после чего назначен начальником кавалерии египетской экспедиции, под командой Бонапарта.

* * *

Карабахские армяне спрашивали Рустама: «После того, как Мюрат приобрел известность, сознавал ли он, что принадлежит к армянской нации?» — «У Мюрата была только одна нация и один Бог — его слава, — говорил Рустам. — Раз только он вспомнил своего отца, когда был произведен Наполеоном в маршалы Франции, воскликнув при мне и Пьере: «О, встал бы ты, мой бедный отец, из могилы и посмотрел, чем стал твой сын!». А когда мы вошли в Москву, Мюрат был как-то растроган, припоми-

ная бывших здесь друзей отца и старца священника, благословившего его перед отъездом из Москвы. И в минуту такого раздумья, он попросил меня отыскать эту часовню и расспросить, нет ли в Москве карабахских армян. После долгих поисков я нашел часовню; она оказалась уцелевшей от пожара, но была пуста, и никаких следов армян я нигде не нашел». Рустам говорил еще, что перед расстрелом Мюрата, по низвержении его с престола Неаполитанского королевства, к нему подошел католический патер с предложением причастия Святых Тайн, но Мюрат грубо оттолкнул его, сказав: «Иди прочь, я не твоей веры!» Но как и от кого Рустам узнал об этом и где он сам находился в это время — трудно сказать.

В отношении сохранения национального чувства Рустам и себя не особенно похваливал, когда достиг такой почести, что пред ним, верным стражем всемогущего императора, преклоняли голову немецкие владетельные князья. С этой стороны он очень высоко ставил Пьера. «Несмотря на то, что Пьера Наполеон больше любил, чем меня, — говорил Рустам, — и держал его при себе везде и всюду, он, однако, вовсе не зазнавался, а всегда помнил, что он армянин, и в удобную минуту словечка два замалвливал перед императором о своих единоверцах. Благодаря Пьеру, Наполеон поручил какому-то сведущему французу составить краткую историю Армении. А ведь над Пьером мы всегда подтрунивали, и Мюрат называл его не иначе, как «тирацу» — дьяком, когда он кстати и некстати заводил речь об армянах. И это чувство развилось в нем, должно быть, потому, что отец учил его армянскому языку и он хорошо знал как язык, так и историю своего народа.»

Этим заключается рассказ Ив. Дав. Лазарева г. Никогосову о приведенных лицах. 1873 год, когда происходила эта беседа в Баку, отстоял от времени Рустама на несколько десятков лет. Следовательно, генерал Лазарев мог многое уже забыть и многое недосказать своему слушателю, бывшему тогда гимназистом, равно как и г. Никогосов — не удержать в памяти в течение прошедших с того времени 25 лет всего рассказанного ему.

«Когда покойный Иван Давыдович окончил свое повествование, — говорит г. Никогосов, — я не удержался выразить ему в самой почтительной форме, некоторое сомнение в возможности того, чтобы Мюрат был армянин, причем сослался на историю. — Ого, — добродушно заметил Иван Давыдович, — ты и историю знаешь! А читал ли ты Чамчиана? — Последовал отрицательный ответ. — Знаешь ли ты историю Давид-бека? — Тот же ответ. — А если ты не знаешь своей армянской истории, как же ты можешь знать французскую. Впрочем... да... ты ведь удин, ты можешь и не знать армянской истории, — прибавил он с легкой иронией.» Но г. Никогосов заявил, что в гимназическом учебнике об этом ничего нет, потому он и говорит так. Не обратив на это никакого внимания, герой Гуниба рассказал ему следующее: «О происхождении принца Мюрата мне как-то пришлось говорить у Его Высочества Великого Князя Михаила Николаевича. Было это за обедом, в присутствии барона Николаи и других гостей. Некоторые слушали с недоумением, а другие с видимой усмешкой. Признаться, я был несколько задет и после обеда снова завел тот же разговор, чтобы услышать возражения. Главные возражения сводились к тому, что, во-первых, во французской военной истории ничего не говорится об армянском происхождении Мюрата, и во-вторых, фамилия Мюрат существовала во Франции еще задолго до великой революции. Тогда воспитатель детей Великого Князя, ген. Петерс, заметил: «Это ничего не значит, сын трактирщика не есть потомок этой фамилии. Да и что удивительного, что Мюрат был армянином, коль скоро стоявший выше его наш славный Багратион был грузин! Я, по крайней мере, ставлю Багратиона выше Мюрата потому, что Мюрат, признанный Наполеоном храбрейшим в мире кавалерийским генералом, по словам великого корсиканца, с ним был его правой рукой, а без него — ничто. Между тем, заслуживший восторженный отзыв Наполеона Багратион отличался такой же храбростью, как Мюрат, но вместе с тем он был полководцем, который мог бы заменить и Баркляя де-Толли, и Кутузова. Притом, кто такие были вообще маршалы Наполеона по происхождению? Боль-

шей частью разные авантюристы, которых не спрашивали об их нации, религии и роде. Макдональд же не был французом, как и сам Наполеон. Если князь Мадатов, будучи карабахским армянином, стал таким известным у нас героем, отчего же его соотечественник не мог бы выдвинуться в смутные времена французской революции? Да, наконец, кто такой Иван Давыдович? Карабахский армянин, сделавшийся в 25 лет из простого рядового в России генералом».

Перед аргументами Петерса скептики смолкли, а я все-таки не успокоился и напомнил, что еще жив старый генерал Чавчавадзе. Участвовав в Отечественной войне 1812 года, он должен знать кое-что о Мюрате. Тотчас же отправили к нему за справками молодого адъютанта Его Высочества, и был получен ответ, что Мюрат национальностью действительно был кавказец, но армянин или грузин — этого генерал не знал. Вслед за этим Петерс принес альбом портретов разных военных знаменитостей и, указав на изображение Мюрата, заметил: «Не зная даже, кто это такой, с первого же взгляда можно сказать, что оригинал армянин».

Из переданной мною здесь в главных чертах беседы с г. Никогосовым можно видеть, что между русскими армянами резко выделяются карабахские, у которых, конечно, есть также свои недостатки, как, напр., чрезмерное упрямство, злопамятность, мстительность и пр., являющиеся последствием долгой и упорной борьбы с внешними врагами. Цивилизация почти что не коснулась карабахского простолюдина. С развитием культурной и экономической жизни кавказских народов, этот простолюдин может занять подобающее ему место, если только сумеет выдержать искус переходного состояния от примитивного быта к цивилизации, не поддавшись нравственной порче. Судя, однако, по некоторым приметам, это должно быть не так легко.

Одно из глубоких заблуждений, существующих в России относительно армян, это — общераспространенное мнение, что они народ «по преимуществу» коммерческий, притом обладающий будто бы особыми торговыми способностями.

Представьте себе, говорит г. Никогосов, что в первые годы моей школьной жизни в одном из тифлисских пансионов, у меня сложилось было «твердое убеждение», что главное занятие французов — содержание цирков. И это потому, что для рассеяния тоски по родине меня водили частенько в цирк, антрепренер и группа которого были французы или, по крайней мере, лица, говорившие по-французски. Уехал из Тифлиса содержатель цирка Сур, его заменил другой француз, на смену которого появился опять француз. Где мне было знать французов, когда я не имел о них никакого понятия?

То же самое можно сказать приблизительно о составившемся у русской публики мнении об армянах. Когда-то русские видели в Москве и Петербурге каких-то восточных людей, приехавших туда торговать так называемыми турецкими шальями*).

— Что это за народ? — спрашивали друг друга.

— Да арияне.

— Значит, еретики.

— Ну да.

— Ишь ты какие, а ведь ломают по-русски! Откуда они везут этот товар?

— Из Турции.

— Разве они в Турции живут?

— Кажись, нет. Впрочем, наверное, не знаю.

Иван Иванович их хорошо знает — он их встречал на Макарьевской. Кто-то наемно говорил, что арияне определенного местожительства не имеют, живут и на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в Китае, да всюду, где можно торговать: все они люди торговые, вечно странствующие из края в край; где им сподручно, там и застрянут временно.

*) Это были индийские шали, получаемые через Турцию и Персию.

— Вот как, это значит вроде цыган!

— Почитай, что так, но они скорее схожи с жидами, только жида имеют еще разные ремесла, а арияне занимаются одной торговлей.

Вот каково установившееся мнение русского человека об армянах. Слава Богу, теперь уже времена не те: Россия соединена с окраинами железными дорогами; Кавказ приблизился к северу России чуть ли не больше, чем отстояла Москва от Петербурга, когда не существовало рельсового пути; русское общество стало образованнее, развилась печать, распространилось чтение газет, армян студентов, военных и чиновников понаехало в обе столицы не меньше, чем получается здесь сибирской дичи зимой. Воспоминание о прошлой войне у всех еще свежо в памяти, и почти каждый лавочник знает, что Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов, Шелковников и др. были армяне. Наконец, кто не знал доступнейшего и добрейшего из министров, покойного графа Ивана Давидовича Делянова, жившего все время в доме армянской церкви в Петербурге? По поводу же избиения армян в Турции в столичных газетах писалось так много, что самим армянам наскучило читать о них. Спросите, однако, после всего этого любого русского: знает ли он армян? Его знания окажутся немногим более тех, какие были у них лет 50—60 тому назад о сказанных ариянах... Поэтому не удивительно, что когда Г. А. Сазонов в 1896 г. на основании статистических данных показал в «Русской Мысли», что число занимающихся на Кавказе торговлей армян не превышает 5% всего тамошнего армянского населения, это показалося иным столь же невероятным, как бы сказали кому-нибудь, что лопари и тунгузы ездят не на оленях и собаках, а на антилопах и страусах. «Как, а ведь в Тифлисе мы только и видели, что купцов!» — говорили «знатоки» армян. То-то и есть, что эти «знатоки» даже в самом Тифлисе никогда не давали себе труда поближе узнать армян. Вероятно они бывали на Армянском базаре не реже, чем профессиональные фланеры Петербурга на Невском проспекте, но в рядах этого длинного базара они не заметили ни серебряных, ни золотых дел мастеров, ни портных, ни сапожников, ни ша-

почников, ни скорняков, ни оружейников, ни ткачей, ни токарей, ни войлочников, ни прочих ремесленников-армян... А если жившие в самом Тифлисе «знатоки» армян кроме каравансарая Тамамшева и армянских магазинов на Дворцовой улице ничего другого не видели и не помнят об армянах, то можно ли допустить, чтобы они вздумали поинтересоваться армянами в деревнях и селах, раскинутых в четырех обширных губерниях — Эриванской, Елисаветпольской, Тифлисской и Бакинской? Да и на что им армяне и какой интерес они могут представить людям, ничем не интересующимся, но обо всем говорящим с уверенностью «лучших знатоков»? Чем же объяснить такое странное явление? По-моему, тем, что русский человек вообще не отличается любознательностью, и если кем интересуется, то скорее иностранцами, чем народами, составляющими русское государство.

Что касается индифферентности интеллигентного русского в отношении его окружающего и вообще насчет его плохой наблюдательности, я могу привести в пример хотя бы бывших моих сослуживцев — артиллеристов во время последней войны в магометанской Грузии — Аджарии и в турецкой Армении. Не все же время мы тут воевали — неделями, бывало и месяцами стояли в выжидательном положении. Казалось бы, достаточно было времени заглядывать в жизнь народов, представлявших большие различия друг от друга по домашнему быту, нравам, костюмам, языкам, типам, степени развития, культурности, сочувствия к русским. На все это нельзя было бы не обратить внимания мало-мальски образованному человеку. Но где же письменные следы любознательности наших офицеров в этих новых краях? Да никаких. Между тем, английские офицеры и медики, состоящие при турецких войсках в Армении, по свидетельству бывшего французского консула в Эрзеруме г. Жильбера, усердно изучали армян, турок и курдов, снимали с них фотографии, записывали их песни, мотивы которых перелагали на ноты, присматривались к их танцам, делали антропометрические измерения, изучали их языки, покупали их оружие, одеяния, приглашали к себе армянских певцов-ашугов, сла-

гавших длинные песни о подвигах русских генералов, и пр. и пр. Но русский человек ничем не интересовался.

Когда писал во время турецко-русской войны известный корреспондент «Голоса», американец Мак-Гахан, из Болгарии, мне не раз приходилось читать в русской печати справедливые замечания, что в сообщениях иностранцев гораздо больше всеобщего содержания, чем у русских корреспондентов. Так, недавно отпраздновали в столице 25-летие присоединения к России Хивинского ханства, и русская печать единодушно воздала честь памяти того же Мак-Гахана, который оказался единственным человеком, оставившим сколько-нибудь обстоятельные сведения о трудной хивинской экспедиции и о доблестях русских воинов в песчаных пустынях Средней Азии. С другой стороны, сколько у нас встречается борзописцев-корреспондентов, с апломбом говорящих обо всем, но очень часто не замечающих того, что у них перед глазами. Из множества примеров приведу вам следующий.

Не далее, как месяц тому назад, один русский приятель, несколько раз побывавший в Нахичевани-Дону, стал спорить со мной, что живущие там армяне занимаются одной только торговлей и что никакого понятия о земледелии армяне вообще не имеют. На это я ему назвал пять армянских сел вокруг той же Нахичевани — Большие и Малые Саллы, Топти, Нисвита и Чалдырь, — жители которых кроме земледелия ничем иным не занимаются. Затем я указал на ремесленное училище в Нахичевани, открытое городом для детей живущего там значительного ремесленного сословия из армян. Но мой приятель не поверил ни тому, ни другому, потому, дескать, что я родом не из Нахичевани, и хотел даже биться со мной об заклад, что в этом городе и вокруг него, кроме содержания лавок, магазинов и буфетов, армяне ничего другого не признают. Что же я мог ответить упрямому человеку? Прекратил пустой спор и только. Но через некоторое время он заходит ко мне и удивленно замечает, что моя была правда. — Как ты убедился в этом? — спрашиваю, — Встретил знакомого армянина из Нахичевани, который подтвердил твои слова.

— А как же ты сам раньше не знал этого, не раз останавливаясь в Ростове и заезжая в Нахичевань?

— Да как знать, брат. Пошлет тебя железнодорожное ведомство в командировку, заедешь в Ростов и Нахичевань к знакомым армянам, пригласят на шашлык, пилав и донское вино, отделаешься от одного, захватит другой, а за ним и третий, с трудом вырвешься от них, чтобы поехать дальше по делам службы; где уж тут заниматься разными наблюдениями...

Это — слова интеллигентного человека, пишущего иногда в столичных газетах в качестве провинциального корреспондента. А что сказать о составителях гимназических учебников, из которых десятки тысяч учеников должны черпать основные и верные познания. Прочтите у любого из них об армянах, и вы увидите, каково их знакомство с этим народом. Вот, напр., что повествует чуть ли не 20-й раз изданная, значительно «исправленная и дополненная» учебная книга географии Российской империи: «Малая часть армянского народа живет на родине, большая часть рассеяна по всей Азии, отчасти по Европе и Африке». А через несколько строк говорится следующее: «Что касается их характера, то надобно отличать земледельцев, живущих на родине, от купцов, особенно живущих среди других народов»^{*)}.

Как должен понимать гимназист все эти слова? Он подумает, что живущие на родине земледельцы-армяне составляют лишь незначительную часть своего народа, значительный процент которого рассеян по разным странам Азии, Европы и Африки и занимается торговлей. Вот вам и сведения специалиста об армянах! Между тем, если собрать всех армян, живущих вне своей родины, т. е. вне русской, турецкой и персидской Армении, то едва ли они составляют и 1/15 долю оставшегося здесь сельского населения, не говоря уже о жителях городов, большая часть которых, во всяком случае, состоит не из купцов, а ремесленников и промышленников. Уже из одного этого нетрудно усмотреть,

^{*)} См. «Учебная книга географии Российской империи. Курс гимназический. Составил Е. А. Лебедев».

каковы сведения русской публики об армянах. Возвращусь, однако, к тому, насколько армяне, начиная с древнейших времен доныне, были «по преимуществу» торговым народом.

* * *

Армяне в своем государстве издревле были деятельным и трудолюбивым народом и по свойству обитаемой ими земли занимались земледелием и скотоводством, чему способствовали плодородные поля и тучные пастбища Армении. На этих полях росли пшеница, ячмень и рис, в долинах же паслись многочисленные табуны лошадей, мулов и ослов, также стада буйволов, коров, овец и козлов. Каждая область или округ, смотря по климату и характеру местности, имела свое особое минеральное и растительное богатство: в одних местах добывали соль и горный хрусталь, в других — медь, железо и свинец; в иных золото. А жители где занимались разведением хлопка, пчеловодством и виноделием, где собирали винные ягоды, яблоки, грушу, айву, сливы, арбузы, дыни, гранаты, миндаль и пр. Удинская область снабжала Армению растительными маслами, как-то: льняным, деревянным, клещевинным и подсолнечным, а прибрежные части Аракса и Сюнийское нахарарство доставляли преимущественно строевой лес для дворцов.

По покрытию своих нужд произведениями собственной страны, остальное, как излишек, армяне сбывали соседним народам, с которыми, таким образом, завязывались торговые сношения, явившиеся естественным последствием трудолюбия жителей и большой производительности их земли. Путиями сообщения для вывоза товаров служили, главным образом, орошающие Армению реки — Тигр, Евфрат, Аракс и Чорох, отчасти также Кура.

По Араксу и Куре армяне общались с народами, жившими около Каспийского моря, с бактрийцами, согдианцами и парфянами, а далее по Оксусу и Яксарту (Сыр-Дарья и Аму-Дарья) — с индийцами. Обмениваясь с ними товаром, армяне возвращались караванами и произведения этих

стран сбывали, через Черное и Средиземное моря, в Грецию и Италию. С юго-западной же стороны Армении они поддерживали сношения, посредством караванов, с Финикиею и продавали там лошадей и мулов на рынках Тира и Тарса. Но чаще всего они сносились с Ниневией и Вавилоном, куда возили превосходного качества вина, свежие и сушеные плоды, строевой лес, доски, дрова и прочие предметы потребления своей страны, а оттуда вывозили ковры и разные ткани. Средством сообщения с этими двумя городами служили Тигр и Евфрат, по которым армяне плавали на своих оригинальных судах, описанных Геродотом следующим образом: «Армянские суда имели форму щита, бок состояли из ивового дерева и были обтянуты кожей. Они бывали разных размеров, наибольшие из них носили груз стоимостью до 1000 талантов. На каждом судне находилось по одному или несколько ослов, на которых привозили обратно кожаные части судна, по сбыте в Ниневии и Вавилоне деревянных его частей вместе с товаром».

Последующие века приносили Армении лишь одни бедствия. Целые столетия армяне провели в борьбе с народами Азии, Африки и Европы, и все же их духовные силы мало пострадали. Но утомленные нескончаемыми войнами армяне стали искать покоя в других государствах. С IV—XI столетия они понемногу переселялись в византийские владения в Европе, где отличались преимущественно не в области торговли, а в земледелии, ремеслах, архитектуре, рисовании и ваянии, равным образом выдвигались военными и административными способностями. После Юстиниана 14 императоров последовательно вышли из среды армян, которые, притом, образовали отдельные дружины для защиты границ империи.

В конце VI столетия армянин, император Маврикий VI, привлечший из Армении новых переселенцев, водворил их во Фракии и при их помощи отражал набеги аваров со стороны Дуная. Другая

эмиграция армян, направленная также во Фракию, последовала в X столетии, по принуждению Василия II, императора из династии армянских Аршакидов. Этих-то армян император противопоставил нападавшим на Византию болгарам, русским и венграм. С течением времени армяне расселились по Кроации, Фессалии, Македонии и Болгарии, где заявили себя опять-таки не в торговле, а на поприще государственной деятельности. По словам историка X века Степана Таронского, князь Самуил из города Дерджана в Армении был избран болгарским царем и мужественно защищал свое государство против армянина же, византийского императора Василия II.

Армяне впервые пришли в Россию, с оружием в руках, в половине XI столетия, по приглашению великого князя киевского Александра, находившегося в войне с поляками. Он обратился тогда к помощи одного из армянских удельных князей, обещающего ему соратникам разные льготы. В 1060 году армяне приняли приглашение великого князя и, поселившись в Киеве и его окрестностях, оказали Киевскому княжеству значительные услуги как оружием, так и развитием разных ремесел. Из них вышло также немало искусных врачей, из которых об одном, известном враче Владимира Святого, упоминает летописец Нестор. Этими армянами особенно дорожили князья Изяслав и Феодор Дмитриевич. Видя приносимую ими пользу соседнему русскому княжеству, польский король Владислав IV более широкими привилегиями переманил многих армян в свое государство.

Как было сказано, армяне еще до христианского периода своей исторической жизни вступали в сношения с народами, жившими по сю и по ту сторону Каспийского моря. По утверждению христианства в Армении и его распространении отсюда в кавказской Албании и среди соседних ей гуннов, соприкасавшихся с албанами по своему местожительству в нынешней Дагестанской области, между армянами

и гуннами был заключен в V столетии оборонительный и наступательный союз против персовязычных. А в VI веке армяне массами переходили через Закавказье к гуннам, чтобы воевать в их лагере против персов. К этому именно времени относится учреждение торговыми армянами своих факторий по берегам Волги, как это доказывают находящиеся там памятники с армянскими надписями.

В XIII столетии, когда татары завоевали Армению, они выселили оттуда много народа, между прочим, в Сарай, Астрахань и Казань, где составили из них отдельные боевые отряды, а иным из них дали возможность подвизаться на мирных поприщах. Стремясь, однако, избавиться от этих варваров, армяне вошли в переговоры с генуэзцами, владевшими приморским городом Кейфе (нынешняя Феодосия) и другими пунктами Крымского полуострова. Генуэзцы помогли армянам освободиться от татар и переселиться в Крым. Тут армяне во всю ширь развернули свои колонизаторские способности, обратив пустынные пространства полуострова в цветущие деревни и покрыв его горы и поля множеством великолепных храмов, развалины которых существуют там и поныне. С 1475 г. Крымским полуостровом завладели турки и для обогащения тогдашней столицы оттоманов — Бруссы большую часть здешних армян переселили в область Худабендигяр, в нынешний Брусский вилайет, где потомки этих армян славятся и по настоящее время как лучшие во всей Турции земледельцы, шелководы и промышленники.

В этих же отраслях экономической жизни армяне приобрели известность и в Персии, куда их переселил Шах-Аббас I из Араратской области в начале XVII столетия. Да и вообще, где бы армяне ни поселялись — в Молдо-Валахии ли, Буковине, Трансильвании, Галиции или Венгрии, — прежде всего они являлись земледельцами, ремесленниками, общественными и государственными деятелями**).

*) В этом можно удостовериться по остаткам армян в вышеупомянутых местах, где их репутация как сельских хозяев и помещиков всем хорошо известна.

Некоторое исключение представляли переселившиеся из Персии, а именно, из Джульфы, в Индию армяне, числом не более 15.000 душ, занимавшиеся, главным образом, торговлей. Водворившись в Сурате, Мадрасе, Бомбее, Калькутте, Чичре и Сейдабате, эти малочисленные гайканцы живо установили связь между разными частями обширной империи великого могола и Европой и дали сильный толчок торгово-промышленной деятельности страны. Они приобрели такое влияние во всем Индостане, что английская ост-индская компания действовала только через них, чтобы запустить прочные корни в стране. Но, утвердившись здесь, англичане вскоре парализовали торговое влияние армян, которым пришлось перенести свою деятельность на острова Индийского архипелага. Небольшая группа их поселилась на Яве, и среди них двое, Геворк Манукян и Овсел Амирханян, сделались обладателями несметных богатств. К первому голландское правительство обращалось даже за займами, а второй оказал этому правительству большие услуги во время восстания туземцев в 1825 году.

Из всего сказанного о деятельности армян с древнейших времен до начала текущего столетия, видно, что, во-первых, торговля далеко не являлась их главным занятием как на родине, так и вне её; во-вторых, те переселенцы, которые добровольно или по необходимости покидали родину, составляли лишь незначительную часть оставшегося в самой Армении коренного населения и, в-третьих, выдающаяся роль, которую играли армяне в разных государствах, зависела не от их количества, а от их духовных качеств.

* * *

В 1787 г., как уже было сказано, карабахские мелики послали Императрице Екатерине II верно-подданнический адрес с просьбой прислать войско для изгнания утвердившихся в Карабахской области персов. Приняв армян в свое подданство, Императрица не могла, однако, оказать им ожидаемой помощи. Вследствие этого персы вскипели сильной

злостью против меликов и принялись изводить их то ядом, то оружием, то интригами. Первой жертвой персидский мести пал гандзасарский католикос, приведший меликов к присяге в верности русскому престолу; он был отравлен сыном известного свой-ми злодеяниями Фанах-хана, Ибрагим-ханом. Разъединенные коварной политикой персов, мелики не могли дружно действовать против врага, и некото-рые из них вынуждены были удалиться со своими подданными из Карабахской области.

Джрабердский мелик Рустам, сын доблестного мелика Аллах-Верди и внук мелика Меджлума, во-шел в переговоры с шекинским (нухинским) ханом Махмед-Гасаном о переселении в его владения. Га-сан-хана в это время сильно беспокоили лезгины, совершавшие частые набеги на его ханство, а пото-му он был очень рад, что воинственные армяне по-селятся у него и окажут ему помощь против диких горцев. Но так как Нуха — главный город ханства — с трех сторон была защищена предгорьями Кавказ-ского хребта и только с южной, открытой стороны совершались набеги, то в этом месте и были отве-дены земли карабахским армянам. Избрав удобный центральный пункт для своего местожительства, около бьющих из-под камней родников, мелик Рустам назвал это место Даш-Булаг, что значит по-татарски каменный родник. Тут он поселился (1787 г.) со своими родичами, беками, укрепив свою резиденцию бастионами, рвами и траншеями, а во-круг неё, в довольно значительных друг от друга расстояниях, он расселил своих подданных, обра-зовавших следующие села: Гёг-Булаг, Айдин-Булаг, Агбилекия, Гозлу, Сары-Беглу, Джюджемыш, Медж-лис, Зарап, Топер и пр.

Вслед за меликом Рустамом его двоюродный брат, мелик Рушан, привел в Шекинское ханство но-вых поселенцев из Карабаха и образовал еще се-ла — Чайкенд, Ягублу, Сегютлу (родина ген. Шел-ковникова), Хошкашен, Сирт-Енидже, Бейлеркенди, Блег, Амирван, Гирдадур, Чанаг-Булаг и др.*).

*) Почти ни одно из вышеназванных сел, некоторые из которых заключают в себе 200—250 домов, не обозначено на подробной карте Закавказского края.

Все жители этих сел, около 4.000 душ, занима-ются исключительно земледелием.

Вдобавок к персидским насилиям, в Карабах-ской области около того же времени стала свиреп-ствовать чума. В таком гористом и лесистом крае, как Закавказье, передвижения на небольшие рас-стояния служат уже предохранением от заразы: го-ры и леса в таких случаях являются естественным карантинном. Поэтому часть спасавшихся от чумы армян укрылась в соседней Грузии, рассеявшись в нынешнем Тифлисском (Елисаветпольской губер-нии), Борчалинском, Сигнахском и Телавском уез-дах Тифлисской губернии. Препятствия со стороны грузин к переселению к ним армян не могло быть, в силу постоянных братских отношений между эти-ми двумя народами (которых, мимоходом сказать, Бог сберег веками от более опасной заразы, чем чума, каковою является нынешняя армяно-грузин-ская интеллигенция в Тифлисе), как и ввиду испы-танной полезности армян для культуры земли.

В Тифлисском уезде этими армянами заселены следующие места: Лис, Болнис, Коди, Кумысы, Цав-кис, в Казахском уезде — Акстафа, Каравансарай, Узун-Тала, Ачаджур, Сев-Кар, Малый и Большой Агдам и пр., где уже жили выходцы из Араратской области. В Сигнахском уезде — Тибаани, Джугаани, Бодбис-хеви, Вакири, Анага, Карданахи, Гурджаани, Чумлаки, Велисцихе и пр. В Телавском — Уриятуба-ни, Руиспири, Ахмета, Кизисхеви и др.

Кроме того, нынешние города Сигнах и Те-лав в Кахетии, бывшие в то время незна-чительными местечками, обратились в населен-ные армянами пункты, так же как и город Гори в Карталинии. Как прирожденные земледель-цы, армяне и тут принялись за свои обычные заня-тия: земледелие, садоводство, пчеловодство и т. д., в городах же занялись ремеслами и той нич-тожной торговлей, какая могла существовать тогда

Дашбулагские мелики много способствовали русским при покорении Шекинского ханства. Из этой фамилии, носящей поныне имя мелика Аллах-Верди, вышли известные герои, подвиги которых были воспеты знаменитым ашугом Дони. Таковыми были — Бейбут-бек, Мирза-бек, Бабалч-бек, Асри-бек, Джават-бек и др.

при постоянных нашествиях лезгин и угрозах персов. По истечении, однако, некоторого времени армяне в Кахетии и Карталинии почувствовали, что не имеют достаточного простора для своей деятельности, вследствие существовавшего в Грузии крепостного права, о котором они не имели понятия в своем родном крае. К тому же Ширванский хан Мустафа, узнав о переселенческом движении среди карабахских армян, послал к ним своих агентов с целью заманить их к себе и обещал им земельные наделы и широкие льготы. Тогда из Грузии, как и из Карабаха, многие перешли в Ширванское ханство, основав здесь армянские села: Гюрдживан, Алпаут, Кёвлюдж, Кейванды, Беглиян, Билистан, Гирдэ, Нор-Шен, Кирк, Гюзеран, Авана-Шен, Ванк, Келлаги, Тоби-Шен, Кешкурд, Келбенд, Блыг, Амирван, Эрменикенды, Гирдедюль и пр. Но в этом ханстве (нынешний Шемахинский и часть Гокчайского уезда Бакинской губернии) были и раньше армянские поселения, оставшиеся еще со времени Албанского царства, вошедшего в состав Персидской монархии Нуширванов, от которых и получило свое название «Ширванское» ханство. Остатки этих армян жили — и поныне живут — в Сагиане, Мадрасе^{*)}, Мейсари, Керкендже, Келаханах и других селах.

Кроме этих мест, партия армян подвинулась к северному Кавказу и поселилась в Кизляре и Моздоке, частью также в Дербенте и Астрахани.

Одним из главных занятий этих выходцев стало виноградарство, которому особенно способствовала почва в Кахетии, Ширвании и Кизляре. Шелководство в иных местах, как, напр., Ширванском и Шекинском ханствах, уже было сильно развито у живших там армян. Как уроженец нынешнего Нухинского уезда, части бывшего Шекинского ханства, — я помню из рассказов матери, что персидские ханы, ввиду изобилия шелка у здешних армян, а также у сохранивших христианство удин, не довольствуясь взиманием усиленной подати с них деньгами и натурой, облагали их еще особой податью шелком за

^{*)} Жителей села Мадрасе иные считают переселившимися из села того же названия в Персии, около гор. Мараги.

дарование им права исповедовать свою веру. Такая добавочная подать носила название «динь-ипеки», что значит «шелк за религию».

Кахетия и Карталиния хотя исстари славились виноделием, но последнее по разным причинам не развивалось здесь до такой степени, чтобы стать источником обогащения страны, посредством сбыта вин внутри и вне Грузии. Шекинское, Ширванское, Эриванское, Нахичеванское и Ордубатское ханства, составлявшие персидские области, при лучших администраторах, каких бывало там немало, освободились от чрезмерного гнета и получали возможность сбывать в Персию часть вин местного производства, приготовлением которых не могли заниматься мусульмане, вследствие религиозного запрета им употреблять спиртные напитки.

У армянского народа испокон века существует предание, что первая виноградная лоза была посажена праотцем Ноем у подошвы Арарата в старинном селении, называвшемся Аркури (в буквальном переводе с армянского — посадил лозу)^{*)}. Это предание хорошо известно почти всякому армянскому простолюдину. Он с наивной верой повторяет, что центр Армении, подошва Арарата, служила колыбелью виноделия для всего земного шара; потому-то, памятуя о Ное, а также о завете церкви, в которой принимает Святые дары в виде хлеба и вина^{**)}, армянин с особенной заботливостью ухаживает за лозой и тщательно избегает всякой фальсификации вина, как бы боясь совершить кощунство с символом крови Христа. Поэтому, несмотря на привычку городской публики к вину искусственного приготовления, армянские виноделы на местах упорно держатся самого простого способа его изготовления, не желая в этом отношении перенимать никаких новшеств из Европы. А если является зло-

^{*)} Большое село Аркури погибло 20 июня 1840 г., в 6 час. вечера, под обвалом с Арарата, потрясенного извержением из потухшего кратера этой горы. 5.000 душ сделались жертвами этого обвала; уцелели лишь два-три пастуха, загнавшие стадо далеко от села.

^{**)} Принятое на Руси освящение разных плодов, 6 августа у армян ограничивается освящением одного только винограда, обставляемым особенной торжественностью.

употребление по отношению к таким чистым и гарантированным от всякой подделки винам, то уж — благодаря скупщикам.

Строгое предписание исповедникам ислама против вина и водки оказалось бессильным перед соблазнами армянских вин, которые до того распространились в мусульманской Персии, что её поэты не стеснялись громко воспевать «чарующий напиток», приготавливаемый в этой стране и по сие время армянами. Но хорошее вино, производство которого персы признавали верхом совершенства, доставлялось в Персию также из Араратской области и Ширванского ханства. Местность Мейсари в Шемахинском уезде, откуда вывозят ныне известные в России вина, — как и из Мадрасы, Сагиана, Гюрдживана, Кюрдэмира и других местностей того же уезда, — по своему персидскому названию уже обозначает «царь вин». Персидский поэт Хаганы, уроженец упомянутого ханства, известен своими дифирамбами армянскому вину, которое он считает источником всех своих вдохновений.

Если, судя по заявлениям европейских исследователей Персии, армяне выказывали там большое искусство в обработке шелка, то это же искусство не менее было развито у армян Шекиского и Ширванского ханств, где армянки являлись главными производителями разных шелковых тканей, шедших на женские, отчасти и мужские одеяния почти всего населения Закавказья. Шемахинские шелковые материи, приготавливаемые армянками кустарным способом, и теперь вывозятся далеко за пределы Кавказа, а разные шелковые ткани производства брусских армянков в Турции заполняют магазины главного стамбульского базара Буюк-Чарши и даже составляют предмет вывоза в Европу.

Итак, из всего вышеизложенного мы видим, что настоящей сферой деятельности армян была и остается не торговля, а земледелие, в разнообразных его отраслях, ремесла, искусства и промышленности. На торговлю армянский народ смотрел всегда как на ненадежное, полное превратностей и искушений занятие, а потому в городах армянин всег-

да давал предпочтение ремеслам: «Деньги — что грязь на руке, смоешь и сойдет, а ремесло — верный кусок хлеба», — говорит у армян. Уважение к ремеслам до того было развито, что всякий армянин считал за честь носить фамилию по ремеслу деда или отца; даже занимавшиеся торговлей армяне имели обычай хотя бы на время учить детей ремеслу, чтобы тем приобрести почет среди народа. Притом они сами, хорошо зная шаткость коммерческих предприятий, особенно в магометанских государствах, хотели обеспечить будущность детей знанием какого-либо ремесла.

Влияние земледелия на армян было таково, что главные черты их характера — оседлость, консерватизм, любовь к родине, трудолюбие, медленность в мышлении, как и крепкий их организм выработались в течение веков этим именно занятием. В России, Турции и Персии не менее 85% армянского населения — земледельцы. Остальные — рабочие, ремесленники, купцы, фабрично-заводские промышленники, люди со свободной профессией, чиновники и пр.*).

А если торговых армян можно видеть в различных городах России и Западной Европы, из этого вовсе не следует заключать, что все армяне занимаются торговлей. При нынешних путях сообщения еще очень удивительно, что далее известных районов эти торговые люди не идут. Да и в торговле армяне выказывали особенную настойчивость в той именно отрасли, которая была связана с сельскохозяйственной промышленностью, как мы это увидим из приведенного ниже примера.

* * *

В 1837 г. Император Николай Павлович посетил Эчмиадзинский монастырь. Государю очень понравил-

*) Кроме бакинских и грозненских керосиновых заводчиков армян, из 53 шелкомотальных фабрик в Елисаветпольской губернии большая часть принадлежит армянам. Затем, они в Тифлисе имеют чугунолитейный, маслобойный, мыловаренный, кожевенный, книжный (для струн), фанерочный заводы и бумагопрядильную, красильную и войлочную фабрики, как и завод для железных изделий.

вилось вино, поданное на царский стол в Вагаршапате. Расспросив подробно о состоянии виноделия у армян, Он соизволил выразить желание, чтобы армянские вина нашли распространение внутри России и в столице, где тогда употреблялись одни заграничные вина, находившиеся в откупе у правительства*). Притом царь разрешил армянам беспатентную продажу вина наравне с графом М. С. Воронцовым, который один пользовался правом сбыта внутри государства изготовляемых в его крымских имениях вин.

Царская воля открыла кавказским винам дорогу в Россию, но дальнейшее расстояние обеих столиц от южной окраины и отсутствие железной дороги являлись непреодолимым препятствием для вывоза этих вин. Тем не менее эчмиадзинский монастырь с разрешения царя аккуратно снабжал дворец отборными винами армянского производства, чтобы приучить к ним высшие круги в столице. А Император, отдавая всегда предпочтение превосходному производству своих подданных, тем самым поощрял развитие отечественной промышленности и торговли.

В конце сороковых годов тифлисский житель, некто Карапет Мамиконов, привез в Петербург большую партию вина в бурдюках и открыл первый кавказский погреб на углу Невского и Малой Морской. Но вследствие непривычки столичной публики к натуральным винам своего государства этот пионер потерпел полную неудачу. Вслед за ним появились другие армяне с Кавказа. Развитое в Кизляре карабахскими армянами виноделие приобрело уже славу на юге России, и кизлярское вино сбывалось здесь в достаточном количестве. Братья Измировы и Мамаджановы попытались привить употребление этих вин и на севере. Но опыт оказался также неудачным: русская публика никак не входила во вкус натуральных вин. Поэтому кизлярские вина покупались местными спекуляторами, которые подделывали их и продавали за настоящие

бордо, херес, мадеру и пр. Многие из русских нажили этим миллионные состояния.

В 1861 г. горийский житель А. М. Тер-Давыдов открыл в Петербурге погреб «русско-кавказских и кахетинских вин». Но ему, как и некоторым другим армянам долго не везло в столице с винами Грузии. Немало тормозила их успех относительная дороговизна кахетинских вин, происходившая от отсутствия непрерывного рельсового пути с юга на север России. Но главной причиной неуспеха оказывалась все та же укоренившаяся привычка публики к иностранным винам. Однако в 1878 г. Тер-Давыдову как-то повезло; его осенила счастливая мысль сразу поднять имя кахетинских вин в столице. 26-го августа этого года, в день коронации в Бозе почивающего Императора Александра II, на Царицыном лугу предстояло обычное народное гуляние. Г. Тер-Давыдов с надлежащего разрешения выставляет среди гуляющей публики несколько бочек кахетинских вин и, расставив около них дюжих русских парней, вино, вино, которое пили Св. Владимир, великий князь Владимир Мономах, царь Иван Грозный, император Петр Великий! Русское, русское, настоящее русское вино, не немецкий хмель, не французская бурда; кружка 10 коп., берите попробуйте, а то не достанете боле!» и т. д. Заинтригованная публика жадно бросилась на эти вина и опорожнила нес-заставляет выкрикивать: «Душеприятное русское колько бочек заран. Появились другие бочки, и те были скоро осушены. Веселая публика, смакуя, стала толковать о «чудесном вине», которое пил Св. Владимир, и пошла молва по всему городу. Но странное явление! Вместо того, чтобы понять и оценить остроумную выдумку г. Тер-Давыдова, некоторые органы тогдашней русской печати на следующий день подняли его на смех и поместили на своих столбцах стихи саркастического характера, осмеивая как употребленный им прием, так и кахетинское вино. Это послужило, однако, некоторой рекламой для осмеянного сбытчика, к которому повалило много народу, чтобы отведать ошельмо-

*) Откупная система отменена в 1863 году.

ванное вино и собственным опытом проверить его качество.

С тех пор много воды утекло и распито немало тысяч бочек кахетинского, шемахинского, кизлярского, эриванского, елисаветпольского и других южно-русских вин. Во всех частях столицы открылись кавказские погреба, и имена сбытчиков кахетинских вин, тифлисского жителя П. М. Макарова и сигнахского Л. З. Годзиева стали общеизвестными. Л. З. Годзиев обратил на себя особое внимание Департамента Торговли и Мануфактуры, как и Министерства Земледелия. Он первый ввел рациональное виноделие в своем имении в Кахетии. Этого деятельного и добросовестного виноторговца стали назначать экспертом на разных выставках; он удостоился Высочайшей благодарности на Всероссийской Промышленной выставке 1896 г., награжден медалями и пр. Вот каким образом отечественная производительность привилась внутри государства, вытесняя с рынка заграничные вина и оставляя потрачиваемые ежегодно миллионы русских рублей в карманах русско-подданных разных наций и вероисповеданий...

* * *

...Настоящее призвание армянина, повторяю, состоит в земледелии, ремеслах и искусстве. Русские армяне еще не успели развернуть своих способностей в разных отраслях искусства. Только в живописи Ив. Кон. Айвазовский остается пока их единственным выдающимся представителем.

Зато архитектурное искусство турецких армян приобрело известность в Европе. Почти всегда им достается премия на всех конкурсах по постройке какого-либо капитального здания в столице Турции. Так, напр., архитектор Овсеп Азнавурян еще не

*) Овсеп Азнавурян кончил академию художеств в Риме в 1878 г., 24 лет, получил почетную медаль по архитектурному отделу этой академии. «Café Splendide» в Пере, летний театр и другие известные здания в этой части Константинополя построены им же.

имеет соперников в Турции. Им же построен в греческой части Константинополя, Фанаре, величественный болгарский кафедральный собор, о торжественном освящении которого сообщило нам на днях «Российское Телеграфное Агентство»^{*)}. В скульптуре хорошо известен директор рисовальной школы в Константинополе Ерванд Оскан^{*)}.

*) Сын маститого педагога, Акопа Оскана, этот скульптор был товарищем Азнавуряна по академии.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОБ АРМЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ

I.

Если обратимся теперь к интеллигентному классу русских армян, то увидим, что между ним и самим народом лежит целая пропасть. В армянском народе есть религия, глубокая вера в Бога, а у интеллигенции их нет. В народе живет чувство чести, благодарности, справедливости, человеколюбия, приличия, уважения к женщине и старшим, чего трудно найти в интеллигенте. Простолюдин армянин скромн, стыдлив, отзывчив к горю ближнего, кто бы он ни был, свой ли брат, татарин, грузин или русский, между тем интеллигент нахален, дерзок, груб и бессердечен. Простой армянин так глубоко впитал в себя христианское чувство, что слово «кристонья» — христианин он всегда присоединяет к названию своей национальности, называя себя «гай-кристонья» (армянин-христианин). Поэтому нет чувствительнее обиды для такого армянина, как сказать ему, что он не «гай-кристонья». Интеллигентный армянин за такой упрек поднимет вас на смех. Лжеклятва, обман, подлог со стороны армянина-простолюдина почти небывалое явление в летописи уголовных преступлений, а интеллигентному армянину ничего не стоит сто раз поклясться всеу, обманывать и совершать разные подлости. Деревенский житель на крестинах, свадебном торжестве, богомольной трапезе и т. п. всегда благоговейно ждет, пока старец-батюшка поднимет первый бокал за русского Царя со словами: «Астуац руси тагаори турэ ктрुक анэ» (да сделает Господь острым меч русского царя); интеллигентный армянин, услыша

те же слова, лишь усмехнется и не прочь разнести как благочестивого сельского священника, так и простодушную паству. Верующий и неиспорченный армянин умиляется при упоминании кем-нибудь об Эчмиадзине, называя его непременно **сурб** — святым, а своего патриарха — **вехапар айрапет** — верховный владыка, интеллигент же называет католика просто по имени и зачастую незаслуженно поносит его даже в печати.

Чем объяснить такой разлад между чувствами и понятиями армянского народа и его образованных представителей?

Кончающая гимназию и университет армянская молодежь состоит преимущественно из купеческих детей, отчасти также детей чиновников. Купцы, выросшие в школе гешефтмахерства, имеют мало общего с простым народом. Этот последний молится Богу, прося Его избавить раба Своего от всякого зла и искушения, купцы же молят Бога о том, чтобы он дал им удачу в наживе. Простолюдин-армянин ставит свечку пред образом и смиренно станвится на колени, видя в изображенном на иконе посредника между собой и Богом, а купец стоит пред образом в самоуверенной позе, как бы находясь в своем магазине. Воспитание купца уже с малых лет начинается в лавке или магазине, где хозяин третирует его, как крепостного. Ругать всячески, поносить и бить мальчика в лавке считается в порядке вещей. Что же бедному делать, которого отдали родители купцу в ученье, не имея средств для его воспитания и нередко даже прокормления?

Из такого мальчика мало-помалу формируется приказчик, а со временем выходит хозяин собственного магазина. Какое воспитание может дать прошедший подобную школу купец своему сыну до 9—10 лет, т. е. до времени определения его в училище? Этот будущий интеллигент, пропитавшись духом тирании, жестокости и корыстолюбия, ходит в гимназию, переходит из класса в класс и, возвращаясь домой с уроков, продолжает развиваться в том же направлении. Мать в этих случаях имеет мало влияния на детей или совсем не имеет. Она в большинстве своем дочь бедных родителей, выдавших её замуж за более или менее состоятельного

человека, которому она должна «быть век признательна и покорна». Да и сама она обыкновенно из того же сословия городских жителей и тоже не вынесла из отцовского дома никаких нравственных начал, которые можно найти лишь в деревенском быту, при традиционных патриархальных нравах.

Кончает гимназию купеческий сын, которого отец держал в ежовых рукавицах, ругал и бил, как своего магазинного мальчика. Денег ему на руки, хотя бы для самых невинных развлечений, отец не давал; заниматься чтением книг, кроме учебников, не позволял; интересоваться чем-нибудь, что не вело прямо к практической цели получаемого им образования, ставилось ему в вину; читать по временам газеты и журналы и то ему нередко воспрещалось; бывать в приличных обществах, поддерживать знакомство с образованными людьми считалось дерзостью. Отметки и отметки — вот что от него требовалось; все остальное считалось «ерундой, отвлечением от дела и распущенностью»...

* * *

Занимаясь в продолжение 7—8 лет одной долбней уроков, без малейшего желанья знать из какого-либо предмета более, чем требовали от него учителя, не развив в себе ни пылливости, ни самостоятельного мышления и любви к наукам, армянский юноша отправляется в университетский город для «доворшения образования», разумеи: для получения диплома, а затем выгодной службы и мундира.

Освободившись из-под тяжелой опеки деспотического отца, он попадает, напр., в Петербург, сдает здесь конкурсный экзамен и охотнее всего поступает в такое учебное заведение, по окончании которого он может зарабатывать побольше денег. То же зубрение продолжается и здесь, но при гораздо большей свободе, чем в гимназии. Тут над его головой уже не стоит назойливый отец; он никому не должен давать отчета, куда идет и с кем ведаётся. Надевши студенческую форму, он находится в безопасности от привычных ему колотушек

и ругани. Поэтому на улице, в обществе и в кругу товарищей — русских, поляков, грузин и других, даже в университете, он ведет себя, как отпущенный на свободу невольник. Он дерзок, циничен, нагл, всегда готов на драку, не умеет поддерживать никакого приличного и дельного разговора, спорит без толку, не имея подчас ни малейшего понятия о предмете спора; проводит время больше за картами или с «этими дамами»; без всякого стеснения гуляет с ними под руку на улице и в публичных местах, водит их зимой на разные вечера, которые даются с благотворительной целью; ходит по воскресеньям в армянскую церковь, но не для того, чтобы молиться, — это он находит недостойным «интеллигентного человека», — а чтобы видаться со своими кавказскими товарищами и поделиться с ними впечатлениями по поводу своих недельных походов. Двор армянской церкви по воскресеньям буквально превращается в толкучий рынок, на котором толкается... аудитория храмов науки. Банальные разговоры, пошлые остроты, пускаемые по адресу идущих в церковь прихожан и их семейств, неприличные и оскорбительные выходки, подчас и демонстрации тому или другому из нелюбимых ими членов петербургской армянской общины, бесконечная болтовня в церкви, издавательство над старым священником, говорящим иной раз проповедь, — таково было и остается поведение армянских студентов в Петербурге, как и в других университетских городах России*).

В день похорон одного из героев последней войны в числе высокопоставленных лиц в армянскую церковь приехала также одна Августейшая Особа. Загородив путь по панели, от самых ворот до дверей церкви, студенты с папиросой в зубах, никому не давали дороги. Августейшая Особа вынуждена была попросить их об этом со словами: «Дети мои, не узнаете меня?!». Тогда только они чуть-чуть посторонились, громко задавая друг дру-

* Нет сомнения, что между ними немало отрядных исклччений, немало благонравных молодых людей, всецело отдавшихся науке. Да неужели, чтобы и этого не было!..

гу пренебрежительный вопрос: «То! са ов а?» (слышь! кто это такой?).

Удивительна беззастенчивость, с которой эти господа обращаются за помощью в виде единовременных пособий или стипендий к той именно церкви, над которой они постоянно кощунствуют. Нужно заметить, что петербургские армянские церкви: св. Екатерины (на Невском проспекте) и Воскресения (на Смоленском кладбище), построенные основателями Лазаревского института, владеют большой недвижимостью, завещанной Лазаревыми на содержание армянского духовенства и церковнослужителей, а также на разные благотворения. Для управления этим имуществом учрежден в Петербурге так называемый совет при армянской церкви. Совет состоит из шести членов и двух кандидатов, избираемых прихожанами на три года. В этот-то совет и поступают прошения студентов о пособиях и стипендиях. Отказа им почти никогда не бывает, в особенности тем, которые пользуются протекцией одного из членов совета*).

Вот и кончили курс высшего образования подобные нищие духом и убогие мыслями «интеллигентны». Куда же они деваются? Прежде всего они стремятся, конечно, на коронную службу. Постепенно двигаясь вперед, иные из них достигают даже поста вице-директора или директора департамента какого-либо министерства. Но и при таких высоких и ответственных должностях они легко сбиваются с пути и вследствие своей извращенности и духовной беспочвенности становятся ни Богу свечой, ни черту кочергой... Большая же часть их по окончании курса в высших учебных заведениях в Петербурге, Москве, Казани, Харькове и Одессе едет на Кавказ и, устроившись там, начинает по-своему служить обществу. С этой целью они пос-

*) О ежегодных отчетах совета, как и о поступках его членов, многое бы можно сказать, но не здесь для этого место.

тупают в ряды либо думских застрельщиков, либо солидарных с ними в основных вопросах quasi-либеральных «деятелей», программа которых давно уже начертана и проводится словом, пером и делом в духе «прогрессивно-радикально-гуманитарно-моралистической» газеты, имя которой, по ее разрушительному влиянию на общественную нравственность, наиболее подходит к слову *мышьяк*.

Посмотрим теперь, что это за газета, кто ее основал, как она велась и каких результатов достигла?

II.

Редактор-издатель этой газеты скончался в конце 1892 года. Он был сын отставного генерал-майора русской службы, дед его, некто Геворк, был простой турецко-подданный армянин, родом из города Вана, в Турецкой Армении, приехавший в Россию искать счастья. Начав торговлю азиатским товаром, Геворк мало-помалу разбогател, получил от русского правительства потомственное почетное гражданство и стал Геворк-агой. Отсюда и ведет свое начало «аристократическое происхождение» редактора, дед которого носил совершенно произвольно фамилию одного давно уже угасшего в Армении княжеского рода*). Родившись на севере России, покойный редактор в детстве сильно страдал английской болезнью. По невнимательности няни он упал однажды с довольно высокого балкона и, вместе с искалечением туловища, подвергся чувствительному сотрясению мозга, оставившему глубокий след на всю его жизнь. Вскоре после этого его свезли в Тифлис и в свое время отдали в местную классическую гимназию, где он учился очень плохо: далее четвертого класса никак не мог продвигаться. По словам бывшего его товарища по гимназии, известного юриста в Тифлисе, г. Сенекерима Арцруни, тогдашнее гимназическое начальство, не

*) В городах Турецкой Армении, как и в Константинополе, Смирне, Адрианополе, да и всюду за пределами России до сих пор еще можно носить любую из фамилий древних царских и княжеских родов своей нации, как то: Аршакуни, Аршаруни, Арцруни, Багратуни, Аматауни, Мамиконян, Рубинян, Лусинян и пр.

в пример другим, готово было и на третий год оставить «генеральского» сына в одном и том же классе, но отец предпочел взять его из гимназии и подготовить дома к выпускному экзамену. Связи отца помогли сыну получить, наконец, гимназический аттестат и поступить в московский университет. Но по поступлении туда он вскоре почувствовал себя подавленным университетскими предметами, и ему стало ясно, что он не может продолжать учебу в русском высшем учебном заведении. Отец был человек хотя строгий, но вместе с тем очень толковый, поэтому счел излишним насилловать сына, а послал его в Германию, где иностранцам — по крайней мере в те времена — за недорогую плату легко было приобрести диплом «доктора философии»...

Прибег ли к этому средству покойный армянский деятель или нет — Бог весть, но достоверно то, что у него был диплом доктора философии Гейдельбергского университета. По окончании курса в Гейдельберге он отправился в Венецию для... отдыха от усиленных занятий(!). Мимоходом он посетил мхитаристский монастырь св. Лазаря, где был радушно принят молодыми монахами, как соотечественник, «ученый» и сын известного «миллионера-магната», каким он выдал себя. Но монахи скоро раскусили германского «доктора» и, наигрывая на струнке его чрезмерного тщеславия, уговорили остаться у них и учиться армянскому языку, которого он почти не знал. Мало того, они уверяли его, что он со своей фамилией приобретет громкое имя среди армянского народа, если будет заниматься национальной литературой... Помешанный на честолюбии «мудрец» поддался соблазну и стал изучать армянский язык, но родной язык так трудно давался ему, что он бросил занятия и хотел уехать на Кавказ. Монахи, однако, несколько задержали «доктора» переговорами о том, что прославят его имя, выдавая его за автора известных сочинений, если только он издаст их на свой счет. Кроме того, чтобы несколько приохотить его к литературе, наскоро состряпали для него газетную статью, которую он поспешил послать за своей подписью в один армянский журнал, издававшийся тогда в Тифлисе. Гово-

рят, что статья, хотя была написана весьма изысканным языком, но по содержанию совсем не подходила к живой современности, как компиляция или скорее дословный перевод отрывка из какого-то философского сочинения. Вот начало «литературной деятельности» армянского публициста, отпразднованной в 1890 году в Тифлисе с большим торжеством. Странно, что высшая кавказская администрация сочла «неудобным» не принять участия в чествовании пресловутого «лидера армянских либералов», почему и тифлисский губернатор князь Шервашидзе присутствовал при этом в полной парадной форме.

* * *

Спустя некоторое время по возвращении «доктора философии» из Европы мы видим его редактором-издателем небольшой еженедельной армянской газеты в Тифлисе. Шаг, по-видимому, патристичный и даже самоотверженный, если посмотреть со стороны: отец его — генерал, имеет связи, да еще, говорят, очень богат как собственник одного каравансарая около Сионского собора в Тифлисе и строящейся рядом с дворцом кавказского наместника огромной галереи. Чего же искал сын такого человека в армянской печати? — спросит всякий.

Галерея, которую взялся построить генерал в центре города с тем, чтобы переманить туда купцов из каравансарая Тамамшева, стоила ему таких денег, что еще до окончания постройки он должен был заложить ее в государственном банке, где уже был заложен его каравансарай около Сионского собора. Неоткуда было взять денег на достройку здания, и он, благодаря своим связям, оттягивал продажу имущества с аукционного торга.

Когда «доктор» вернулся из Германии, сейчас же отец определил его в канцелярию главного управления наместника кавказского сверхштатным чиновником. Но, спустя некоторое время сын отказался ходить на службу на том простом основании, что был совершенно непригоден для письменных работ. Списывать бумаги он не мог, не имея хоро-

шего почерка и спокойного настроения, составлять их — тем более, потому что не обладал нужными для этого, хотя бы посредственными, способностями. Что же оставалось делать отцу? Куда его определить? Отдать его в военную службу было невозможно, вследствие физических изъянов сына, как-то: горбатости, слишком маленького роста и легкого веса... Волей-неволей пришлось понукать «доктора», чтобы он продолжал канцелярскую службу, «доктор» же наотрез отказался от этого. Итак, начались сцены между отцом и сыном, кончившиеся тем, что генерал выгнал из дома никому не годного, да притом заносчивого сына, определив ему на содержание небольшую ежемесячную сумму, которую к тому же отпускал весьма неаккуратно. Но фортуна улыбнулась горемычному «философу». У группы людей с известным положением в Тифлисе возникла мысль основать на армянском языке скромный еженедельный орган, для противодействия ультра-реформационным тенденциям молодого деятеля. Степана Степане (ныне Хорен, епископ Степане), издававшего ежемесячный журнал «Армянский мир». А так как каждый из членов этой группы был сильно занят своими собственными делами, то некому было взять на себя обязанности ответственного редактора-издателя. Хотя редактору, в особенности у армян, писать или редактировать статьи не приходится, так как таковые пишутся у них безвозмездно любителями литературы, но ведь все же кто-нибудь должен был вести текущие дела редакции. Вот при таких обстоятельствах подходящим подставным лицом оказался гонимый «доктор», обратившийся уже к этим господам за приисканием ему каких-либо занятий. Само собой разумеется, что при безвыходном положении «доктора» предложение ему редакторской должности, с правом быть собственником газеты, было упавшею с неба манной, которую он и подобрал с поспешностью. Было составлено прошение, импровизированный редактор его написал и передал надлежащему ведомству. Тут произошел, говорят, интересный пассаж, вполне характеризующий «философа»: кто-то ему шепнул, что название газеты, обозначающее у армян носильщика тяжестей, «оскорбительно для достоинства гене-

ральского сына», притом оно как по смыслу, так и по созвучию подходило к русскому слову **мужик**, о котором и слышать не хотел внук **шиледжи** (продавец ситца), армянского мужика из Вана, по милости судеб ставшего уже русским дворянином. Но на этот счет кое-как успокоили его, истолковав злополучное слово в смысле **труженика**.

Так в 1872 году появилась в свет газета «Мшак». Основатели листка, благодаря своему широкому знакомству в Тифлисе и в провинциальных городах, заручились заранее достаточным количеством подписчиков, вполне обеспечивающих существование газеты. Кроме того, они постарались доставить редактору уроки немецкого языка в армянских школах, выхлопотав ему за преподавание этого необязательного языка такой гонорар, которого не получали преподаватели главных предметов.

Таким образом «доктор» стал вполне на ноги и начал вести административные дела редакции. Статьи для газеты писались вначале самими её учредителями, или же давались темы редактору для составления маленьких передовиц, и это лишь *rouge sauver les apparences*. Но как уверяли люди, стоявшие близко к делу, редактор, при своей тугой восприимчивости, так трудно усваивал развиваемые ими мысли, что с большими усилиями кропал коротенькие и бессвязные статейки, разделенные римскими цифрами на отдельные частички, ничего общего между собой не имевшие. Тем не менее, добродушные читатели относились весьма снисходительно к публицистическим натугам редактора и вследствие своего незнакомства с действительным положением вещей, ставили ему в большую заслугу, что он занимается армянским «газетным делом», когда, по их мнению, он легко мог бы быть, при своей якобы родовитости и учености, «важным чиновником» и, со временем, почему бы даже не «министром» в России?...

Мало-помалу освоившись со своим положением и видя со стороны публики неизменно доброе внимание, редактор сразу же обнаружил характерные

черты своей натуры — крайнюю неблагодарность и непомерный эгоизм. Так, напр., он вздумал отстранить от редакции всех своих благодетелей, чтобы вести дело при помощи других, малоизвестных сотрудников и тем не оставить никакого следа в общественном мнении, что он кому-нибудь был обязан основанием газеты. Ввиду этого он заручился близкой дружбой одного из устроителей армянской театральной сцены в Тифлисе, ванского уроженца Митридата Америкяна, едкого сатирика и остроумного памфлетиста, которому, как говорится, не давай хлеба, а давай только писать. Нисколько не церемонясь с учредителями газеты, редактор ни с того ни с сего печатно назвал одного обскурантом, другого идиотом, третьего пономарем и т. д. Пораженные наглыми выходками благодетельствованного ими питомца, оскорбленные пришли к нему за объяснением, но начинающий «моралист» и «признанный воспитатель армянской молодежи» не захотел вступить с ними ни в какие объяснения и запер пред ними дверь. Одураченные мечтатели остались в трагикомическом положении, тем более, что связываться с бессовестным выскочкой им было совершенно неудобно: всякий посмеялся бы над ними, что тягаются с тем, которого сами же создали, да и некоторые из них имели уже установившуюся литературную репутацию, другие же — известное положение в обществе, в глазах которого рисковали скомпрометировать себя, вступив в препирательство с человеком, которому, очевидно, было чуждо всякое понятие о порядочности и литературном приличии. Им оставалось только молчать и порвать всякие отношения со своей кратурой, чего и добивался будущий «вождь армянского народа».

Вслед за Америкяном появились и другие любители дарового писания, большею частью молодые люди с пылким темпераментом, не мирившиеся с прочими изданиями за их бесцветность и дряблость. По своему замечательному чутью ловкого вымогателя «моралист» очень хорошо понимал чистую натуру пламенных энтузиастов, носивших в душе Божью искру и неспособных сойти с высоты Парнаса на практическую почву газетной

конкуренции с ним. Такими он дорожил и охотно давал им ход, но лишь до тех пор, пока не выискивались другие; тогда он снова затирал первых, только что почувствовавших свои силы для плодотворного служения общественным интересам. Писатели, отвергнутые одним редактором, у армян очень трудно принимаются в другие редакции, да и сами не обращаются к ним из чувства гордости. Поэтому, выступив на сцену с бурным порывом и со всей энергией ума, но нарвавшись вдруг на малодушную измену, иные из них падают духом и из жизнерадостных идеалистов становятся озлобленными мизантропами. При отсутствии же среди русских армян какой-либо оценки литературных дарований и при нелюбви их к личностям с независимым характером и сознанием своего достоинства, способные люди бездействуют и влачат жалкое существование, а разные бездарности и газетные попрошайки с гибкой спиной и льстивым языком отлично обделывают свои дела и слынут «носителями идей» и «поборниками высоких интересов».

Митридат Америкян, который нес на своих крыльях первые успехи газеты «Мшак», первый же пал жертвой бездушия её редактора, который в один прекрасный день ему объявил, что более не может принимать его статей, за неимением-де места в газете и за поступившие будто бы на него в редакцию жалобы. Выброшенный за борт Америкян, лишившись пера, лишился также и сцены. Перо оказывало ему нравственную поддержку в устрействе любительских представлений, которыми он добывал себе и своей семье пропитание. Под влиянием нападков на него со стороны враждебных «Мшаку» газет общество отвернулось от даровитого актера и писателя. Впав в крайнее уныние, Америкян застрелился, оставив записку с трагическими словами: «Чем жить в презренном обществе малодушных людей, лучше умереть достойным артистом!».

В качестве сотрудников, писали в газете многие из дальних мест, ничего не зная, что происходит в редакции и вокруг нее. Писали они о том, о чем редактор не имел никакого понятия, однако же это нисколько ему не мешало подчеркивать всегда в

своей газете, что все его «сотрудники» пишут «по строго выработанной им программе и в его определенном направлении...» Между тем о какой-либо программе или направлении он имел такое же представление, какое может иметь полунагой занзибарец о музыке Бетховена...

При возрастающем успехе еженедельной газеты, на второй же год своего издания она стала выходить два раза в неделю. Число подписчиков быстро увеличилось, а наш «философ» стал слыть в общественном мнении за человека с «публицистическим дарованием и глубоко обдуманной программой».

В 1877 году умирает его отец. Симпатичный брат его, отдавшись науке в Германии*), не вмешивается в семейные дела и доверяет все старшему брату. Но «доверенный», кроме долгов, ничего не показывает брату, а тот машет на все рукой. У редактора является желание оставить газету или продать ее, чтобы заняться приведением в порядок расстроенного хозяйства. Перед друзьями он мотивирует свое намерение тем, что будто бы в армянской жизни нет достаточного материала для издания хорошего печатного органа.

Но вновь нашедшиеся друзья-приятели обещали ему оживить газету своим сотрудничеством, значительно увеличив число подписчиков и дать ему вполне обеспеченное положение, особенно ввиду того, что заложенное имение отца не сулило ему никаких надежд на такое положение. Эти господа, действительно, сдержали свое слово: газета становится более интересной, и число подписчиков возрастает до небывалой в летописи армянской журналистики цифры. Она начинает выходить еже-

*) По сообщению Рос. Телегр. Агентства от 12 (24) сентября с. г. «Преподаватель минералогии при Ахенском высшем техническом училище профессор Арцуни, уроженец Тифлиса, скороспостижно скончался. Он приобрел известность своими исследованиями в области географии и этнографии, в особенности России».

дневно и делается известным в армянском мире органом. Газета двигается, главным образом, благодаря практическому нюху ее редактора, который обращает ее в порто-франко для приема и сбыта на её страницах всякого рода газетных фабрикатов, не разбирая, кто о чем пишет, кто какую цель преследует и кто кого за что ругает. Вся его работа состояла лишь в том, чтобы производить сенсацию и тем заставить публику читать газету и приобрести новых подписчиков. «Подписчики, подписчики и подписчики!» был его лозунг, и для привлечения их он шел на всевозможные унижения. В виде «передовой статьи» он обращался с жалостной мольбой к отзывчивости сельских учителей, приказчиков, женщин, священников и пр., прося их пропагандировать среди народа о его газете и доставить ему подписчиков*); печатал имена «благодетелей», которые посылали ему два-три десятка рублей, предназначенных в дар газеты тем или другим сельским школам. Для приманки подписчиков он назначал денежную премию в несколько сот рублей, которая будто впоследствии должна была разыгрываться между ними в лотерею, но воображаемая лотерея, конечно, не осуществлялась. Он всегда ставил им на вид, что будто бы пренебрег делом управления родовым «миллионным именем», а теперь только и заботится о «нравственном и умственном преуспевании» армянского народа, который за это должен-де всячески поддерживать его и т. д. и т. д. С другой стороны, этот же самый беззащитный попрошайка принимал подчас тон Катона и бичевал, сиречь ругал самыми отборными словами, армянский народ за его «нечестность и безнравственность», а побуждением к такому ультра-патриотическому «вдохновению» служило, напр., то, что некий миллионер, с которым он находился в дальнем родстве, умирая, не оставил ему наследства, между тем чествовался армянами за свои добрые дела. Вдруг он являлся рыльным защитником «угнетаемых жестокой Европой евреев», но оказывалось, что громы и молнии сыпались с высоты третьего этажа редакции в Тифлисе на голову как бы ле-

*) См. эту газету № 5, 1880 год, 19 января.

жавшей у ее ног Европы, чтобы угодить известному местному ювелиру, еврею-Лаксину, часовщику Цейтлину и еще какой-то модистке Матильде, тоже еврейского происхождения, которые обещали нанять магазины в его заложной галерее. С Европы автор переходил к армяно-григорианской церкви и провозглашал ее «сектой» за то именно, что, вступив в связь с женой доктора К., он требовал от эчмиадзинского католика разрешения обвенчаться с ней, но получил отказ. А чтобы отуманить глаза смущенного народа, польстить его национальному самолюбию, он развивал какую-то вздорную теорию, что будто бы те армяне, которые в разных мусульманских государствах в течение веков были обращены в ислам, должны быть признаваемы все-таки «нераздельными членами армянского народа», потому что в их жилах течет-де армянская кровь. Ввиду этого, по его непреложному мнению, следовало считать число всех армян не 5 миллионов, а целых 50!

Писал он «передовые статьи» и о необходимости исключить из церковной службы «дурацкие шараканы», написанные-де какими-то «психопатами» V века. Как бы радея о развитии религиозного чувства у армян, он требовал от эчмиадзинского патриарха реформ для церкви в протестантском духе, настоящим же мотивом нашедшей на него реформаторской прыти оказывалось обещание пастора армяно-протестантов на Кавказе, г. Абраама Амирханянца, доставить ему подписчиков среди своей паствы, если он будет служить его совращающим целям.

От армян-протестантов он перескакивал к армяно-католикам и опять нападал на «фанатизм» эчмиадзинского католикосата, старательно подчеркивая «сектанство» армяно-григорианской православной церкви и превознося армяно-католиков и католицизм: все это во имя «высоколиберальной идеи» привлечения подписчиков из армян-католиков, что не мешало ему, однако, назвать вскоре после того римского папу «идиотом», вследствие несбывшихся надежд.

А что стало с его именем, которое подлежало продаже с аукциона еще при жизни отца?

Если, порожденный последней турецко-русской войной, армянский вопрос в Турции покамест повел только к избиениям турецких армян, зато он пришел на руку многим из армянских интеллигентов на Кавказе, доставив им возможность оборудовать свои личные дела. Об этом поговорю в своем месте, а пока скажу, какую существенную поддержку он оказал редактору, о котором идет речь.

После появления армянского вопроса молодые люди в Турции и России почувствовали потребность открыть душу в печати, критикуя порядки Оттоманской империи и описывая положение тамошних армян: кто стал высказываться в романах, кто в корреспонденциях, а кто в публицистических статьях. Взоры всех в это время обратились на «Мшак», ставший уже наиболее популярной газетой. Дельные корреспонденции из Константинополя, Эрзерума, Вана и других городов Турции, романы Раффи, Лео и прочих, вдохновенные статьи другого начинающего публициста наполняли страницы этой газеты, овладевали чувствами и мыслями русских армян. Само собой разумеется, редакция никому ни копейки не платила, кроме Раффи, который, как человек семейный, настаивал на гонораре и получал 1½ или 2 копейки за строку. Хотя престиж газеты сильно поднимался и талантливые статьи сотрудников давали ее редактору большие выгоды, но он, воплощенная зависть и честолюбие, чувствовал какую-то тяготу от того, что среди людей с блестящим пером его несостоятельность слишком ярко бросалась в глаза. Детский лепет редактора, аляповатость и бестолковость его писаний представляли такую же дисгармонию со статьями сотрудников, как звук сломанной свистульки в стройном оркестре. Ему нужно было изгладить это впечатление и притом лучше эксплуатировать публику. С этой целью он старался обставить дело так, чтобы публика думала, что все пишущие в его газете получают от него крупный гонорар и что эти люди не сами выискались, а он, «даровитый» редактор, их нашел, «строго соразмеряя их способности и тенденции с предначертанными им программой и

направлением»... А потому он постоянно напоминал читателям, что такая-то статья принадлежит перу его «постоянного сотрудника». В каждом номере два-три раза повторялось слово «сотрудник», кроме неоднократного повторения его еще в так называемой передовой статье, которая состояла, большей частью, из дословной передачи чужих фраз, а редактор, со своей стороны, заявлял о своей «полной солидарности» с мыслями сотрудника, как якобы «основными идеями его самого»...

В 1878—1880 годах газета «Мшак» достигла наибольшей распространенности и славы. Этому способствовало, главным образом, принятое редактором на себя соби́рание денежных пожертвований русских армян, как в пользу учрежденного в Константинополе «Арагатского общества», имевшего целью распространение образования в Армении, так и на помощь голодавшим армянам Ванского вилайета. Но чтобы удалось расшевелить в разбросанных и инертных массах народа благородное чувство братской помощи, заглушить в них, хотя бы на время, мелкие страсти и будничные заботы, привлечь внимание всех к одной общей цели, требовалось, по меньшей мере, чуткое и отзывчивое сердце и известная способность излагать свои мысли в ясной, решительной и властной форме. У самого редактора не было ни сердца, ни умения развивать какие-нибудь самостоятельные мысли. Поэтому во главе дела вспомоществования турецким армянам мы видим — как то свидетельствуют страницы газеты за те года — одного из сотрудников, горячие статьи которого сильным электрическим током проникают в души читателей и настраивают их к щедрым пожертвованиям. Города и деревни сразу всплашиваются, и деньги валом валются в редакцию газеты. Ничего подобного не чаявший редактор совершенно теряет голову от такого успеха. Он еле успевал сводить счета тысячам, чтобы пересылать их по назначению. Однако, по миновании кризиса, совершенно основательно возник в обществе и в печати вопрос относительно безукоризненного обхождения с этими деньгами*).

*) К возникновению сомнения в его безусловной чест-

Действительно, он публиковал всегда имена жертвователей, равно как и пожертвования каждого; объявлял также периодически, сколько тысяч отсылал и сколько оставалось в редакции: но в то время всеобщего возбуждения кому было до проверки показываемых им отчетов, хотя бы по газетной огласке. Пожалуй, можно вполне допустить, что редактор в данном случае мог явиться идеальным честным человеком, но факт тот, что поступавшие к нему десятки тысяч не препровождались непосредственно из редакции в Константинополь, а отдавались на временное хранение в кредитное учреждение, откуда брались только по частям для перевода в Константинополь. Предположим, что ни копейки не пропало, но спрашивается: такое внезапное доверие со стороны целого народа к редактору, находившемуся по шею в долгу и вместе с тем имевшему в своем распоряжении десятки тысяч, не должно ли было поднять его кредит и тем самым отсрочить ликвидацию его имени? Деньги, лежавшие в банке, приносили же свои проценты, но о них никогда никакой речи не было в газетах. Как бы то ни было, но верно, что судьба галереи и каравансарая редактора еще при жизни его отца висела на волоске, а затем не стало речи о кризисе. Имел ли внезапный оборот дела связь с вышеизложенными обстоятельствами, решить трудно. Я заявляю только о факте.

Но оставим в стороне вопрос о деньгах, собранных для «Арагатского общества» и для голодавших в Ване. Что же сказать о тех тысячах, которые поступали после этого в полное и бесконтрольное

ности подан был повод им самим, старавшимся всегда обвинять других редакторов в разных злоупотреблениях. За ложное обвинение одного из них ближайший сотрудник «Мшака» был даже осужден судом за клевету. Затем, во время сбора денег в пользу голодавших, редактор «Мшака» обнаружил непонятную злбу к тем жертвователям, которые посылали деньги помимо передачи их в его руки (см. газету «Мшак» 1880 г. № 27). «Если он не имеет каких-либо личных интересов для сосредоточения всех денежных сборов в своих руках, не все ли равно ему, каким путем вспомоществования будут доставлены голодающим?» — замечали многие с полным основанием. Конечно, его стремление могло быть объяснено и неуместным честолюбием.

ведение редактора, при возникновении других нужд турецких армян? В употреблении этих денег не требовалось от него никакого отчета. Куда они делись, осталось неразгаданной тайной. А другие тысячи, которые он собирал якобы для поддержки полезных деятелей в дальних городах? Как многим достоверно известно, деятели эти никогда ни одной копейки от него не получали.

* * *

В декабре месяце 1882 года скончался верховный католикос всех армян Геворг IV. Константинопольский армянский патриарх Нерсес, как общий любимец армян, имел все шансы быть избранным единогласно на эчмиадзинский престол. Незадолго перед тем наш редактор, без всякого основания, обозвал его в своей газете «изменником нации» ради того только, что Нерсес оставил без последствий его просьбу об исходатайствовании перед эчмиадзинским католикосом разрешения «моралисту» обвенчаться с чужой женой. Но теперь обстоятельства изменились: Нерсес может быть избран католикосом. Ввиду этого в голове редактора живо был сконструирован следующий ловкий план. Он распустил слух о будто бы возникшем в обществе предположении преподнести Нерсесу его галерею; это было сделано в расчете заинтересовать богатых людей из армян в покупке у него этой галереи. А когда деньги по его комбинациям будут уже уплачены банку и он освободится от долгов, ему легко будет уговорить Нерсеса отказаться от этого подношения в пользу его самого, как «великого народного деятеля». Для осуществления этого плана он, не долго думая, возводит Нерсеса в своей газете из «изменника» в «достоинейшего преемника св. Григория Просветителя», с другой же стороны, подсылает людей к тем и другим миллионерам, чтобы зондировать их насчет коллективного участия в «национальном даре».

В это время из Константинополя приехал в Тифлис многолетний корреспондент газеты «Мшак», г. Арпиар. Никого не зная в Тифлисе, он отправил-

ся прямо к редактору «Мшака», который поспешил сообщить ему, как о «близком к осуществлению факте», что группа армянских капиталистов «уже решила» купить за 600 тысяч рублей его имение, чтобы преподнести патриарху Нерсесу. Поверив этим словам, Арпиар немедленно телеграфирует важное известие в константинопольскую газету «Аревельк». Вслед за этим редактор отправляет от себя письмо Нерсесу, представляя ему дело в том же «решенном виде», и убедительно просит поторопиться послать свое благословение тем лицам, которые хотят(!) его почитать таким высоким актом патриотизма. При этом были названы лица, которых Нерсес должен был благословить.

Нерсес, уже больной, видя бесплодность своих хлопот перед европейскими посланцами для улаживания армянского вопроса, решил смириться и принять дар политичного султана — роскошно обставленный дом в Ортакиое. По желанию Абдул-Гамида он должен был поселиться по соседству с падишахом, иначе говоря, поступить под ближайший контроль министра полиции в Бешик-Таше.

Но вдруг подоспела телеграмма г. Арпиара в газету «Аревельк»: она немедленно подхватывается турецкими газетами, которые начинают с яростью нападать на Нерсеса как на «неблагодарного султану крамольника», старающегося, будто бы, заручиться, через русских армян крупными материальными средствами, чтобы снова агитировать в Европе в пользу армянского вопроса. Султан, конечно, читает все это и в сильном гневе требует немедленно Нерсеса, но увя! вместо обычного приема у себя в кабинете заставляет его целых два часа ждать в мабеин-одаси, т. е. дворцовой людской, и затем посылает какого-то из второстепенных секретарей сказать ему, что, если он, султан, соизволил «хынзира» (т. е. свинью) выпастить из грязи и поставить в ряд людей, то он же может затоптать его, Нерсеса, опять в ту же грязь. Категорически и пренебрежительно передав патриарху грозные слова властелина, секретарь удаляется. Нерсес падает в обморок; его, в бесчувственном состоянии, сажают в фиакр и отправляют домой. Этот страшный удар произвел свое губительное

действие на больного прелата, и недолго спустя он сошел в могилу, к великому горю своего армянского народа.

После этого участь двух каравансараев решилась так, как и должна была решиться: они были проданы за долги, и галерея перешла во владение грузинского дворянства.

* * *

Неудавшаяся афера с армянскими капиталистами и потеря каравансараев вызвали в редакторе неистовую злобу против армян, которых он уже ненавидел по заветам отца. Прикрываясь маской патриотизма, он начал бешено нападать на армян за их «бессердечие, безнравственность и равнодушные к общечеловеческим идеалам». Поняв, наконец, что такой маневр не приносит ему практической пользы, он в своей газете стал прикидываться нищим (несмотря на то, что газета давала ему ежегодного дохода не меньше 10 тысяч руб.), не имеющим возможности жить, жаловался на скудость подписки, и т. п. Помогли ему армяне или нет — неизвестно, но он прекратил на время издание газеты, объявив, что не имеет средств продолжать его. Этим он хотел, во-первых, наказать армян, лишив их удовольствия читать привычную им газету, затем в решительной форме поставить им вопрос о выдаче ему субсидии. Не знаю, была ли ему выдана субсидия, только через некоторое время редактор уехал со своей дамой в Швейцарию, где жил с большим комфортом. Усердно переписываясь со своими единомышленниками в Тифлисе, «обиженный деятель», как говорят, просил их доставить ему денежную помощь от народа: ввиду его «безвыходного положения». Иные, поверив его фокусам, заявили в печати желание купить «Мшак» и, вместе с тем, обеспечить редактора на всю жизнь. На такие предложения он не откликнулся, а внимательно следил за общественным настроением. Когда стали раздаваться голоса, осуждавшие его неуместное молчание, он снова показался на сцене и

начал продолжать заведомо выгодное издание газеты, с прежней подписной платой, но выпуская ее три раза в неделю.

* * *

Возмутительные деяния редактора истощили, наконец, терпение его сотрудников: один за другим они стали покидать его; только романист Раффи оставался ему верен, и то лишь потому, что его не хотели принять ни в какую редакцию за долготное сотрудничество в «Мшаке». С возобновлением издания газеты Раффи обратился к редактору с предложением своих услуг, но ему было объявлено, что, за неимением средств его произведения будут печататься без всякого гонорара. Бедный писатель, содержащий свое семейство скудным литературным заработком, был как громом поражен. Ему было хорошо известно, что у редактора имелась в запасе довольно значительная сумма, и газета, выходя реже, требовала меньше затрат, следовательно приносила больше дохода. Раффи поставил ему все это на вид и вдобавок указал на то обстоятельство, что враждебные ему газеты будут нападать на него, Раффи, и дискредитировать в глазах публики, если он будет покинут редактором. Убедительные доводы и настоятельные просьбы романиста, однако, не подействовали на «бесподобного идеалиста», и он был вынужден пойти на поклон к нелюбимому им редактору другой газеты. Этот последний охотно принял его сотрудничество и выдал ему известную часть гонорара вперед. Тут-то и началась травля несчастного писателя со стороны мшакистов. Они всячески преследовали Раффи, возводили на него в газете всевозможные клеветы, рылись в его частной жизни, забрасывали его грязью, называли ренегатом, беспринципным и безнравственным человеком и пр. и пр. Таким гонением прислужники «деятеля» довели несчастного писателя до сильного нервного расстройства. Он буквально потерял способность работать: впадал в какое-то ненормальное состояние, рвался из дома и все время проводил на воздухе и вне города;

стал настолько рассеянным, что, выходя на улицу, иногда забывал надеть шляпу. Последствием такого болезненного возбуждения было то, что раз в ненастную погоду, долго пробыв под открытым небом, он сильно простудился и, получив плеврит, через несколько дней умер. Смерть известного романиста глубоко огорчила армян, и тифлисское общество собралось почтить его торжественными похоронами. Как же было, однако, не поэксплуатировать редактору «Мшака» такое настроение общества? И вот он в глубоком трауре, стоит у гроба и, точно Яго пред трупом Дездемоны, проливает крокодильевы слезы, громко произнося: «О, мой дорогой Раффи! Тебя ли я вижу в гробу, так безременно угасшим! Как высоко я ценил твой талант!..» и пр. Вдове Раффи, разумеется, хорошо была известна причина смерти мужа, и она вдвойне терзалась, видя в лживом огорчении редактора циничное издевательство над усопшим^{*)}. Публика же была глубоко тронута «скорбью» редактора и верила, что он больше всех страдал от понесенной утраты...

Не довольствуясь тем, что ему удалось, разными уловками, выгадать у народа, редактор обдумывал план дальнейшей эксплуатации. В Париже должен был состояться международный конгресс печати. Представителем распорядительного комитета был Жюль Симон. Хотя о существовании каких-то тифлисских листков в Париже никто не знал, но, прочитав в газетах о конгрессе, редактор «Мшака» пустил в ход патриотическую мысль, а именно, что армянам также следует подумать о представительстве на съезде. Мысль, конечно, была, очень приятна, осуществление же ее нетрудно: стоило только заявить о своем желании парижскому ко-

^{*)} Кстати сказать, у г-жи Раффи сохранились копии с писем ее мужа к редактору «Мшака», в которых он жестоко бичует редактора за его гнусные поступки и не раз его проклинает.

митету, чтобы получить самое вежливое приглашение. Сказано—сделано. Было составлено небольшое письмо к Жюлю Симону, и в ответ, за его подписью, получено приглашение. Этого достаточно было для открытия обильного источника на путевые издержки. Один богач уделил самозванному посланцу столько, что свободно хватило бы на проезд пятерым. Так-то наш редактор очутился в Париже. О чем он мог говорить там, не имея никаких идей, ни дара слова, не зная абсолютно армянской литературы, равно как и разных запросов армянской жизни, да притом владея французским языком лишь для легкого разговора, — трудно себе представить, но, судя по сообщениям самого «Мшака», между всеми журналистами света один редактор армянского листка оказался на высоте положения... Такими речами он разразился там, что сам-де Жюль Симон разинул рот! И вот он, торжествуя, вернулся в Тифлис, прославив в Париже имя «дотоле никому еще не известного армянского народа...».

А чтобы приятному впечатлению не дать изгладиться в народе, наш артист пустился, на этот раз, на другую затею. Он вздумал отпраздновать юбилей, который не имел собственно никакого d'êtge'a, так как газета «Мшак» существовала около 18 лет, которые он обратил в «двадцатипятилетие». Для полного успеха он приплел к делу имена всех известных деятелей, которые когда-нибудь писали или даже вовсе не писали в его газете, а были с ним только знакомы. Немедленно был составлен распорядительный комитет из людей, причастных к его личным интересам и, отчасти, живших на его счет. Началась деятельная пропаганда по всему армянскому миру в России, Турции, Персии и Европе. Были собраны фотографии живых и умерших деятелей (в том числе, конечно, и Митридата Америкяна), составлена большая группа, в центре которой, в позе Гамбеты, восседал «великий армянский деятель», редактор «Мшака». Иные горячо восстали против включения их фотографий в группу, но им ответили: «Молчать! вас никто не спрашивает!». Другие же справедливо возмущались двадцатипятилетним юбилеем, когда общественная деятельность редактора началась 18 лет тому на-

зад, т. е. с издания «Мшака». Но на это возражали, что его литературная деятельность начинается с той переводной статьи, которую он, 25 лет тому назад, послал из Венеции в тифлисский журнал «Армянский мир». Да позвольте, — замечали на это, — тогда нужно отпраздновать прежде юбилей бывшего заслуженного редактора этого журнала^{*)}, а не автора какой-нибудь случайной статьи. Наконец, что же вы празднуете? Юбилей деятельности редактора «Мшака» или лиц, ничего общего с ним не имеющих? — «Молчите, болваны, — отвечали им, — не все ли равно? Не все ли армяне?»

Итак, состоялся фальсифицированный юбилей и был отпразднован с таким торжеством, какого вряд ли удостоился кто-либо в России. Общий энтузиазм был вызван тем, что по хитрому умыслу в группе фигурировали фотографии всех известных армянских писателей, прославившихся в последние 25 лет. И вот в Александровском саду, в Тифлисе, был накрыт стол на несколько сот персон, набравшихся из разных крикунов и корыстно заинтересованных в торжестве лиц. Юбиляру была преподнесена собранная заранее крупная сумма, масса золотых вещей с разными эмблематическими изображениями^{**)}, ценностью значительно превышавших денежное подношение. В речах журнальных клакеров юбиляр превозносился до небес, шампанское лилось рекой, и, в довершение всего, сам тифлисский губернатор, камергер князь Шервашидзе, явился на празднество от лица главноначальствующего, чтобы воздать должное «великому представителю маленького народа». Из всех стран света посыпа-

*) Редактором «Армянского мира» был Хорен Степане. Преосвящ. Степане до сих пор еще с успехом занимается армянской литературой, и никто не думал отпраздновать его юбилей.

***) Так, напр., армяне из гор. Ван в Турции прислали ему золотой щит со скрещенными на нем мечами, признавая редактора «вождем освобождения Турецкой Армении».

В роли застольного старшины, называемого на Кавказе тулумбашем, состоял эриванский адвокат Василий Егиазаров, высланный, спустя некоторое время кавказской администрацией из края за какое-то уголовное дело.

лись телеграммы и письма, заранее к сроку заказанные.

В разгар пиршества к столу подходит одетая в лохмотья пожилая женщина, с изможденными чертами лица, и, нервно дрожа, протягивает руку к ликующей публике со словами: «Братья христиане! Я покинутая сестра Митридата Америкяна. Мой возлюбленный брат был одним из основателей этой газеты, и он первый поднял её. Целые годы я изнываю в ужасной нищете; со мной престарелая мать. Живем подаянием — сжальтесь над нами, помогите!..». В ответ на ее мольбу был дан приказ полицейскому убрать помешанную. С душу раздирающим воплем и завыванием: «Митридат, Митридат, где ты!», она исчезает.

Так торжествовал на страданиях, создавших славу газеты «Мшак», «знаменитый моралист русских армян», в то время, когда сестры и жены этих страдальцев томились в нужде, а иные из них, переносив все невзгоды, продолжали работать на благо своего народа.

* * *

При моих рассказах об армянском Рокамболе, заметил г. Никогосов, у вас, наверное, явится вопрос: «Неужели армянская читающая публика была настолько лишена нравственного чутья и здравого смысла, чтобы не отличить ловкого афериста от человека пера и идеи? Если он был так бездарен и безнравственен как публицист, если он не знал сколько-нибудь сносно даже своего родного языка, не знал ни жизни, ни литературы, ни истории своего народа, то чем же все-таки он брал и чем приобрел такой авторитет? Армяне ведь по праву слышат за рассудительных и пронизательных людей; как же они не могли распознать, что это за личность? Были же, наконец, у армян и другие органы печати, в которых, надо полагать, работали более достойные люди? Разве они не обнаруживали его проделок? Разве они не старались выводить все на чистую и положить конец его безобразиям?».

На эти вопросы г. Никогосов ответил следующее. Толпа у всякого народа остается толпой. Она легко поддается гипнозу со стороны отдельных лиц, действующих интенсивно на ее впечатлительность. Каким бы ни был разумным существом человек, но он, в большинстве случаев, раб впечатлений. А чем больше наслаивается сильных впечатлений, произведенных на него одним и тем же лицом, тем он больше поддается его влиянию и, в конце концов, становится его бессознательным адептом. Этой слабостью человеческой природы одинаково пользовались и известные общественные деятели, и ловкие проходимцы, подавляя умы эффектами и обращающая толпу в слепое орудие своих целей. Состояние мозга редактора само по себе уже было таково, что всякая мысль и впечатление отдавались в его голове с треском хлопущки. В тресках он почувствовал ненасытную потребность и, отражая их в своих строках, производил на читателей известное впечатление. Трезвые суждения и разумные доводы попадались в его статьях лишь крупинками. Да они и не представляли особенной надобности, так как практическое чутье редактора подсказывало ему, что тресками и эффектами, т. е. воздействием на впечатлительность и воображение, заигрыванием с чувствами массы гораздо легче достигается всякая цель, чем говоря с нею языком рассудка и здравого смысла.

А, ведь, рассудок станет на дыбы и приговорит человека к желтому дому за провозглашение доброй половины персов, турок, среднеазиатских татар «нераздельными членами» гайканского народа на основании фантастического предположения, что они когда-то были армянами?.. Помилуйте, говорящие по-английски американцы, при религиозной и племенной общности с англичанами, и то не признают себя британцами! Где уж тут десяткам миллионов правоверных, без малейших признаков их армянского происхождения, считаться «нераздельными членами» армянской семьи!.. Глупо, дико и смешно, но зато так эффектно и так лестно для национального самолюбия, что произведет сильное впечатление на простодушного человека, в голову которого никогда не могла бы прийти мысль, что кроме 5

миллионов армян-христиан, можно найти еще целые десятки миллионов армян-магометан.

Несколько лет подряд редактор требовал диктаторским тоном от константинопольских армян исполнения одной простой вещи, которую видите ли, никак не могли понять эти армяне, за что он их обзывал «тупоголовыми», «фантазерами», «выродками» и, Бог весть, еще чем. Чего же, вы думаете, требовал от них наш остроумный и положительный публицист? Он требовал, ни больше ни меньше, чтоб стамбульские армяне собрали свой скраб и гуртом переселились в Эрзерум, перенесли туда свой патриархат, национальное собрание и все общественные и частные учреждения! Да, это была мысль вполне ненормального человека, но опять-таки она поражала воображение и льстила чувствам большинства читателей, которым приятно было представить центр умственной деятельности армян в сердце Армении. А что против осуществления такой идеи наготове стояли турецкие корпуса — это вовсе не принималось во внимание, как бы не отнесившееся к делу обстоятельство.

Затем, как ни в чем не бывало, он указывал на необходимость открытия в Тифлисе университета, где предметы преподавались бы на армянском языке, на том «законном» основании, что на этом языке можно преподавать все предметы, входящие в программу высшего образования. «Коль скоро в Соединенных Штатах Сев. Америки и в Швейцарии преподаются предметы на языке большинства слушателей, отчего же то же самое не может практиковаться и в России?» — спрашивал редактор с непритворным изумлением, представляя себе, что он живет в Америке или в Швейцарии.

От основания в Тифлисе армянского университета он переходил вдруг к турецкому языку; не зная ни одного турецкого слова, не более как в 20-ти строках «доказывал» полную неспособность этого языка развиваться до степени совершенства армянского. А что касается того, что в Стамбуле издается масса газет и книг на турецком языке, есть лицей, проходят медицинские курсы, существует академия генерального штаба и пр., и лекции читаются по программам европейских учебных заве-

дений, на турецком языке, — хотя наш редактор об этом не раз вычитывал в константинопольских корреспонденциях своей газеты, но под влиянием минуты и кем-то навеянной мысли он успел уже все забыть.

Сейчас же вслед за сим «философ» спрашивал: отчего в армянских приходских школах не принимаются дети грузин, татар, персов, лезгин и курдов, чтобы вместе с армянскими учениками обучаться армянской грамоте и «приобщиться к армянской культуре»? Однако «несравненный публицист-мыслитель» армянской «либеральной» интеллигенции вовсе не принимал в соображение что, по постановлению правительства, программа и права армянских приходских школ были предназначены только для армянских мальчиков, в число которых армяно-григорианское духовенство не имело никакого права допускать мальчиков иных вероисповеданий.

Такие несообразности, каких у него была масса, ясно доказывали, что падение редактора с балкона, еще в детском возрасте, весьма серьезно отразилось на состоянии его мозга. Его рассудочная способность сильно пострадала, память притупилась, чувство стыда и щепетильности, сознание нравственного долга и приличия утратились. Как умственно и нравственно большой человек, он писал и говорил то, что вызывалось потребностью его болезненного настроения, как и стремлением ошеломлять толпу все новыми впечатлениями. Повторяясь изо дня в день, подобные впечатления лишали толпу возможности опомниться от них и логически разобраться в путанице нелепых мыслей, громких фраз и общих мест. Не выходило ни одного номера, в котором не появлялась бы ничтожная передовица с инициалами *redacteur-en-chef* а и с трескучим заглавием, как-то: «Общественная мораль», «Бисмарк опростоволосился», «Болгария унизилась», «Нет Турции», «Вот неблагодарность», «Суждение армянина», «Наши слова оправдались», «Цивилизация Европы и Коран», «Реформа церкви и языка» и пр. и пр. Читатель поневоле обращал внимание на такие заголовки, напечатанные буквами величиною с полвершка, и жадно пробежал ми-

зерную статейку, в которой, если не находил ни одной положительной мысли, ни одного веского аргумента, зато получал такое впечатление, как от вспышки бенгальского огня в темноте. Затем читатель просматривал интересные статьи других сотрудников и складывал газету со словами: «Да, газета «Мшак» очень интересна, о чем угодно в ней пишется. Молодец редактор — росчерком пера он уничтожил Бисмарка, разбил Коран, доказал несостоятельность церковной организации, выяснил характер армянина, сровнял Болгарию с землей» и т. д.

Что же могли бы написать другие газеты для отрезвления одурманенной публики? Неужели обсуждать и критиковать то, что не поддавалось никакой критике? Серьезную критику можно уподобить силе атлета. А может ли атлет испробовать свою силу над папиросным дымом? Так и в данном случае.

Теперь вы можете задать мне другой вопрос: «Почему же вы и другие писали в этой газете и как бы сознательно служили орудием человека, которого вы, по-видимому, хорошо знали»? Да, действительно, мы хорошо знали человека, с которыми имели дело, но где же нам было писать, когда другие редакторы, с претензиями людей «с направлением», своим тупым упрямством в отстаивании того или другого ничтожного положения отбивали всякую охоту к писанию. Редактор же «Мшака», хотя и твердил беспрестанно о своем «направлении», но беспрекословно принимал и печатал все, в чем он находил эффектные места; следовательно и пользу для своей газеты. Однако и при таком его отношении к сколько-нибудь способным писателям ни один из них не мог долго работать в «Мшаке», не желая служить орудием страстей и личных интересов его редактора.

IV.

Вообще, если разобрать действия редактора «Мшака», можно прийти к тому заключению, что им руководили, главным образом, инстинкт и хитрость, но не разум, по которому, во многих слу-

чаях, он стоял не выше малолетнего ребенка с весьма слабою притом памятью. Приведу некоторые факты.

Память у него была настолько слаба, что, издавая столько лет газету, читая все, что писалось в ней людьми со слогом и с совершенным знанием армянского языка, он, судя по его статьям, приобрел не больше знания по этому языку, чем имел любой ученик третьего класса армянской семинарии. Вследствие этого он был крайне беден запасом слов, не умел правильно и точно передавать свои мысли, допускал грубые ошибки против духа языка, коверкал слова, путался в выражениях и оборотах речи и пр. В каждой фразе редактора, сплошь и рядом, попадалось одно слово армянское, другое немецкое, третье латинское, французское или русское. При незнании ни одного из этих языков как следует, слова перемешивались у него в голове, и, излагая какую-нибудь мысль, он брал первое попавшееся, которое вспоминал. Сносным армянским языком написанные статьи, каких было немало, были продиктованы ему другими. Казалось бы, редактор мог посмотреть в лексиконе и отыскать в нем подходящие армянские слова, однако он считал излишним прибегать к этому по той простой причине, что все равно до следующего раза он бы снова их забыл.

Не удивительно ли было после этого читать в его газете, что армяне только «благодаря ему» научились говорить на чистом народном языке — ашхарабаре? Не могло быть никакого сомнения, что, гонимая так, он разумел именно свое собственное «знание», а не знание сотрудников и их влияние на распространение этого языка. Ведь сколько раз он, за своей подписью, заявлял, что венецианские мхитаристы не знают родного языка(II). Что нам остается думать о таком субъекте? Нормальный ли, в самом деле, он был человек?

• • •

Турецкое правительство воспретило доступ в Турцию издававшихся на Кавказе армянских газет. Редактор публикует об этом в виде передовой

статьи, озаглавленной: «Вот неблагодарность!». «Неблагодарность» Турции к нему он находил в том, что его газета способствовала облегчению участи голодавших в Турции армян, вследствие чего и оказала-де большое благодеяние самой Турции, которая теперь вдруг не пускает эту газету в свои пределы. Оставим в стороне то соображение, что турецкие армяне были не ахти какие излюбленные сыны своего правительства, чтобы оно считалось благодарностью с какой-нибудь газетой, содействовавшей облегчению их участи. Помимо этого не следует забывать, что помощь, оказанная извне подданным Турции, была для нее, собственно, большим афронтом, тем более, что турецкое правительство в этом добром деле не имело ни почину, ни участия, за что кавказская армянская печать честила Турцию самым беспощадным образом. За все оскорбления со стороны тифлиских газет турецкое правительство, по логике нашего публициста, должно было отвесить низкий поклон редактору «Мшака», чествуя в его лице всю кавказскую армянскую печать, и если не наградило его Меджидие I-й степени, то, по крайней мере, для одной его газеты обязано было сделать исключение, разрешив свободное обращение ее в Османской империи... Но все бы это еще ничего: тут есть хоть намек на последовательное рассуждение, а что сказать о предъявленном им требовании к турецким армянам? Константинопольские, смиренные и прочие армяне Турции, после воспреещения правительством кавказских газет, не могли, конечно, возобновить подписку на них, под страхом попасть в тюрьму за найденный у них номер этих газет. Такое отношение турецких армян было само собой понятно, без всяких объяснений. Но наш редактор, ослепленный ли алчностью, или по чрезмерной слабости своей сообразительности, упустил это из виду и стал нападать на турецких армян, укоряя их в «непризнательности» к нему и вообще в «отсутствии человеческого чувства» за неокказание ему поддержки. Интересно знать, за что они должны были быть ему «признательны»? За то, извольте видеть, что он «оказал ванским голодавшим свою помощь»!

Помилуйте, самому писать о различных пустяках, в то время, когда другие в его газете надрывали душу по поводу голода; за счет сотрудников приобрести популярность среди русских армян, увеличить число подписчиков, воспользоваться случаем для выхода из затруднительного положения и при всем этом заявлять претензию, что трапезундским, константинопольским и смирнским армянам он оказал «великое благодеяние» препровождением денег русских армян ванским голодавшим!.. Если бы даже он сам явился инициатором и пропагандистом в своей газете в пользу голодавших в Турции собратьев, если бы даже он из собственных средств уделил им какую-нибудь сумму, неужели он должен был поставить себе это в заслугу, да еще требовать себе комиссии в виде подписки на газету у тех самых армян, которые пожертвовали своим единоверцам в Малой Азии несравненно больше, чем русские армяне?.. Это смахивает на то, если бы, положим, трое-четверо знакомых между собою людей оказали помощь бедному семейству, а затем один из помогавших обратился к другим с требованием себе вознаграждения... Слышанное ли дело! Да, наконец, армяне константинопольские, смирнские и прочих значительных городов Турции, знавшие генеральского сына, как собственника огромного имения и самой распространенной армянской газеты, могли ли считать его настолько жалким, чтобы нужно было бросить ему милостыню, в виде годовой подписной платы за его газету, как последнему нищему?...

* * *

После командировки в Эрзерум, куда я был послан ген. Лазаревым, вслед за очищением нами этого города, в видах пресечения переселенческого движения среди турецких армян, я вернулся в свою батарею, стоящую в Ахалцихе. Отсюда я продолжал писать в ту же газету на разные темы о злобах дня. Редактор помещал мои письма то в виде передовых статей, то фельетонных. В них ни-

сколько не скрывались мои религиозные чувства, благоговение перед нетронутыми цивилизацией добрыми патриархальными нравами провинциальных армян и горячее желание оберегать эти нравы от влияния городской порчи и проч. Уместно было или нет, но я затрагивал в них также вопросы о мужских и женских профессиональных школах, приглашал кавказских армян ходатайствовать перед правительством об открытии этих школ в провинциальных городах. При этом я развивал в общих чертах и программу для таких школ, сообразуясь с нуждами армянского населения в разных местах Закавказья*).

Почти заодно с каждой моей статьей, появлялась передовица редактора, повторявшего в выдержках из моей статьи мои же слова, подчеркивая, по своей привычке, что он вполне разделяет мои взгляды, которые будто уже ранее были высказаны им самим. В действительности же он прежде ничего подобного и не затрагивал и ничуть не интересовался ни одним из поднятых мною вопросов. Да и как ему было говорить о нуждах армян, в особенности провинциальных, если он имел о них столько понятия, сколько мы — о настоящем местопребывании воздухоплователя Андрэ! Впрочем, это бы еще с полгоря, и я не придавал значения таким редакторским приемам. Но что не могло не возмущать меня, так это то, что он, являясь всегда человеком, не признававшим духовной власти, лишенным чувства верующего человека, совершенно чуждым мировоззрения армянского народа, уверял вместе с тем, что все его «сотрудники» пишут в его якобы либеральном духе и направлении. Между тем, я был первый, который не признавал за ним ровно никакого направления и по своим религиозным, общественным и политическим убеждениям ничего общего с ним не имел уже по одному тому, что его «убеждения» представляли нечто вроде отзвука от пустого кувшина.. Но увы! Пребывавший всегда точно в угаре философ немецкого университета, «мыслитель» и «реформатор» армянской

*) См. «Мшак» 6, 7, 8, 9, 10, 1880 г.

церкви, читая статьи своих сотрудников, вовсе не замечал, что они люди совершенно иного пошиба, чем он сам.

Однажды я поехал на короткое время из Ахалциха в Тифлис. Это было в 1879 году. Я узнал от редактора, что некоторые армянские литераторы готовятся читать публичные лекции. Он выразил мне горячее желание выступить также самому и, если возможно, опередить в этом других. Такое заявление я принял, как то многократно бывало и раньше, за просьбу дать ему материал, но на этот раз уже не для статьи, а для лекции. В материале, признаться, у меня тогда недостатка не было, так как три-четыре десятка моих писем из Эрзерума в газету «Мшак» далеко не исчерпывали всего того, что мне приходилось изучать в Турецкой Армении. Я изложил вкратце содержание предполагаемой лекции и предложил ему, без всякого отлагательства, взяться писать лекцию под мою диктовку. Приступили к делу, и он стал писать, но вскоре почувствовал себя утомленным и, отговариваясь тем, что его голова занята другими вопросами, попросил меня изложить на досуге начатую лекцию. Я охотно взялся за это и на третий же день вручил ему готовую лекцию об «экономическом положении турецких армян». Спустя два дня он сказал мне, что изложенная мною лекция не может иметь успеха ввиду того, что она представляет будто бы слишком сухой очерк жития-бытия турецких армян, мало для кого интересный. Мне осталось только пожать плечами по поводу такого суждения о предмете, слишком даже интересном. Зная развинченность нервов и склад ума этого человека, я начал с жаром рассказывать перед ним то же самое. Голос ли мой, или жестикауляция действовали на него оживляющим образом, но он нашел теперь, что лекция действительно интересна. Предстоял, однако, вопрос — как ему быть лектором чужого труда, когда ему самому хочется читать что-нибудь свое. Он и предложил, чтобы читал эту лекцию уж я сам, хорошо зная, впрочем, что, как офицер, я постесняюсь выступить перед публикой в качестве лектора и притом без разрешения моего началь-

ства. Нетрудно было понять, что ему хотелось обставить перед публикой дело так, что будто он сам каким-нибудь образом изучил экономическое положение турецких армян, несмотря на то, что не был хорошо знаком даже с Авлабаром, одной из частей Тифлиса. Угадав его мысль, я охотно пошел навстречу его желаниям, чтобы устранить затруднение для осуществления лекции: поэтому вызвался познакомить его с проживавшим тогда в Тифлисе эрзерумским армянином, Карапетом-эфенди Шабаняном, а также обещал помирить с известным знатоком Турецкой Армении, писателем Церенцем, недавно приехавшим из Константинополя в Тифлис и имевшим с редактором крупные неприятности. И это ввиду того, чтобы, побеседовав с ними о турецких армянах, он мог бы иметь право цитировать в лекции имена трех нас, будто бы совместно снабдивших его сведениями о турецких армянах, и обойти щекотливый вопрос о чтении им чужого труда. Хотя я стеснялся досказать ему мою мысль, но он скоро ее понял; однако, чувствуя некоторую неловкость предо мной, он стал ломаться, точно ему было очень совестно присвоить мой труд. Но на этот счет я успокоил его откровенным заявлением, что мне совершенно безразлично, буду ли я считаться автором составленной лекции, или он, лишь бы содержание её стало достоянием публики.

Затем я познакомил его с Шабаняном, помирил с Церенцем, а он, для успокоения совести, расспросил их кое о чем из того, что было уже изложено в рукописи, и заручился их согласием назвать имена обоих в своей лекции. Два-три дня он приготавливался к лекции, которую аккуратно списал, чтобы не сбиться при чтении в тифлисском приказничьем клубе. Но какое разочарование! Он её прочитал так отвратительно, с такими запинками и остановками, как будто только что взялся разбирать какие-то мудреные иероглифы. Я был этим крайне озадачен и не удержался, чтобы не сделать ему в присутствии многих резкий упрек за конфуз, который он причинил себе, да и мне, сочувствовавшему предмету лекции. Но бедняжка сознался, что читать длинную статью ему так редко приходилось, что при чтении, на первых же страницах рукописи

он почувствовал головокружение и тошноту и с трудом осилил себя, чтобы дочитать лекцию.

Как бы там ни было, он удостоился чести выступить также в роли публичного лектора. Лекция была напечатана сперва в его газете, затем отдельной брошюрой*), переведена на русский язык карабахским уроженцем, гимназистом Аракелянцем, и на немецкий язык карабахцем, пастором Амирханяцем, и наш публицист стал распоряжаться брошюрой как своей собственностью и пустил ее в продажу по 25 коп. за экземпляр.

С той поры я этой брошюры не видал, но по слухам, ее сбыт в повторенных изданиях успешно продолжается и по сие время. Она была переведена на французский язык и недавно также на английский в Северо-Американских Штатах. В последующих изданиях моя фамилия уже была выключена из текста**).

Года полтора после этой лекции — я был тогда в Константинополе — мне показали номер враждебной мне тифлисской армянской газеты «Ардзаганк» с заметкой, защищавшей меня против поклепов «автора» лекции. Оказалось, что он уже успел забыть содержание «Экономического положения турецких армян» и позволил себе отозваться самым обидным образом о патриархальной армянке, которой, кстати сказать, в его лекции был посвящен самый лестный отзыв. Уличив редактора в таком противоречии с самим собой, «Ардзаганк» категорически задал ему вопрос: «Как же вы ругаете простую армянку, когда в вашей лекции вы гово-

*) Единственное достояние лектора в брошюре это сравнение немки с армянкой в отношении их прилежания, причем он утверждает, будто немки, даже сидя в театре, вяжут чулок. Но кроме него никто этого в Германии не видел.

***) Нелишне заметить, что венцом литературных творений редактора считается как раз эта злополучная брошюра, да еще какая-то повесть под заглавием «Эвелина», которая, однако, оказалась подстрочным переводом с французского. По смерти «великого писателя» почитатели его памяти собрали несколько тысяч рублей для издания его печатных трудов, но до сих пор еще ничего не издано ввиду того, что при общем рассмотрении этих трудов оказалось, что печатать их не стоит.

рили о ней то-то и то-то?» Так как на это не последовало никакого ответа, то «Ардзаганк» обнаружил настоящего автора лекции. Тогда редактор, по своему собственному одному ему приему, взвалил свою вину на меня, утверждая с полной беззастенчивостью, что враждебное отношение к сельской армянке выказывалось не им, а мною. Между тем читающей армянской публике в России и Турции хорошо известно, что патриархальная армянка, как рычаг семейной жизни своего народа, всегда была одним из главных предметов моих литературных занятий. По поводу превознесения мною патриархальной армянки над её извращенными городскими сестрами, нравы которых я обличал в константинопольской армянской печати, как и в «Мшаке», в самых резких выражениях, мне приходилось возбуждать против себя даже всеобщее негодование. И вот на кого указывал «добросовестный» редактор, как на «ненавистника» провинциальной армянки!

Но его «добросовестность» этим не ограничилась. Спустя несколько лет после появления «его» брошюры известный русский путешественник, доктор Елисеев, объехал Малую Азию и, по возвращении, описал тамошние народы. Среди них он уделил армянам почетное место, характеристику же сельской армянки заимствовал из сказанной брошюры, без указания, однако, источника, найдя, вероятно, эту характеристику вполне согласной с результатами собственных наблюдений. Как только появилось исследование доктора Елисеева, самозванный автор брошюры, считая себя обиженным(!), не замедлил обрушиться на него сильной бранью, называя его «бессовестным эксплуататором», «похитителем чужой собственности» и т. д.

* *

В 1887 году я подружился в Константинополе с известным грузинским археологом и историком, покойным Дм. Зах. Бакрадзе. С его трудами на грузинском и русском языках я был уже достаточно знаком раньше. Отзывы об его личности были всегда весьма лестные. Он был скромн, честен и очень

трудолюбив. Долгое время Бакрадзе был цензором грузинского языка в Тифлисе и исполнял свою щекотливую обязанность с большим тактом и добросовестностью. В Константинополь он был командирован кавказским начальством для проверки, при посредстве турецкого министра иностранных дел, купчих крепостей эмигрантов-мусульман, которые после войны выселились из Аджарии, Батума, Ольти и Ардануча в Турцию, оставив за своими родственниками право владения их недвижимой собственностью. Чтобы выполнить возложенную на него обязанность, Бакрадзе должен был провести несколько месяцев в Стамбуле. С таким простым и сердечным человеком, каким был покойный, нетрудно было сойтись с первого же раза. При его почтенном возрасте и серьезных научных познаниях он оставался чист и свеж в своих чувствах, как неиспорченный юноша, что делало его особенно симпатичным.

Интеллигенция константинопольских армян очень чутка к пониманию таких людей. Развиваясь под французским влиянием и получая образование большей частью во Франции, эта интеллигенция отличается особенной восторженностью, общительностью и утонченной вежливостью, чего почти вовсе нет у русских армян, слишком забитых долговременным персидско-татарским гнетом^{*)}. Бакрадзе, как ученый грузин и человек с благородными порывами, должен был прийти по сердцу константинопольским армянам, с которыми я счел приятным долгом его познакомить. В короткое время он сделался общим любимцем: ему оказывали там такие почести, каких не удостоивался никакой приезжий из России армянин, не исключая и самого популярного армянского поэта — Гамара Катибы (Рафаэль Патканян), посетившего перед тем Стамбул. Овации эти сильно трогали Бакрадзе, и он не раз высказывал сожаление, что не приехал сюда двадцатью годами раньше, чтобы жить среди достойных

^{*)} Под этим гнетом русские армяне в иных местах обрелись буквально в индийских париях. С получением же гражданских прав в великом государстве они стали неукротимыми нагльцами, каких мне нигде в Турции не приходилось встречать.

людей и никогда больше не возвращаться на Кавказ. Этими словами почтенный деятель намекал, очевидно, на кавказскую интеллигенцию, у которой вообще много гонора при недостатке, однако, нравственных устоев и элементарных правил приличия. С этой именно стороны заявили себя кавказские армянские передовики в бытность Бакрадзе в Константинополе. Читая в издававшихся там армянских газетах интервью с симпатичным ученым, похвалы, воздаваемые его такту, разностороннему развитию, доброжелательному и теплому отношению к армянам, а также горячие статьи шестидесятилетнего старца в газете «Аревельк», вожаки кавказской армянской интеллигенции подняли неопишуемый гвалт и разразились потоком ругани по адресу своих константинопольских единоверцев за то, что они так чествуют Бакрадзе.

Газеты «Ардзаганк» и «Мшак», редакторы которых грызли всегда друг другу горло, на этот раз запели в унисон, чтобы дискредитировать Бакрадзе на чужбине и охладить сочувствие к нему людей, среди которых он жил и которые его так оценили. Выходки «Ардзаганка» были мне еще понятны, но меня поразил поступок представителя quasi-широких взглядов, редактора «Мшака». Между тем этот редактор раньше представлялся перед грузинами человеком, не различавшим наций и вероисповеданий, и прикидывался даже их другом. Этот-то «друг грузин» теперь поносит константинопольских армян за то, что они восторгаются «каким-то чиновником», которого никто не знает даже и в Тифлисе (!), и, чтобы довести свои позорные слова до сведения константинопольской публики, он посылает этот номер своей газеты всем редакциям в Константинополе и многим тамошним армянам. Но к их чести нужно сказать, что из семи ежедневных газет ни одна не обмолвилась о вещаниях тифлисского публициста, иные же армяне при встрече со мной выражали лишь презрение к «представителю русско-армянской передовой печати...».

По исполнении возложенного на Дм. Зах. Бакрадзе поручения и составлении обстоятельного доклада Московскому Археологическому Обществу о необходимости учреждения в Константинополе ар-

хеологического института, он уехал на Кавказ, лелея мечту, что ему придется провести остаток своих дней среди константинопольских армян, после открытия там такого института. Но вернувшись в Тифлис, Д. З. Бакрадзе вскоре сошел в могилу.

Спрашивается: как должен был поступить человек, который еще так недавно печатно уверял всех армян, что «Бакрадзе настолько неизвестен, что его не знают даже в самом Тифлисе»? Ему, во всяком случае, следовало умолчать о смерти этого «никому не известного чиновника». Но, должно быть, он опять-таки забыл все, что раньше говорил, и поэтому, как ни в чем не бывало, перепечатал из газеты «Кавказ» предлинный некролог Д. З. Бакрадзе, с перечислением заслуг ученого на поприще археологии, истории и грузинской публицистики. Перепечатав в свою очередь этот некролог, константинопольские армянские газеты тут же поместили прежнюю статью редактора о Бакрадзе, с самыми едкими замечаниями на счет «просветителя темного армянского народа...» Скажут, пожалуй, что редактор мог не знать о покойном Бакрадзе и печатанием некролога исправил свою ошибку. Но как было не знать публициста и ученого, долгие годы деятельности которого проходила в том же городе Тифлисе? Если он не знал Бакрадзе, не был знаком с его трудами на русском языке, не знал известного на Кавказе археолога и грузинского деятеля, так кого же он знал? Разве турецких армян, о которых он читал публичную лекцию?... Нет, тут не то. Бакрадзе-то он знал, только знал настолько, насколько ему сообщал главный источник всех его знаний, некий ех-семинарист, исполнявший у него обязанности корректора. Вероятно, все, что слышал раньше редактор от своего суфлера-корректора Т. М. о Бакрадзе, ко времени чествования ученого в Константинополе улетучилось из памяти редактора — вот в результате поносится «никому не известный чиновник»; но скончался Бакрадзе — редактор уже забыл свою брань и... появляется длинный некролог.

Что у него была такая именно куриная память, в этом легко убедиться: достаточно просмотреть его газету, где встречается масса примеров резких

противоречий самому себе и полного отрицания того, что утверждалось несколькими днями раньше. Помимо того, какая бы ни была взята тема для передовой статьи, предположим, хотя бы из жизни Базазханских приказчиков в Тифлисе, статья обязательно испещрялась ничуть не идущими к делу словами: «общечеловеческая культура», «принцип», «идея», «эмансипация», «тенденция», «ассоциация», «организация», «реформа», «девиз», «школа», «прогресс», «регресс», «эволюция», «революция» и пр. Писал ли он о тифлисских тулухчиках (водовозы), привозивших ему в бурдюках мутную воду, по случаю разлития Куры, — за что он обвинял думу в «нерадении к интересам всего города», говорил ли он о бешеной езде извозчиков, лошади которых испугали его, или о подписчиках, не вносивших ему своевременно подписной платы, и проч., и проч., он ни к селу ни к городу вплетал два-три громких слова, вроде вышесказанных, и то не в армянском переводе, а как они употребляются в иностранных языках. Армянская публика, особенно в провинции, не понимая смысла этих слов, диву давалась «глубине познаний философа». Наиболее же любимые его слова были «принцип, направление, мораль, солидарность, гуманность, идеализм» и т. д., т. е. как раз такие слова, значения которых находили у него на практике совершенно обратное применение. К таким приемам он прибегал, очевидно, с хитрым намерением: трудно же заподозрить человека в отсутствии в нем именно качества, за которые он беспрестанно ратует и в недостатке которых укоряет не только отдельных лиц, но весь народ...

С этой хитрой, но несчастной головой мне немало приходилось иметь дела. Завернешь, бывало, вечером в редакцию, поговоришь о чем-нибудь, а он сейчас же примется перекладывать слышанное в «руководящую статью». Делалось это очень просто: выхватит только одну мысль из целой беседы, все остальные забудет и заменит их общими фра-

зами или повторением одних и тех же выражений, затем с торжествующим видом поставит инициалы своего имени и фамилии и пошлет в типографию. Вот и готова его «передовая статья», с апломбом трактующая о «хорошо известном ему предмете». Иной раз ему никак не удавалось при разговоре усвоить ясно выраженные ему мысли. Тогда он приглашал меня в ближайшую пивную в его галерею, где за кружкой пива принимался повторять только что слышанное, но все неапопад; поправишь и по-рескөжешь еще раз — опять повторит, несколько уже приблизившись к сути дела; это упражнение продолжалось до тех пор, пока он не считал себя осилившим «все трудности». Затем оставишь его в покое, чтобы он приготовил «передовую статью». На второй или третий день прочтешь в «Мшак» его статью, но... из всего выдолбленного на бумаге оставалось лишь столько, сколько останется воды в отнятом из-под крана сите.

А то, что он писал без посторонней помощи, это были излюбленные им «политические размышления». Такое заглавие носили выборки разных политических известий из русских газет, в сообщении которых не требовалось ровно никакого размышления и которые к тому же не имели никакого отношения к нуждам армян. Уже одна такая манера к механическому писанию и бесцельной болтовне могла бы служить для любого психиатра достаточным основанием, чтобы признать этого редактора душевнобольным, чувствующим потребность в бесперывном разглагольствовании, не давая себе отчета в точном его смысле. Во время голода в Армении и при других серьезных вопросах он только и делал, что упражнялся в сочинении «политических размышлений». И в этом отношении, т.е. в умении производить такие замысловатые «размышления», он нашел только одного «способного человека», которым сильно дорожил и которого сделал своим секретарем. Это был некий В. Т.-Г., хитроумный уроженец Тифлиса, вышедший из третьего класса гимназии молодой человек, который сам же подсмеивался над тем, что из газетных извлечений сколачивал «передовые статьи» на удивление редактора. Только с ним «философ» сходиллся во всех

своих понятиях, с ним и снялся, с развернутой газетой в руках. Чему же он сам учился в Германии? Отчего он ни разу не писал по политической экономике, о которой упоминалось в его докторском дипломе? Как же не писал! А «Экономическое положение турецких армян»? Если он читал лекцию с упоминанием о каком-то «экономическом положении», то, по мнению публики, он затрагивал вопрос, как раз входивший в его специальность...

Под его именем, действительно, появлялись иногда статьи, касавшиеся экономической жизни армянского народа. Но источником их были корреспонденты провинциальных сотрудников, которые он переделывал на свой лад в передовые статьи и без церемонии ставил под ними свои инициалы. Хотя иные и замечали, что это были статьи не «политического мыслителя», а заурядных корреспондентов, однако это его вовсе не смущало, как ненормального человека, не имевшего ни самолюбия, ни щепетильности. Если бывало, его избличали в плагиате, он даже радовался этому: ведь лишний раз заговорили о нем, безразлично в каком духе. Я уже указывал, что «философ», хорошо зная слабости толпы, гнался всегда за шумом о себе. Он не останавливался перед разоблачениями и насмешками противников, а сам спешил обвинять их в разных аферах и грязных проделках, сваливая, что называется, с больной головы на здоровую. Где же тут было публике разобраться и узнать, кто прав, кто виноват?

Как бы то ни было, наивность этой публики доходила до того, что даже в постоянных оскорблениях неистовым редактором ее национальной чести она усматривала какую-то гражданскую скорбь и возвышенный патриотизм. Между тем необузданные нападки на церковь и народ со стороны «карателя общественных нравов» имели своим основанием лишь озлобление обиженного природой и терпевшего гонения от отца, психически больного человека. В своей бессильной злобе он как бы грыз самого себя и нападал даже на тех, от которых кроме ласки и добра ничего не видал. Он был настолько малодушен, что находил наслаждение на счет унижения всего народа возвышать в глазах

грузин и русских самого себя, как «единственно честного армянина», которому как бы невольно было переносить недостатки армянского народа. Он не только не терпел появления новых выдающихся людей, но за время своей двадцатилетней общественной деятельности, или, правильнее, безобразий, ни разу не упомянул имени какого-либо армянского писателя прошлых времен. Предположим, он их не знал или забывал то, что ему говорили, следовательно, не мог сам трактовать о них, но он не позволял и другим упоминать о почтенном прошлом. Его безмерный эгоизм требовал, чтобы армяне кроме него одного никого другого не знали и не признавали, а сочли бы его единственным преемником Григория Просветителя по просвещению своего народа... Но этот новый просветитель ни разу в своей жизни не мог ясно сказать, чего он хотел от армян, и если постоянно фразировал от имени Европы и ее цивилизации, опять-таки ни разу не объяснил основных начал этой последней. В этом отношении он напоминал мужика, предпринявшего паломничество в Иерусалим и по возвращении к себе домой ставшего уже всеведущим мудрецом, по-своему разъясняющим односельчанам все государственные, политические и ученые вопросы. В самом деле, пробывший несколько лет в Западной Европе германский «доктор философии» хотя бы когда-нибудь поговорил о немецком образовании, об историках, поэтах и писателях германского народа или о Гейдельберге, воспетом многими немецкими поэтами? Остается заключить, что он в действительности не имел никакого понятия ни о европейской цивилизации, ни о далеком и ближайшем прошлом своего народа. Любовь, поэзия, благородный порыв были чужды его душе, как, впрочем, и душе его сотоварищей по профессии. Эти пресловутые «доктора философии и политической экономии» как будто родились не из утробы живых созданий — своих матерей, а вышли пародией человека из дупла дерева с одеревенелыми сердцами... Каждая их строка дышит сухим резонерством, злобой или корыстью. Нет в них ни теплоты, ни задушевности и ни одного штриха сердечной боли или радости. Прототипом подобных нрав-

ственных уродов был редактор «Мшака», недостижимый идеал армянской «либеральной» интеллигенции в России — Григорий Арцруни.

V.

Катастрофа 1-го марта 1881 года облекла в траур не один русский народ — она была днем великой скорби для всех армян земного шара, возлагавших свои надежды на Царя-Освободителя, от которого ждали завершения великой Миссии России — освобождения своих братьев в Турции. С прекращением жизни Царя-Мученика, если не настал конец упованиям армянского народа на Россию, на которую искони были обращены его взоры, то наступил период долготерпеливого выжидания и моления Богу ниспослать Самодержцам России счастье и благоденствие для выполнения свыше предначертанных задач на благо Своего народа и на избавление обездоленных христиан Востока. Поэтому после кончины Государя Императора Александра II у армян остыла почти всякая охота к политике.

В направлении писателей, занимавшихся Турцией и положением страдавших там армян, совершился также крутой поворот: некоторые из них совсем перестали говорить о делах турецких армян, иные же стали проповедовать благоразумие, терпение и осторожное отношение к Турции. В это время я находился уже в Константинополе и задался целью работать в тамошней печати в таком же направлении. Трудно было бороться против политической эпидемии, которою были уже заражены горячие головы тамошних деятелей. Нелегко было занять их умы реальными вопросами повседневной жизни и, отрывая их внимание от возбуждающих речей западноевропейских политических витий, сосредоточить на неотложных нуждах провинциальных армян в Турции. Освобождение этих армян из когтей мелких ростовщиков открытием байковых отделений в главных центрах Турецкой Армении; приуроченно программ начальных армянских школ к потребностям сельского населения; издание турецких законов — Дестура армянскими буквами, чтобы дать

возможность провинциальным армянам читать эти законы и защищать свои права в местных турецких судах; предание всех прений в армянском национальном собрании широкой гласности, чтобы ставить армян в Турции в известность о ходе управления их внутренними делами в Константинополе; строгая отчетность по денежным делам в разных благотворительных учреждениях и учебных заведениях, дабы приохотить народ к дальнейшим пожертвованиям на эти учреждения; необходимость основательного изучения быта провинциальных армян; ознакомление с запросами их жизни; сдержанность и осторожность в своих отношениях к местным властям; основание в Константинополе женских и мужских профессиональных школ для детей бедных классов; поднятие земледелия открытием в провинциях сельскохозяйственных школ; поощрение кустарного промысла в провинциях; поддержка снабжением машин разных ткацких фабрик в Ване, Битлисе, Эрзеруме, Токате, Эрзингяне, Харпуте, Арабкире, Гюрюне, Диарбекире, Амасии, Малатии и других городах Турецкой Армении, где местная промышленность производилась большею частью руками и самыми примитивными способами; наконец, ознакомление русских армян с умственной жизнью их турецких собратьев, с направлением и результатами деятельности таких крупных личностей, как патриарх Нерсес, Хримян, Энфиедзян, Паносян, Мамурян и множество других, — вот программа, которая была намечена мною для моей публицистической деятельности в столице Турции. Строго придерживаясь этой программы, я развивал ее в константинопольской печати, а иные тезисы защищал также устно на многолюдных собраниях, устраиваемых турецкими армянами при раздаче школьных наград. По приглашению патриарха Нерсеса Варжапетяна и архиепископа Хорена Нарбея, не раз говорил и с амвона церкви в Кум-Капу, Ени-Капу, Пере, Бешик-Таше, Хаскиое и других предместьях Константинополя. Во всем этом я никогда не встречал никакого препятствия со стороны турецкого правительства, ни одна строка моих статей никогда не вычеркивалась турецкой цензу-

рой, подобно тому, как и русскою, когда я писал на Кавказе.

Обо всем этом я упоминаю потому, чтобы дать вам наглядное понятие, чем должен был заниматься тогда всякий публицист, желавший принести своему народу какую-либо пользу.

Да, лишь круглый невежа мог не сознавать, что после трагической кончины Императора Александра II в группировке европейских держав и в общей политике должна была произойти резкая перемена, к выгоде Турции и невыгоде ее христианских подданных в Малой Азии. Действительно, вскоре после последней войны в Константинополе появились откомандированные прусским генеральным штабом фон-дер-Гольц, Гоббе, Ристов, Кампфгевенер и другие штаб-офицеры для преобразования турецкой армии. Вместе с бывшими Блумом и Штрекером пашами они немедленно взялись за свое дело, и Турция перестала бояться, что из Сарикамышы будет двинута в ее пределы русская дивизия для защиты ее подданных, если она допустит какие-то жестокости с ними.

Воинственные курды, занимавшие всегда двойственное положение в отношении Турции и готовые, при первом поражении турецких войск, перейти на сторону русских, правда, немало тревожили турецкий эркени-харб — генеральный штаб. Но и это опасение было устранено фон-дер-Гольцем, составившим план сформирования кавалерийских полков из разных курдских ашретов-родов, поставив их под начальство турецких штаб- и обер-офицеров. Музаффер-паша, сын одного из главарей польского восстания Чайковского, убежавшего в Турцию и произведенного там в паши под именем Садыка, был отправлен фон-дер-Гольцем в Курдистан для осуществления этого плана, и таким образом оброзавалось на азиатской границе России несколько курдских кавалерийских полков, как бы в противовес нашим казачьим полкам на Кавказе. После всего этого чего же и кого было еще бояться Турции, не имевшей и не имеющей другой мечты, как соединить свои силы с силами врагов России в Европе и при первом выстреле из орудий в русско-европейской войне двинуть на Кавказ весь наличный сос-

тав своей преобразованной армии? И это не есть измышление моей фантазии, а то, что мне пришлось слышать в Константинополе от людей, вполне посвященных в планы турецкого главного штаба.

Интересно знать, при подобных условиях какая сколько-нибудь здоровая армянская голова могла бы помышлять о «насильственном разрешении» армянского вопроса в Турции, для приведения в исполнение 61 статьи Берлинского договора, по которой Турция обязалась «немедленно ввести необходимые реформы в областях, населенных армянами»? На кого можно было бы надеяться, кто бы заставил Турцию исполнить взятое ею на себя обязательство? На Англию разве? А вот что ответила Англия устами лорда Солсбери посланному в Лондон патриархом Нерсесом делегату, имени которого не называю, чтобы не скомпрометировать пред его правительством поныне живущего почтенного деятеля турецких армян. «Кланяйтесь от меня Monseigneur'у Нерсесу и скажите, чтоб он думал только об успокоении умов своего народа в Турции». — Хорошо, милорд, — возразил маститый делегат, — но посудите сами, что положение армян в Турции стало невыносимым, и если Великобританией не будет оказана немедленная помощь, им будет невмогуту сносить долее это тягостное положение. — «А чего же вы ждете от Англии? Посылки флота на Армянское плато? Нет, я вам говорю: смиритесь и терпите, если только не хотите, чтобы вас постигла худшая участь. Исторические судьбы народов слагаются не днями. Насиловать обстоятельства нельзя. Всему должен проработать свой час», — ответил министр иностранных дел*).

Ответ официальной Англии турецким армянам был буквально таков, и об этом в свое время узнали все представители армянской печати в Турции и России. Какого же направления следовало бы им держаться после этого? Раздувать армянский вопрос и возбуждать умы в России и Турции? Разжи-

* Та же мысль была высказана лордом Солсбери во время армянского кризиса последних лет в одной его речи, в которой он говорил, между прочим, что «английский флот не может плавать по араратским горам».

гать народные страсти? Воспламенять бурные голы? Мне кажется, что нужно было быть или злейшим врагом своего народа, или человеком без голы, чтобы не ориентироваться в слишком ясном положении дел и не идти по единственно возможному пути успокоения страстей и растолкования непонимающим, насколько опасны для турецких армян излишняя крикливость, раздражение султана Абдул-Гамида II разнузданными выходками по его адресу, оскорбление турецкого правительства напоминаниями о поражениях Турции, нанесенных ей русскими генералами армянского происхождения, застрашивание десятками тысяч волонтеров с Кавказа, будто бы готовых идти в бой за освобождение Армении, призыв Англии на помощь, посылка в Лондон и Турецкую Армению агитаторов, вызовы курдских беев на вооруженное столкновение и пр. и пр. Тем не менее нашелся человек, который занялся столь «спасительным» для турецких армян делом. Это был «несравненный публицист» армянской либеральной интеллигенции в России, философ гейдельбергского университета, «великий мыслитель, моралист, патриот» и... безумный честолюбец, алчный эгоист, редактор газеты «Мшак» Григорий Арцруни.

Поговорю теперь об этом периоде его разрушительной деятельности, по результатам которой многочисленные последователи «великого патриота» могут поставит его несомненно гораздо ниже печальной памяти героя в армянской истории, однофамильца его, Меружана Арцруни.

Пока армянский вопрос стоял на очереди к упорядочению, благодаря горячему участию в судьбе турецких армян Царя-Освободителя, газета «Мшак» по справедливости считалась самым популярным органом армянской печати. Роль гаера и разные проделки Григория Арцруни как редактора легко ступевывались под влиянием полных захватывающего интереса статей и корреспонденций, касавшихся, главным образом, турецких армян. Когда же,

после события 1-го марта иные из сотрудников газеты сделали резкий поворот в тоне и направлении своих статей, другие же вовсе перестали писать, «Мшак» сразу же стал падать в глазах его читателей. Разные фокусы и извороты, к которым прибегал Гр. Арцруни для поднятия фондов своей газеты, в конце концов остались тщетными. Тогда он с нижайшим челобитием обратился за поддержкой к той самой интеллигенции, которую ранее «представил во всей наготу ее безобразий, с которой он сорвал маску лицемерия, обличил в ничтожестве» и пр.^{*)} Так он относился к интеллигенции вообще. Об университетской же армянской молодежи он поместил, в виде передовых статей, три таких корреспонденции из Петербурга, за подписью г. Гаспара Ягубова^{**)}, что, если бы перевести их на русский язык и опубликовать в какой-нибудь русской газете, читателями овладели бы ужас и отвращение к этой молодежи. Вторя этим убийственным письмам бывшего моего приятеля г. Ягубова, сам Арцруни не замедлил написать еще статью, под заглавием «Образованные кинтошки»^{***)}, и все это против тех же армянских интеллигентов, кончивших или оканчивавших курс в высших учебных заведениях России.

После охлаждения к нему части армянской публики вот к этим-то «гнусным тварям» и обращается «моралист-философ» с мольбой поддержать его газету. Для воздействия на них и превращения из «гнусных тварей» в достойных созданий он нанимает себе в помощники одного семинариста, Х. М., и возлагает на него обязанность писать в газете и издавать отдельными брошюрами панегирики себе и своей «не оцененной неблагодарными армянами достопамятной деятельности»... А в чем заключается эта «достопамятная деятельность»? В том, что «Гр. Арцруни был первый, который озарил коснеющий в азиатском невежестве армянский народ светом европейской цивилизации. Он первый возымел мужество заговорить общечеловеческим языком с тем-

*) Собственные слова Гр. Арцруни. См. «Мшак» 1880 г., № 5.

***) См. «Мшак» 1880 г. №№ 193, 209, 218.

***) См. «Мшак» 1880 г. № 217.

ным и фанатическим народом. Он первый провозгласил между армянами разных исповеданий принцип равенства и братства (с признанием же им армяно-григорианской церкви «сектою» умалчивалось). Он первый установил прочные связи с турецкими армянами и послал им «из своего кармана» около 100 тысяч рублей в пользу их школ и голодавшим в Ване. Наконец, он первый патриот между древними и новыми армянами, пожертвовавший все отцовское наследство — стоившие ровно 5 миллионов рублей громадные каравансарай — на благо своего народа, иначе говоря, на дело освобождения Турецкой Армении, а сам остался ни с чем. И такому человеку и его газете непризнательный и малодушный армянский народ вдруг перестал сочувствовать. Поэтому панегирист призывал к поддержке «доблестного деятеля», «цвет и опору армянской нации, единственный залог отрадной будущности армян», молодую интеллигенцию. Как же было, в самом деле, интеллигентам не подать руку помощи «погибающему герою»? Экое дело, что он назвал их «гнусными тварями» — это было лишь от избытка любви к ним...

* * *

Итак, «Мшак» с этих пор становится специальным органом армянской интеллигенции, но... интеллигенции «строго либеральной», т. е. не признающей ни духовной власти, ни церковной святости, ни каких бы то ни было прав и преимуществ светской власти, отрицающей брак и права родителей над детьми, считающей уважение к старшим предрассудком темной массы, признание какого-либо авторитета — азиатским раболопием, посещение церкви и молитву в ней — стадным влечением, хождение на богомолье — позорной отсталостью фанатичной толпы, чтение перед и после обеда «Отче Наш» — идиотством, а чествование святейшего патриарха-католикоса всех армян его титулом — оскорблением личного достоинства, первый поклон человеку, в котором не нуждаешься — самоунижением, употребление скромных выражений при разговоре или в пе-

чати — лицемерием, непользование чужим добром, слабостью жены, друга или кого бы то ни было — непростительной глупостью и т. д. Не перечислять всех максимов армянской «либеральной интеллигенции», идеалом, кумиром, шейхом, имамом которой поныне считается Григорий Арцруни. Эта «либеральная интеллигенция» образовалась, однако, не из одних университетских людей — в нее вошла почти вся провинциальная молодежь, а также большинство приказчиков, в разных каравансараях, магазинах и конторах, гимназисты и гимназистки, институтки, семинаристы, иные церковнослужители и даже некоторые *soi-distants* профессора и молодые монахи Эчмиадзинского монастыря. Эти последние, хотя пробыли в Германии всего три-четыре года, но в течение этого времени успели «вполне усвоить» все исторические, математические, философские, медицинские и прочие науки (об одном из таких уже была речь в своем месте). Вот контингент мшакистской партии, которая разыграла в армянском вопросе роль греческой «Этнике Гетерии», имея своим знаменосцем и вождем пигмея — Григория Арцруни, возвеличенного ею до размеров колосса Родосского.

* * *

Втянувшись в Константинополе в горячую полемику с тамошней армянской тоже quasi-либеральной интеллигенцией, я не мог с должным вниманием следить за совершающейся с «Мшаком» метаморфозой. Я всецело был поглощен выяснением тех вопросов, о которых уже упомянул. Чтобы обобщить эти вопросы и заинтересовать ими также и русских армян, я отсылал Григорию Арцруни вырезки из константинопольских армянских газет, в которых трактовалось за и против моих статей, как и самые статьи*). Но он не перепечатывал их, а пуб-

*) Тифлиссские газеты «Ардзаганк» и «Мегу», служившие органами так наз. иезидской партии, главарям которой в Петербурге были нанесены мною чувствительные удары, вели против меня ожесточенную борьбу, поощряя моих противников в Константинополе. Вследствие этого я был вынужден поддерживать некоторые отношения с «Мшаком».

ликовал лишь мои частные к нему письма, в которых я делал характеристику моих противников, или же корреспонденции, не касавшиеся предметов моей полемики. Когда же я настойчиво потребовал от него, как от человека, якобы солидарного со мною в воззрениях на общественные дела турецких армян, перепечатать в своей газете посылаемые мною статьи, он ответил передовицей, что все затронутые мною вопросы «давно уже были рассмотрены и выяснены им самим». Это уже было верхом беззастенчивости, которая бросилась в глаза даже моим противникам. В самом деле, мне пришлось употребить почти целый год на изучение в самой Армении быта провинциальных армян и их нужд; выслушивать массу мнений об условиях их нормального развития; долго еще затем заниматься обсуждением с разными сведущими лицами целесообразных мер помощи заброшенным в Малой Азии несчастным армянам, в отношении их умственного и экономического преуспеяния; тщательно обсуждать те же вопросы с опытными людьми в Константинополе и лишь после всего этого — и то со страхом — я выступил в стамбульской печати с теми данными, которые были у меня в руках, а наш философ, ничего не видев, никого не спросив, ничего не изучив, ничего не написав, заявляет вдруг, что поднятые мною вопросы он «давно уже решил и сдал в архив». Но мне было не до препирательств с ним: и без того уже было достаточно хлопот с местной константинопольской интеллигенцией. Да я и не обижался на такое пренебрежительное отношение ко мне и к моей деятельности; на все это я смотрел хладнокровно, хорошо зная, с кем я имел дело. А когда я заметил, что Арцруни окружил себя разными сомнительными личностями и в своей газете систематически раздувает политический вопрос турецких армян, печатает разжигающие речи английских ораторов об армянах, возбуждает армянскую молодежь в России, тут уж я не выдержал и написал ему предлинное письмо с мотивированными упреками и с представлением всех ужасных для армян последствий его губительной пропаганды. Однако мои слова не произвели на него ни малейшего действия: он продолжал агитировать в

том же духе, и мне оставалось только порвать с ним всякие сношения, и с того времени мое имя не появлялось более на страницах «Мшака».

* * *

Неспроста рассказывают осетины на военно-грузинской дороге, что каменные и снежные завалы здесь происходят часто от камушка, покотившегося из-под спорхнувшего на вершине горы ворона. Гибельные движения, смуты и резни в жизни народов имеют своими виновниками также ничтожных воронов, в образе какого-нибудь фанатического зачинщика или своекорыстного агитатора. Возбуждать русских и турецких армян было весьма нетрудно. Всякая страсть слепа, особенно страсть толпы. Разжечь ее так же легко, как взорвать одной спичкой пороховой погреб. Нужно иметь лишь злодейский умысел и уверенность в собственной безопасности. Сидеть у себя в редакции и статьями, проникнутыми духом революции, возбуждать страсти массы — дело не мудреное. Для редактора оно даже очень выгодно, способствуя его популярности и доставляя ему и его сообщникам барыш и почет. Где же тут холодными доводами благоразумия бороться против сеятелей бурь!

«Ведь Англия великая держава, имеющая мировой голос. Её боится сама Россия; как же Турция посмеет прекословить ей, если она прикажет! Вот какие речи говорят в парламенте в защиту прав турецких армян! С другой стороны, сами эти армяне должны заслужить сочувствие Европы. Нужно пролить кровь и тем обратить на себя внимание цивилизованного мира. Разве не таким путем освободились греки, сербы, румыны и болгары? Если Россия за нас не заступится, то мы сами постоем за себя. Турция, ведь разлагающаяся держава и, как обветшалое здание, распадется от первого толчка. Дадим же этот толчок мы, составляющие «генеральный штаб» газеты «Мшак», лагерь которого с каждым днем усиливается вновь вступающими в него молодыми, самоотверженными бойцами. Пускай другие газеты поют свою устаревшую пес-

ню об уважении к церкви и традициям предков. Какие тут предки, когда время идет вперед и народы обновляются духом и идеями! Теперь не век церкви, Бога и молитв, а равенства и братства всех наций и сословий. Теперь век социализма, в котором мы, армяне, также должны принять участие, иначе что скажет история?..*) «Мшак» призван быть органом социализма, и самое имя его обозначает в прямом смысле рабочего. Работник и рабочий — не все ли равно? А потому нечего обращать внимание, что пишет нам тот из Константинополя, и пусть он носится с тамошними «хососами»**), со своими проектами о ссудных банках, о сельскохозяйственных школах и тому подобным глупостям для Турецкой Армении, а мы сделаем свое дело. Цензурных затруднений для нашей пропаганды нечего бояться. Ведь мы не такие дураки, чтобы идти прямым путем к нашей цели. Будем писать так, чтобы читатель понимал все между строк. Да, наконец, «Мшак» пользуется хорошей репутацией у местных властей; известно, что он всегда ругает свой народ, даже Эчмиадзин, следовательно, национальных тенденций у него нет. К тому же, мы знаем, что такое русское начальство у нас: раз оно составит о ком-нибудь то или иное мнение, так и удержит его до конца. Благо, Арцруни сын генерала, притом умеет поддерживать наилучшие отношения с властью имущими, никогда на него не будет никакого подозрения, а для полного успокоения себя и одурачения цензурной власти будем писать по временам хвалебные гимны русскому правительству, и также статьи, хотя бы в извлечениях, необходимо помещать в местной русской газете***). Недаром говорит

*) А это «участие в социализме» проявилось в том, что во имя патриотических целей они облапошили доверчивую публику и на общественные деньги кто из них приобрел нефтеносную землю, кто выстроил себе пятиэтажный дом, кто открыл магазин, иные же поехали в Петербург, Москву и за границу для довершения образования, после чего выгодно устроились на коронной службе в обеих столицах...

**) Этот презрительный эпитет дается русскими армянами своим сородичам в Турции и обозначает порывистого и пус-того человека.

***) После смерти Арцруни в 1892 г. подобные тенденциозные статьи появились о его деятельности почти во всех

персидское изречение: «С чертом нужно дружить, пока на мосту». Будем дружить с властями и вотрем им в очки. А если кто-нибудь из наших противников разоблачит нашу политику, мы сразу нагрянем на него и всеми мерами заставим замолчать. Наконец, в наших руках есть готовый аргумент для их сокрушения: мы напишем доносы на них, выставим в переводе их же статьи в защиту армянской церкви и национальности. А ну-ка пусть они выйдут что-нибудь подобное из наших статей!»

Вот как планировали и как начали действовать политики тифлисского Головинского проспекта, после сытного обеда шашлыком в ресторане «Тилипучур». Бывало, кто-нибудь из них возражал против поднятия восстания в Турецкой Армении, заметив, что всех армян там вырежут и толку никакого не выйдет. Такого засыпали сейчас насмешками, говоря: «Дурак ты эдакий, пусть себе вырежут, жалко что ли тебе этих «хососов»? На что их бессмысленное существование? По крайней мере может случиться, что избиением одной их половины спасется другая. В Армении тогда, наверное, будет княжество вроде болгарского, и мы пойдем туда занимать подходящие для нас места. В сущности нам же будут они обязаны своим новым положением, а потому никому, как нам, должно быть предоставлено управление ими. Министр в Армении или в России — не тот же ли высокопревосходительный человек? А кто мы такие теперь здесь, без настоящего и без надежды на будущую обеспеченную жизнь? Сделаем что можно и для себя и для турецких армян!»

русских газетах и журналах. Для примера приведу следующую: «В конце декабря в Тифлисе скончался известный армянский писатель Г. И. Арцруни. Недавно он праздновал 25-летие своей плодотворной деятельности. Арцруни принадлежал к числу тех вождей армянского народа, которые, горячо отстаивая его интересы, с неменьшей энергией выступают на защиту интересов нашего великого общерусского отечества. Газета «Мшак», редактором которой был Арцруни, была органом именно этого направления. Воздавая должное усилиям покойного даровитого публициста, пожелаем, чтобы ему нашелся достойный преемник, чтобы росло и крепло то благородное дело, которому так самоотверженно служил Арцруни.» (См. «Русская Мысль» за январь 1893 г.).

Такова была «либеральная» и «высокогуманная» программа, выработанная новыми заправилами редакции «Мшака», взявшими Григория Арцруни всецело в свои руки.

* * *

Все камни для разрушительного завала были уже в полувисячем положении на пространстве огромного ската; недоставало только, чтобы кто-нибудь тронул первый камень сверху. Но вместо одного камня было тронуту очень много. Собрали уйму денег и, уделив малую толику на путевые расходы восторженным молодым людям, одних отправили за границу основывать там революционные листки на армянском языке, а другую партию послали в Армению для агитации среди темной массы. Смотревшие на Россию, как на исконного врага Турции и единственную защитницу христиан на Востоке, несчастные турецкие армяне в дебрях Малой Азии охотно поверили словам злых гениев своего народа, будто само русское правительство послало их туда с поручением передать, что настал час освобождения армян и при первой пролитой ими крови генерал Тер-Асатуров во главе русских войск вторгнется с Кавказа в Турцию и, как саранчу, будет бить турок. И в чем еще не уверяли их, говоря подчас именем царского приказа и как будто с благословения эчмиадзинского владыки*).

Так началось движение армян в Малой Азии, повлекшее за собой для многострадальной Армении ужасы Тамерлана! Винить в этом английское правительство, по моему убеждению, грешно. Оно

*) После выяснилось, что главные агитаторы в Армении были подкуплены турецким правительством. Получив полную гарантию в своей безопасности, они возбуждали народ, чтобы дать повод турецкому правительству для поголовного истребления армян и таким образом раз навсегда отделаться от «армянского вопроса».

Подобными же агентами турецкого правительства считаются и те, которые ворвались в Османский банк с целью будто бы взорвать его. За этим последовало заблаговременно подготовленное, двухдневное избиение армян в Константинополе.

никогда не поощряло армян к восстанию. Речи же английских либералов и разные митинги — вещь совершенно обыкновенная в Англии. Это еще не значит, что английское правительство было инициатором подобных демонстраций. Однако я вовсе не хочу сказать, что Англия не хотела бы воспользоваться смутами в Турции для упрочения своего господства в Египте и извлечения из них еще других выгод. Это — само собою. Но насколько мне известно, англичане никогда не посылали специальных эмиссаров в Армению и не говорили устами своих агентов турецким армянам: «Восстаньте, я обещаю вам свою помощь». К турецким армянам оно не относилось так жестоко, наоборот, оно было настолько гуманно, что через своего посла в Константинополе препроводило более миллиона рублей, собранных герцогом Вестминстерским для облегчения участи горемычных вдов и сирот в Армении, после ужаснейшего погрома, когда-либо виденного в истории человечества! Признаемся же, положив руку на сердце, что ведь нигде более не подоспела такая помощь этим жертвам неслыханного изуверства...

* * *

Мне было очень тяжело, — продолжает г. Никогосов, — читать в иных органах русской печати крайне враждебные к армянам статьи в то время, когда их избивали в Турции десятками тысяч. Но знали ли эти органы, что мы сами взлелеяли на своей груди ужаливших нас змей? Получила ли какая-либо редакция хоть одну статью от армянина, в которой откровенно бы говорилось: «Русский брат, за что так жестоко караешь нас? Ведь армянский народ состоит из таких же христиан, как ты; ведь он никогда не мог питать неприязни к русским братьям, освободившим его от персидского ига. Так в чем же дело? За что ты ненавидишь нас всех и наносишь такие тяжкие удары нашим истерзаным сердцам? Врагов России ищешь в нас? Вот они! Они и наши злейшие враги. Бей их, карай их, требуй для них каторги и виселицы, мы благосло-

вим тебя за это, но оставь нас, несчастный народ, в покое!»...

Увы! В таком духе никогда ни одной статьи не появлялось в русской печати^{*)}. Она не знала настроя русских армян и разжигателей народных страстей; не знала о существовании партии среди этих армян, которая одна мутит, портит, разрушает и держит протестующих в страхе и кабале; не знала, какого рода главари из-за своих личных интересов являются носителями красного знамени, увлекают за ним наивную молодежь и ведут ценою её гибели к ниспровержению всего, на чем зиждется весь социальный строй, вся духовная жизнь армянского народа, его семейные и патриархальные нравы, вековые традиции, общественное мировоззрение и высокий идеал, воплощенный в понятии о светском и духовном авторитете — Вожде русского народа и главе своей церкви. Не зная, говорю, всего этого, не без основания возмущающиеся органы русской печати несправедливо обобщают зло и переносят его на все народные слои и даже на духовенство, между тем, как это последнее само преследуется организованной партией чуть не террористов, имеющих в своих руках газету «Мшак» и в своих рядах, к несчастью, даже некоторых духовных пастырей^{**)}.

Остальная армянская печать с духовенством в главе не в силах бороться против нарушителей общественного спокойствия, владеющих крупными материальными средствами, перехваченными ими у доверчивого народа, во имя освобождения Армении, которую они же потопили в озере крови. Этими средствами они легко вербуют везде и всюду готовых прислужников, которые при малейшей попытке смельчаков раскрыть истину начинают бить тревогу и, взывая к памяти своего лжепророка,

*) Между тем, иные редакции получали только анонимные письма с площадной руганью. На это-то и горазды краснобаи-«деятели».

***) Не излишне здесь заметить, что эта партия при последнем избрании католикоса выставила своим кандидатом на эчмиадзинский престол архиепископа Аристакеся Седракяна, уверяя народ, будто он считается persona gratissima у русского правительства. Но так ли это?

Григория Арцруни, возбуждают против них пылкие умы, направляют на них заблуждающуюся молодежь и чернь, инсинуируют перед народом и властями, подвергают разным гонениям и лишениям, даже угрожают смертью, подбивают на преступный шаг невежественных изуверов и, таким образом, заглушают протестующий голос, затирают и уничтожают всякого, кто отважится отдернуть завесу и выставить перед обществом ужаснейших злодеев своего народа и правительства! Все это зло остается пока еще локализованным в пределах армянской жизни, но оно легко может выйти из них и причинить такие беды, от которых ужаснется сама Россия и которые лягут вечным пятном на армянский народ!..

Мы, армяне, — прибавляет г. Никогосов, — ради наших же интересов, ничего не должны скрывать от русской печати. Ни один орган этой печати не может быть врагом народа, который является нераздельным членом русского государства. Даже турецкая печать до последнего времени стояла за армянский народ, выделяя из него зловредные элементы как недостойных его представителей. Укрывая худших из разбойников среди нас, мы будем похожи на тех татарских поселенцев-фанатиков в Закавказье, которые, спасая разных убийц и грабителей от русских властей, думают, что тем совершают какой-то религиозный подвиг. И за такой «подвиг» больше всех достается самим же укрывателям от тех же разбойников.

Нашим чистосердечием и честным отношением к русской печати последняя, надо быть уверенным, никогда не злоупотребит, наоборот, поспособствует только восстановлению всегда существовавших братских отношений между русскими, армянами и грузинами. Ермолов, Мадатов, Паскевич, Воронцов, Аргутинский, Муравьев, Бебутов, Андроников, Бярятинский, Лазарев, Лорис-Меликов, Тер-Гукасов, Гейман, Чавчавадзе, Амилахвари, Амираджиби и плеяда других славных героев дружно вели побе-

доносные полки против врагов России, никогда и не помышляя, что религия и национальность могут служить какой-либо помехой для верного и самоотверженного служения Царю и Отечеству. Отчего же не быть этому и впредь?

VI.

Выслушав мое повествование о деяниях мшакистов, заметил г. Никогосов, вы можете предложить мне вопрос: «Если вы имели какое-либо влияние среди турецких армян, как же вы не могли в бытность вашу в Турции парализовать действия агитаторов и отрезвить тамошнюю армянскую молодежь, хотя бы посредством печатного слова?». На это он ответил следующее:

Помимо забот общественного характера, я все время вел в Константинополе еще тяжелую борьбу за свое существование, не будучи в состоянии никому открыть свое положение, чтобы не уронить себя в глазах тамошних армян. Всем известен людской предрассудок — не питать уважения к человеку нуждающемуся. Я с трудом перебивался изо дня в день, не находя постоянных и подходящих занятий. Писал в тамошних газетах очень много, но все это бесплатно. Временное облегчение я почувствовал лишь тогда, когда главный агент русского общества пароходства и торговли Я. И. Коростовцев назначил меня помощником директора состоящих в ведении агентства двух русских почт в Константинополе, желая пробить некоторую брешь в составе этого агентства, в котором все служащие были почти исключительно греки. Но, вслед за уходом и скорой смертью главного агента я лишился и этого места. Сменивший его австрийский славяно-католик, некто Югович, выросший среди греков в Константинополе, являлся более греком, чем сами греки, которые заволокли правление русского пароходства в Стамбуле и других портах, с самого его открытия. Поэтому, на меня как на бывшего русского офицера смотрели здесь с крайней ненавистью. Тогда я сообщил о своих стесненных обстоятельствах Н. П. Ланину, бывшему редактору-издателю «Русского Курьера» в Москве. Он немед-

ленно назначил меня своим представителем в Константинополе для сбыта там его фруктовых вод, дал средства на открытие конторы и рекомендовал меня некоторым московским торговым фирмам. Я старался ввести его воды во дворец, для сбыта же их частным лицам представлялась непреодолимая конкуренция со стороны местных производителей разных лимонадов самого низшего сорта, шедших по весьма дешевой цене. После долгих хлопот сделать Ланина поставщиком султанского двора я потерпел полное фиаско: враги русской производительности в Константинополе, иностранцы, успели вразумить дворцовую камарилью, что в моих стремлениях кроется затаенная цель отравить, посредством русских фруктовых вод, весь дворец, начиная, конечно, с самого султана Абдул-Гамида II. Суконные, бумажные и иные производства московских фабрик, по своей дороговизне, также не выдерживали конкуренции с европейской индустрией. При всем этом я сохраняю всегда искреннюю признательность к памяти покойного Н. П. Ланина, давшего мне возможность хоть сколько-нибудь приличного существования, показывая *bonne mine à mauvais jeu* среди тамошних армян.

Агитация мшакистов в Константинополе и по всей Армении происходила посредством рассылаемых из-за границы, в виде писем, тоненьких газет. Что писалось в этих газетах, не всякий раз я мог знать, а если бы даже и знал, то в качестве кого я выступил бы с разоблачением разных тайн, касающихся турецкого правительства? Вся тамошняя армянская печать и без меня уже достаточно увещевала горячие головы не внимать злым советам, но кто же ее слушал?

Однако и при таких обстоятельствах я делал все, что было в моих силах, и не переставал спрашивать некоторых благонамеренных и просвещенных турок, находившихся в числе приближенных султана, объяснить падишаху невозможность дальнейшего пребывания его христианских подданных в столь тягостном положении; предостерегал против могущих вспыхнуть крупных смут, от которых одинаково страдают и турки, и армяне; ставил на вид традиционную верность армян туркам, наконец, и

плачевное состояние самих турок, не менее нуждающихся в улучшении режима, и пр., и пр.

Известный венгерский ориенталист, профессор Арминиус Вамбери, пользовался большим благоволением султана. В 1889 г., когда он приехал в Константинополь, я познакомился с ним и представил ему несколько почтенных лиц из среды константинопольских армян, людей старых и много потрудившихся на благо своего народа. Эти старцы по душе с Вамбери и просили его стать ходатаем армян перед султаном, чтобы успокоить взволнованные умы и предотвратить зло, подготавлившееся посредством подпольной агитации. А я письменно повторил Вамбери, после его отъезда из Константинополя, свою просьбу о том же самом, уверяя его, что русское правительство решительно ни при чем в начинавшемся движении армян в России и Турции, упрашивал его принять активное участие в улажении внутренних затруднений в Турции, указывал на умеренные требования турецких армян и дурные последствия безучастного отношения турецкого правительства к судьбе малоазиатских христиан и т. д.*). Я был уверен, что мои письма, полные предупредительности к его заслуженной личности и почтения к особе султана, он отошлет в Ильдиз-Киоск, и писал их так, как я мог бы говорить в любой газете в Турции и России или пред самим султаном. Вамбери, рьяный туркофил, в ответных письмах только осыпал меня комплиментами и выражал горячее желание, чтобы восстание армян было предупреждено, как дело грозящее им гибелью, хотя он напрасно приписывал мне какое-либо влияние на ход революционных событий в Турции.

* Дотоле яростно нападавший в «Times»-е на турецких армян Вамбери, под влиянием ли искренних заявлений вышеуказанных старцев или моих писем, несколько изменил свой взгляд на дело и стал затем высказываться в немецкой печати в пользу реформ в Турецкой Армении. (См. *Münchener Allgemeine Zeitung*, 1890 г., № 221 и 225, «Das Nationalerwachen der Armenier»).

Султану Абдул-Гамиду II тогда стало уже известно обо мне, вероятно со слов Вамбери или трех приближенных его маршалов, одного из которых, престарелого Измаила-Курд-пашу, я хорошо знал еще в Эрзеруме. И вот в один прекрасный день, около 6 часов вечера, в мою контору прискакал флигель-адъютант султана Шакир-бей и объявляет, что султаном дан экстренный приказ — ирадэ, чтобы к 8 часам вечера я явился к нему во дворец и что к этому времени придет за мною в Перу придворная карета. Застигнутый врасплох, признаться, я несколько растерялся. Прежде всего я считал себя обязанным доложить об этом российскому посольству, которое потребовало бы меня от турецкого правительства в случае моего внезапного исчезновения. Но чины посольства находились еще в летней резиденции посла, в Буюк-дере, в 2½ часах езды по Босфору от Перы, стало быть, об извещении посольства, за недостатком времени, нечего было и думать, и все мои помыслы сосредоточились лишь на отыскании чистого сюртука и сорочки. К счастью, эта задача легко разрешилась случайным приходом в мою контору одного приятеля, который и одолжил мне свой сюртук, подошедший ко мне, а также крахмальную сорочку. (Имевшийся у меня мундир был слишком потерт, притом изрядно попорчен молью; да и неудобно было бы явиться в нем к падишаху, который вызывал меня не как русского офицера, а как армянского публициста). Наскоро переодевшись в «парадный костюм», я направился к квартире, чтобы ждать карету.

К назначенному сроку экипаж подъехал, и в сопровождении того же флигель-адъютанта, полковника Шакир-бея, я отправился в Ильдиз-Киоск. Дорогой в моей голове мелькали мрачные мысли, как бы меня не уколошили в крепостных стенах Ильдиз-Киоска, где господствуют лютые арнаулы и свирепые арабы. Но опасения уступали место размышлениям о том, какие вопросы могут быть мне поставлены и как нужно на них ответить. Мой спутник

немало смешил меня частым напоминанием, чтобы я не забыл замолвить о нем его величеству два-три словечка, как об «образованном офицере и вернейшем его рабе».

Я был принят в Шале-Киоске, где помещался один из кабинетов султана. Перед моим входом туда Шакир-бей еще раз повторил свою просьбу. В кабинете я сейчас же приступил к своей задаче и начал говорить; благодаря ласковому приему, я не чувствовал никакого стеснения, и речь шла так свободно, как будто я находился на высоком амвоне проповедника в армянском соборе в Кум-Капу. Были затронуты почти все вопросы, касавшиеся турецких армян. Моя конечная цель и самый важный пункт, на который я напирал, состоял в том, чтобы защитить популярнейшего в армянском мире прелата, Мкртича Хримяна, против возведенных на него клевет и убедить султана вызвать его официально и уважить его ходатайство за армян. Речь продолжалась почти безостановочно с 8½ часов до 12½ ночи, после чего я был угощен сластями и отпущен домой в придворном же экипаже. Шакир-бей нервно ждал меня у ворот дворца, чтобы узнать, сказал ли я о нем что-нибудь?..

Но эта аудиенция у султана и горячая просьба о вызове Хримяна ни к чему не привели. Хримян вскоре был выслан в Иерусалим, а я в Россию (7 января 1891 г.)^{*)}.

Вот все, что я мог сделать в Константинополе для успокоения умов турецких армян и для парализования тайной пропаганды, т. е. в результате — ничего.

Главные пружины армянского движения, как уже было сказано, находились на русской территории. Незадолго до случившегося со мною эпизода в Константинополь приехал некий московский публицист, армянин, по своей внешности похожий на Гр.

^{*)} При желании воспользоваться обстоятельствами в своих личных выгодах, я бы, конечно, не был выслан, а принял бы неоднократно сделанное турками предложение надеть мундир их штаб-офицера, чтобы употреблять свое знание России, Турции и армянских дел на пользу турецкого правительства, но...

Арцруни как две капли воды. Он привез мне рекомендательное письмо от профессора Московского университета, покойного Н. И. Нерсесова. Из этого письма я заключил, что приезжий имел целью изучить на месте национальные дела. Я его поместил на той же квартире, где и сам жил, с тем, чтобы иметь больше возможности разъяснять ему ужасные последствия для турецких армян начатой в России пропаганды, если она будет продолжаться. Но оказалось, этот хваленый публицист только хотел составить себе популярность подливанием масла в огонь. Фиглярничая и лебезя перед членами русского посольства, от которых тщательно скрывал цель своего приезда, он кое-что узнал от некоторых армян о подготовляющихся в Турции событиях, и вскоре куда-то пропал. Не прошло двух-трех месяцев, как, вернувшись на Кавказ, я узнал что одним из влиятельных главарей мшакистской партии состоял именно этот публицист. Затем появилась его забавная брошюра на русском языке, в которой он пускался в своеобразную полемику — и то под псевдонимом — с вымышленным турецким публицистом и метал из-за тридцати земель грома и молнии на Турецкую империю. И в довершение курьёза, он распустил о себе слух, что султан будто бы домогался подкупить его орденом Меджидие и что он, как рыцарь патриотизма, с негодованием отверг султанскую милость. Однако этот патриот а ля Арцруни с лишком 20 лет перед тем жил в Москве и ни строки не писал об армянах, а под фирмой русского либерализма занимался лишь выгодными гешефтами, сделавшими его, заурядного компилятора, богаче даровитейшего из русских писателей...*)

Этот факт может служить достаточной иллюстрацией легкомысленного и недобросовестного отношения даже лучших представителей русско-армянской интеллигенции к судьбе своих собратьев в Турции.

*) После оказанного им содействия гибели турецких армян, он занят теперь замалчиванием своих грехов, взывая к милосердию добрых людей, чтобы облегчить участь беспо-

* * *

Засим остается поговорить еще о двух категориях людей, от которых немало терпел и терпит армянский народ. К первой относятся служащие в столице чиновники армянского происхождения, а ко второй — армянские богатеи в Москве, Нахичевани, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Тифлисе, Баку и Астрахани. О тех и других нужно говорить пространно, но об этом в другой раз. А пока скажу, что служба в столице чиновников, а также и офицеров из армян, является большим злом для интересов армянского народа, да и самого русского правительства. Они не родовитые люди, как основатели Лазаревского института, и не такие князья, как, напр. Аргутинские, чтобы жалели армянский народ и, при случае, являлись достойными ходатаями за него перед правительством. Эти господа по своему происхождению какие-то разночинцы, приставшие к тому или другому правительственному учреждению в Петербурге и разыгрывающие в своем народе роль «сильных людей», но какую двойственную и пагубную роль! Очередь теперь за этими.

Заканчивая на этом изложение повествований Г. Н. Никогосова, я считаю излишним делать какие-либо комментарии к фактам, представленным мною со слов деятеля, горячо преданного интересам своего народа и немало перенесшего нравственных и материальных испытаний ради правдивого служения этим интересам. Идти против образовавшегося в умственных центрах течения, бороться с охватившими общество страстями, говорить правду в глаза, отстаивая известные убеждения, — дело не легкое и сопряженное со многими невзгодами. Одно уже то, что г. Никогосов, в течение восьми лет своего

мощных сирот в Турецкой Армении. Благодаря его призывам из 50 тысяч сирот спасены пятью архимиллионерами из русских армян всего 25 душ, для которых устроен временный приют. (См. «С.-Петербург. Ведом.» 1878 г. № 343). Спасибо и за это! Между тем немецкая женская школа в Бейруте одна приютила, в качестве «приемшей немецких дам», 54 девочки, сирот (см. «С.-Петербург. Вед.» 1898 г. № 346).

пребывания в Петербурге не высказывался в печати, может дать достаточное понятие о состоянии его души, всегда раввавшейся, насколько я могла его понять, к обильным и откровенным излияниям. Этим, между прочим, можно объяснить некоторую жесткость тона и резкость выражений, которые слышатся в его отзывах об армянской интеллигенции в России.

При изложении подробностей об этой интеллигенции, я, хотя, строго говоря, не имела права особенно уклоняться от точной передачи его мыслей, за всем тем сочла нужным смягчить и даже опустить многие места из лившейся бурным потоком его речи.

Что же касается собственно армянской интеллигентной молодежи, признаться, я не совсем разделяю мрачные взгляды на нее Г. Н. Никогосова. Если она возводит в идеал недостойных людей — это еще не показывает недостатка в ней нравственности, наоборот, доказывает лишь то, что она ищет идеала для своих благородных стремлений и поэтому с жадностью хватается за всякого, жизнь и деяния которого изображают ей в заманчивых красках. Но она не может отличить мишуру от золота, фальшь от правды, и в этом виновата, по моему глубокому убеждению, ее неопытность, но не извращенность.

Во всяком случае, рассказы Г. Н. Никогосова о влиянии Григория Арцруни и его ближайших сорудников на развитие армянского движения в Турции, с его известными последствиями, должны представлять высокий интерес для всякого читателя, к какой бы нации он ни принадлежал.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаза, Виктор Афанасьевич, из русского дворянского рода молдавского происхождения; В. А. Абаза был генерал-лейтенантом, известным одновременно в качестве автора книг «История России для учащихся» (1885) и «История России для народа» (1886).

Аббас I, по прозванию Великий, шах, седьмой повелитель Персии из династии Сефидов (1557—1628). Занял престол в 1585 после убийства двух старших братьев; распространил владычество на большую часть Афганистана, часть Армении и Грузии, расширив владения от Тигра до Инда; отличался относительной веротерпимостью к христианам. Перед смертью убил собственного сына и назначил престолонаследником внука Софи-Мирау, будущего шаха Аббаса II.

Абдул-Гамид II, 34-й султан Турции (1876—1909); пришел к власти после свержения своего психически ненормального брата Мурада. Социально-политическому и экономическому кризису в Турции Абдул-Гамид пытался противопоставить панисламистскую пропаганду с концепцией Великого Турана, постоянно разжигал межнациональную вражду, убеждал турецкое население в том, что причина всех бед — христиане, особенно армяне, и поощрял их погромы.

Абрагамович, Давид (род. 1843), австрийский политический деятель, богатый землевладелец в Галиции, редактор польского сельскохозяйственного журнала, с 1875 член галицийского сейма, с 1881 — в рейхсрате, в 1893 — вице-президент, а в 1897 — президент рейхсрата, парламента.

Агабабов, Николай Иванович (1750—1810), армянин, переселившийся в Россию при имп. Александре I; основал в 1810 армянское Агабабовское училище в Астрахани, существовавшее до 1917.

Агаян, Газарос (1840—1911), армянский писатель, педагог, переводчик.

Адамян, Петрос (1849—1891), армянский актер-трагик, много гастролировавший по России; имел большой успех в шекспировских ролях.

Адрианопольский мир (1829), договор между Турцией и Россией, по которому Порты, несмотря на поражение, получила назад захваченные русскими Молдавию, Валахию, земли в Болгарии и Румелии.

Айвазовский, Габриэл (1812—1879), старший брат мариниста И. К. Айвазовского, известный ориенталист, религиозный и культурный деятель. Родился в Феодосии, учился у мхтаристов в Венеции, был преподавателем восточных языков, а с 1848 директором армянской коллегии Самуила Моората (Самвела Мурада) в Париже, один из основателей армянского Халибовского училища в Феодосии, автор книги «Очерки

истории России» (на арм. языке, Венеция, 1836), «История Османского государства» (в 2-х томах, на арм. языке, Венеция, 1841).

Айкуни, Арменак (Чизмечян, Амбарцум) (1835—1866), армянский писатель, общественный и культурный деятель, издатель.

Акоп IV Джугаеци (1598—1680), армянский католикос (1655), в вопросе освобождения армянского народа придерживался европоцентристских тенденций, был автором письма русскому царю Алексею Михайловичу с надеждой на помощь России.

Акоп V Шамахеци (конец XVII—1763), армянский католикос (1759), деятель национально-освободительного движения, обращался с письмом к имп. Елизавете Петровне (1760) с просьбой содействовать освобождению от персидского ига.

Александр II Освободитель (1818—1881), император Всероссийский, старший сын имп. Николая I; воспитанник поэта В. Жуковского, на престоле с 1855; отменил крепостное право, вернул осужденных декабристов, осуществил судебную реформу, отменил цензуру, провел ряд других демократических реформ, подготовленных М. Т. Лорис-Меликовым.

Александр-Невская лавра, основана в 1710 на берегу Невы и Черной речки в С.-Петербурге в память о победе Александра Невского над шведами. Сюда по воле Петра I были перенесены в 1724 останки Александра Невского. В лавре в конце XIX в. было 12 церквей, монастырский комплекс, библиотека и т. д. В лавре на трех кладбищах похоронены некоторые особы дома Романовых, а также крупные деятели культуры — Ломоносов, Фонвизин, Шувалов, Крылов, Карамзин, Гнедич, Сперанский, Глинка, Серов, Достоевский и др.

Алексей Михайлович (1629—1676), второй царь из рода Романовых (1645—1676), был довольно умен и образован, отличался религиозностью и мягкостью характера, вел активную внешнюю политику, присоединил к России Украину.

Алексей III Ангел, византийский император (1195—1203), внук дочери имп. Алексея I Комнина, присвоивший себе династическое имя Комнин.

Алишан, Гевонд (Леон) (1820—1901), армянский поэт, филолог, историк, член армянской католической конгрегации мхитаристов.

Алхазов, Яков Кайхосрович (1826—1896), генерал от инфантерии, член военного совета; с 1874 воевал на Кавказе, участвовал во взятии Карса (1877), где его именем была названа одна из улиц города.

Альпслан, Альп-Арслан (1030—1072), сын Тогриг-бека; военачальник и султан турок-сельджуков; подверг Армению разорению.

Аммиан Марцеллин (ок. 330—ок. 400), крупный историк античного мира, чьи труды содержат важные сведения по социальной истории поздней Римской империи, являясь как бы продолжением летописи Тацита; автор сочинения «История римского государства в 96—35 гг.».

Аппоний Марк (83—30 до н. э.), римский политический деятель, член второго триумvirата (Октавиан, Марк Антоний, Лепид); активно воевал в Африке и Азии, был управляющим восточными провинциями.

Английская боллезнь — так именовался в XIX веке рахит.

Ани, замок, крепость и город на правом берегу реки Ахурян в Армении; в V—VIII вв. — владение князей Камсараканов, а затем — Багратуни, при которых Ани стал крупным городом и столицей Анийского царства (с 961). В X—XIII вв. в Ани было около 10 тысяч домов и свыше 100 000 жителей. Он превратился в крупнейший экономический и культурный центр Армении. В 1045 Ани был захвачен Византией, а в 1064 — сельджуками, сильно разрушившими его. В 1199 Ани был освобожден, но в 1236 взят монголами. В XIV веке был разрушен и потерял свое значение. Сохранились развалины Ани (ныне в Турции), где в 1892—93, 1904—16 занимался раскопками Н. Я. Марр, открывший руины дворцов, гостиниц, храмов и других построек.

Аракс, река, правый приток Куры, длина 994 км, берет начало на склонах хребта Бингель (ныне в Турции).

Арбельская битва, произошла 13 октября 331 до н. э. близ города Арбела (ныне Эрбиль, на севере Ирака) на Гавгамельской равнине, где Александр Македонский разбил персидские войска Дария Кодомана.

Аргутинские-Долгорукие, князья армянского происхождения; одним из предков этой фамилии был армянский патриарх Иосиф Аргутинский (Аргутян) (1743—1801), известнейший дипломат своего времени, автор проекта договора с Россией об освобождении Армении (1783). За услуги, оказанные Россией, Иосиф Аргутинский вместе с братьями и племянниками получил от имп. Павла I (1800) титул князя. Широко известен был Моисей Захарович Аргутинский-Долгорукий (1798—1855), проявивший себя в русско-турецкой войне 1827—28; завоевал нагорный Дагестан, где с 1844 в чине генерал-майора являлся командующим войсками, затем был назначен Дербентским военным губернатором, позднее командующим войсками и гражданским губернатором Прикаспийского края. Умер в чине генерал-адъютанта при двух орденах Св. Георгия, орденах Анны, Белого Орла, Александра Невского, Владимира; получил за храбрость золотую шпагу с алмазными украшениями.

Аристакее-Ластивертци (Ластивердский), армянский историк XI в., автор «Истории» (1072—79).

Артавазд I, армянский царь II в. до н. э., стал царем после своего отца Арташеса I.

Артавазд II (ум. 34 до н. э.), царь Великой Армении (56—34), сын Тиграна II; боролся за суверенитет Армении; разбит Кресас, Артавазд II вернулся в Армению ранее захваченные Римом Софону и Малую Армению. В 34 римский полководец Марк Антоний вторгся в Армению, обманом захватил Артавазда II, увез его в Египет и там казнил. Артавазд II был широко образованным человеком, писавшим стихи и драмы для театра.

Артавазд III, армянский царь конца I в. до н. э., сын Артавазда II; около четверти века был заложником в Риме, а затем ставленником Рима в борьбе против армянского царя Тиграна IV и царицы Эрато, но был свергнут народным восстанием.

Артавазд IV (I в. до н. э. — 5—6 н. э.), царь Атрпатакана (Атропатены) и Великой Армении, сын и наследник царя Ариобарзана.

Артавазд V (III в. н. э.), армянский царь (253—272); при-

шел к власти при помощи Шалуха I, когда Армения подчинялась Сасанидам.

Арташес I (Артакси́й) (ум. ок. 160 до н. э.), царь Великой Армении (с 189), сын Зареха из династии Ервандидов. После поражения Селевкидов в битве с римлянами при Магнезии в 190 возглавил восстание армян против Селевкидов и провозгласил независимость Великой Армении, став основателем династии Арташесидов. Арташес I значительно укрепил и расширил свои владения, перенес столицу из Армавира в Арташат.

Арташес II (ум. ок. 20 до н. э.), армянский царь (с 30), сын Артавазда II, ощутимо расширил территорию Армении.

Арташес III Арташи́р (IV—V), армянский царь (422—428), последний царь армянской династии Аршакуни, сын царя Врамшапуха; вел политику компромиссов; при нем Армения была аннексирована Сасанидами.

Арташир I (ок. 180—239 или 241), иранский царь (с 226), основатель династии Сасанидов, внук Сасана.

Арцруни (Арцруниды), влиятельный армянский нахарарский род, известный с IV в. Родовой домен Арцрунидов находился в верховьях реки Большой Заб. В конце VII в. Арцруниды присоединили домен нахарарского рода Рштуни — южное и восточное побережье оз. Ван, затем подчинили область Васпуракан. В IX в. Арцруниды соперничали с Багратуни. При Гагике Арцруни (908—943) их владения стали именоваться Васпураканским царством, просуществовавшим до 1021. Нашествие сельджуков и наступление Византии, получив взамен земли в Малой Армении с центром в Себасти (ныне Сивас). Наследственной привилегией Арцрунидов была должность Ахтамарского католикоса с резиденцией в монастыре Сурб Хач на острове Ахтамар. Махнабердские Арцруниды сыграли видную роль в борьбе с монгольским владычеством.

Арцруни, Григор (1845—1892), армянский публицист и общественный деятель, либерал; основатель (1872) и редактор газеты «Мшак»; придерживался прорусских настроений, был сторонником реформ.

Аршака I (ум. 35 н. э.), армянский царь (с 34), сын парфянского царя Артабана III, был убит в результате заговора.

Аршакиды (Арсакиды), парфянская династия, правившая в Парфянском царстве (250 до н. э.—224 н. э.). Аршакиды возводили свой род к персидскому царю Артаксерксу II и считали себя продолжателями династии Ахеменидов; народная традиция связывает Аршакидов с мифическим хорезмийским героем Сиявушем, а историческая традиция считает рок-дональчиком Аршакидов вождя племени парнов, Аршака. Подлинным основателем Парфянского царства был Тиридат I, отождествляемый некоторыми учеными с Аршаком I.

Аршакиды, Аршакуни армянские; царская династия, родственная Аршакидам парфянским. Основана Тиридатом I (62—80). Парфия присылала претендента на престол с санкции римского императора. После падения парфянских Аршакидов и прихода к власти в Иране Сасанидов (226) армянский царь Хосров I Великий (217—238) не признал Сасанидов и власть Аршакуни стала наследственной. В правление Аршакуни в Армении складывались феодальные отношения. При Трдате (Тиридате) III Великом (287—332) христианство стало в 301 г.

государственной религией Армении. Власть Аршакуни пала в 428.

Ассирия, сначала полоска земли между Тигром, Нижним Цабом и Курдскими горами, заселенная семитским племенем ассириан, которое звало свою страну Ассур. Позднее этим именем стали называть земли по обе стороны Тигра, а затем и все государство, простиравшееся в XII в. до н. э. до Средиземного моря.

Астнаг, сын Циаксара I, мидийский царь (585—550 до н. э.), свергнутый Киром.

Астхик (Гантарчян Ампер) (1852—1884), армянская актриса и певица (контральто).

Ашот — имя нескольких армянских царей из династии Багратуни (Багратидов). **Ашот I** Багратуни (ум. 891), основатель династии Багратуни, правил с 886. Ашот I возглавил борьбу за объединение и независимость Армении, подчинил крупных феодалов, получил поддержку церкви; в 886 разбил арабов и получил корону, посланную арабским халифом и византийским императором. **Ашот II Железный** (ум. 928) правил с 914, вел упорную борьбу с арабами, разбил арабскую армию (921) на берегу оз. Севан и очистил от захватчиков большую часть Армении. **Ашот III Милостивый** правил в 953—977, имел сильную постоянную армию; перенес свою резиденцию из Карса в Ани (961), который сыграл большую роль в качестве объединяющей столицы Армении. При Ашоте III велись крупные строительные работы, быстро росла столица, наблюдался расцвет культуры.

Багатурян (Багатрян), Араке́л (1848—1883), армянский педагог, психолог; общественный деятель, основатель армянского женского общества и библиотеки в Симферополе.

Багратиды (Багратуни), царский род Армении и Грузии, происходит от Баграта, которому было в 150 до н. э. дано право возлагать корону на армянских царей. Ядром владений Багратуни был Ширак. Царская династия Багратуни достигла своего расцвета во 2-й половине X — начале XI вв. при Ашоте III, Смбате II и Гагике I. После захвата Армении Византией (1045) Багратуни утратили свою власть, но сохранили господство в Малой Азии по женской линии до 1375.

Багратюны, князь, древнейший род в Грузии, ведущий свое начало от Багратидов. Родоначальником Багратионов считается Афанасий Багратид, сын которого Ашот Куропалат (ум. 826) был царем Грузии. К этому роду принадлежала царица Тамара; известным представителем рода является видный полководец П. И. Багратюн (1765—1812).

Бакрадзе, Дмитрий Захарович (1826—1890), историк и археолог; автор книг «История Грузии» и «Кавказ в древних памятниках христианства».

Балдуи III (1129—1162), король иерусалимский (с 1143), внук Балдуина II, сын Фулько; был образцом доблестного рыцаря.

Бархударян, Геворк (1835—1913), армянский писатель, переводчик, педагог, выпускник Дарлского университета; переводил Гете, Шиллера.

Бебутов, Василий Осипович (1791—1858), князь, принадлежал к знатному армянскому роду Бебутовых, ведущих родословную от Ашхар-Бека, армянина, тифлисского мелика и градоначальника при царе Теймуразе II. Генерал от инфанте-

рии В. О. Бебутов участвовал в южных кампаниях, войне с Наполеоном; был адъютантом при главнокомандующем маркизе Пауллуччи, затем при Ермолове; проявил незаурядный военный талант при взятии Ахалцихе, за что получил золотую шпагу, украшенную алмазами; являлся начальником Армянской области, начальником гражданского управления и председателем совета главного управления Закавказским краем (1847), временно управлял Кавказским краем, был назначен членом Государственного совета.

Бенкендорф, Александр Христофорович (1783—1844), граф, генерал от кавалерии, шеф жандармов и начальник III отделения.

Бенкендорф, Константин Христофорович (1785—1828), актино воевал с Наполеоном, известен энергичными действиями против Парсии и Турции.

Берберян, Минас (1871—1919), армянский литературовед, переводчик, педагог, юрист; издал вместе с Ю. Веселовским двухтомник «Армянские беллетристы» (1893—94).

Берлинский договор (1878), документ, выработанный в результате Берлинского конгресса (1878), направленный против усиления России и нейтрализации относительно приемлемого для армян Сан-Стефанского договора (1878). Глава армянской делегации католикос М. Хримян, прибывший в Берлин, но не допущенный в зал конгресса, впоследствии писал: «В Берлине стоял большой горшок арысы (каши). Подходили делегации разных наций с железными ложками, брали арысу и уходили. Болгары, сербы, карадагцы — все забрали свою долю. Когда настала моя очередь, я с прошением в руках взмолился, чтобы мою миску наполнили кашей. Тогда хозяева спросили меня, где же моя ложка. Здесь всегда раздается каша, но не имеющий ложки не может подойти к ней...»

Тогда я стал оглядываться по сторонам в поисках моих зейтунцев, сасунцев и мушцев, чтобы, показав их окровавленные мечи, воскликнуть: «Вот наша ложка». Но не было никого... В руках у меня было бумажное прошение, которое застряло в арысе... Подумайте о ложках.

На дверях конгресса было написано: право за сильным, политика не знает милосердия, а право на конце меча. Армяне, возлюбите железо, ваше спасение в железе.

Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд (1815—1898), крупнейший германский политик, считавший, что великие вопросы времени решаются не речами и мнениями, а «железом и кровью»; сыграл отрицательную роль в решении армянского вопроса на Берлинском конгрессе.

Броссе, Мариус (1802—1888), ориенталист, арменист, знаток грузинской и армянской литератур, академик Петербургской академии, хранитель Эрмитажа (1851), издатель каталога книг эчмиадзинской библиотеки.

Брусса, Бруза, Бурса, резиденция турецких султанов до завоевания Адрианополя; расположена в Анатолии в 30 км к юго-востоку от гавани Мраморного моря. В Бруссе вторым этническим элементом были армяне; город являлся местопребыванием армянского архиепископа, состоял из трех частей — магометанской, армянской и греческой кварталов. В Бруссе похоронены шесть первых турецких султанов, не-которые в мечетях, которые были до этого христианскими храмами.

Буковина — историческое название территории, входящей ныне в состав Черновицкой области Украины и области Сучава Румынии.

Вавилон (Бука, «ворота бога»), упоминается с 4 тысячелетия до н. э., столица Вавилонии; разрушен до основания Сенехерибом в 689 до н. э., был заново отстроен Навуходоносором; Вавилон являлся одним из древнейших, крупнейших и роскошнейших городов древнего мира с площадью 490 кв. км.

Вагарш I (ум. ок. 80 н. э.), парфянский царь (с 51), пришел к власти после Вонона II. Во избежание династийной распри, Вагарш I провозгласил брата Бакура царем Атрпатакана, а другого брата Трдата — царем Армении, что вызвало столкновение с Арменией и Римом.

Вагарш I Аршакуни (II в.), армянский царь (116—144 или 117—140), сын царя Санатрука. Вагарш I возглавил освободительную борьбу против Рима и восстановил независимость Армении (117); перестроил поселение Вардгесаван и назвал его своим именем — Вагаршапат.

Вагарш II Аршакуни (ум. ок. 198), армянский царь (186—198), внук или племянник Вагарша I. Вагарш II активно и успешно воевал с Римом.

Вагаршак, легендарный армянский царь II в. до н. э. Армянская историческая традиция считает Вагаршака братом Аршака Великого или Митридата I Великого из династии парфянских Аршакидов.

Вагаршапат, одна из столиц Армении (начало II в. — 344); закладка города приписывается царю Ерванду и относится к IV в. до н. э.; в настоящее время территориально относится к Эчмиадзину.

Вагнер, Моритц (1813—1887), путешественник и естествоиспытатель, брат физиолога Рудольфа Вагнера; был купцом в Алжире, затем занялся наукой; в 1842—45 объездил берега Черного моря, Кавказ, Армению, Курдистан, Персию, позднее путешествовал по Америке; автор книги «Путешествие на Арарат и Армянское нагорье» (Штуттгарт, 1848).

Вамбери, Арминий (1832—1913), известный венгерский тюрколог и путешественник, профессор Будапештского университета; в 60-х гг. XIX в. под видом дервиша странствовал по Персии и Средней Азии; русофоб.

Вардолян, Акоп (1840—1898), армянский театральный деятель, актер и режиссер, переводчик, поэт.

Вартан Аревелци (Гандзакеци) (1198—1271), армянский историк, географ, переводчик, педагог, общественный и религиозный деятель.

Василий I Македонянин, византийский император (867—886), сын крестьянина, обратил на себя внимание имп. Михаила III силой и красотой, получил высокие государственные должности, став императором, усилил роль и значение государства, расширил границы.

Василий II Болгаробойца (957—1025), византийский император (с 976), стал тестем (или шурином) русского князя Владимира, выдав за него принцессу Анну. Василий II достиг крупных внешнеполитических успехов: разгромил арабов, вернул Аланию, значительную часть Месопотамии, завоевал Васпуракан (1020), затем Иверию; жестоко расправился с болгарями, за что и получил свое прозвище.

Вебер, Альберт (1825—1901), немецкий ориенталист, санскритолог.

«Черк Аястании», роман Х. Абовяна «Раны Армении» (1841, изд. 1858).

Веселовский, Юрий Алексеевич (1872—1919), русский литературовед, переводчик, писатель, сын А. Н. Веселовского; учился в Лазаревском институте, Московском университете; занимался популяризацией армянской литературы, издал вместе с М. Берберяном сборник «Армянские беллетристы» в 2-х томах (1893—94).

Византия, принятое в исторической науке наименование государства, возникшего в восточной части Римской империи в IV в. и просуществовавшего до середины XV в.; административно-экономическим и культурным центром Византии был Константинополь.

Вифиния, историческая область на северо-западе Малой Азии; существовала как независимое государство в III—II вв. до н. э.

Владимир (960—1015), князь киевский, стал резантно распространять христианство после взятия Корсуни и женитьбы на Анне, византийской принцессе.

Владимир Мономах (1053—1125), князь киевский, поднявший значение княжеской власти.

Владислав IV (1595—1648), король польский, первый сын Сигизмунда III и Анны Австрийской, отличался веротерпимостью и миролюбием.

Воронцов, Михаил Семенович (1782—1856), сын лондонского посла, светлейший князь, фельдмаршал; получил блестящее образование в Англии, служил на Кавказе под началом кн. Цицианова, отличился при взятии Ганджи, участвовал в войнах с Наполеоном, командовал после завершения войны оккупационным русским корпусом; с 1823 генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии, активный участник боевых действий против Турции в 1826—28, с 1844 наместник на Кавказе.

Гагик I (ум. 1020), армянский царь (с 990) Анийского царства из династии Багратуни. В его правлении Ани стал крупным торгово-ремесленным и культурным центром.

Гагик II (1024—1079), армянский царь (1042—45), сын Ашота IV; вззошел на престол в 18-летнем возрасте. По приглашению византийского императора Константина Мономаха выехал в Византию, где под нажимом императора и своих приближенных отрекся от престола в пользу Византии; позднее был убит.

Гайканский народ, гайканы, обитатели Армении, названные так по имени родоначальника армян Гайка.

Гайкиды, династия первых армянских царей, родоначальник которых, Гайк, сын упомянутого в Библии (Бытие 1.3) Тогармы. Одним из потомков Гайка был Арам, увеличивший свое государство завоеваниями и вызвавший тем самым разделение на Великую и Малую Армению. Сыном Арама был Ара, погибший в битве против Семирамиды (Шамирам). Затем царь Паруйр вновь отвоевал независимость. Гайк II был союзником Навуходоносора и участвовал в осаде Иерусалима (среди пленников-евреев, захваченных Паруйром, был Шамбата, сын которого Вагарат положил начало ставшим впоследствии известными Багратидам). В VI в. до н. э. Тигран I Гайкид

был одним из известных царей Азии.

Гакстаузен, Август Франц Людвиг (1792—1866), немецкий ученый, исследователь России, аграрник, юрист, автор книги «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847), «Заказ-казский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов между Черным и Каспийским морями» (1852).

Галиция, историческое название территорий на Западной Украине (современные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области).

Гамбетта, Леон Мишель (1838—1882), адвокат, французский государственный деятель, республиканец, блестящий оратор, много сделавший для укрепления республиканского строя; вел антигерманскую политику.

Гамильтон, Вильям (1730—1803), сэр, сын адмирала Арчибальда Гамильтона; с 1764 посол в Неаполе, где много времени посвятил археологическим исследованиям.

Гаммер, Бернгард (род. 1822), швейцарский государственный деятель.

Гаммер, Гвидо (1821—1898), живописец-анималист.

Гаммер, Юлиус (1810—1862), немецкий поэт, написавший сборник так называемых турецких песен «Под полумесяцем» (1860).

Ганнибал (247—183 до н. э.), карфагенский полководец, сын Гамилькара Барки; в 26 лет начал командовать войсками Карфагена в Испании, в 219 начал войну с Римом (вторая пуническая война) на территории Италии, совершив переход через Альпы. При Каннах Ганнибал одержал знаменитую победу (216), при этом римляне потеряли 70.000 человек. С этого времени начались и неудачи Ганнибала, бежавшего в 195 к сирийскому царю Антиоху, были затем другие царя; под конец Ганнибал остановился у финикийского царя Прузия, где и покончил самоотравлением.

Гезонд, армянский историк VIII в., автор «Истории», описывающей политическую историю Армении с 640 по 788. Последнюю часть книги писал как очевидец. Гезонд повествует об установлении арабского владычества и героической борьбе армян против захватчиков.

Геворк IV Константинопольский (1813—1882), армянский католикос (1866), участвовал в разработке Национальной конституции, но впоследствии отказался от нее; основал в Эчмиадзине семинарию Геворкян (1874); выступал против переселения армян в Закавказье после русско-турецкой войны 1877—78, мотивируя тем, что не следует бросать и оставлять туркам армянские земли.

Гегамян (Айкуни), Егеше (1840—1920), армянский историк, публицист, религиозный деятель.

Гейман, Василий Александрович (1823—1878), генерал-лейтенант, всю жизнь служил на Кавказе; командовал дивизией (с 1872); в русско-турецкую войну командовал особым отрядом (1877—78), с которым взял Ардаган, подготовил штурм Карса, выручил отряд генерала Тер-Гукасова, отличился при Деве-Бойну; умер от тифа под Эрзерумом.

Гельцер, Генрих (р. 1847), филолог, историк, сын историка Генриха Гельцера; после учебы в Геттингенском университете путешествовал по Малой Азии (1871); являлся профессором

истории в Гейдельберге и Йене; автор многих исторических работ.

Генрих V (1081—1125), император германский, сын Генриха IV, на престоле с 1105; временно восстановил мир в Германии.

Георгий Пахимер (1242—1310), византийский историк, занимал ряд церковных и государственных постов; его «История» — ценный источник для изучения Византии 1255—1308 гг.

Геродот (ок. 484 — ок. 425 до н. э.), греческий историк, происходил из знатного рода; исторический и географический материал собрал во время своих путешествий; бывал в Малой Азии, Греции, Нижней Италии, на Кипре, в Египте, плавал по Черному морю. Геродот носит имя «отца истории». Сочинение Геродота позднее было разделено на 9 книг; главная тема — борьба между варварами и эллинами, две великие греко-персидские войны. История Геродота охватывает около 300 лет, являясь сводом всех исторических знаний того времени, начиная от нападения лидийского царя Креза на греческую Малую Азию и кончая 479 до н. э.

Грация (Минасян Азнив) (1853—1920), армянская актриса. **Григор Акнерци** (Магакия), историк XIII в., чья «История татар» является одним из важных памятников периода монгольского нашествия, охватывая 1220—73).

Григор Магистрос Пахлавуни (990—1058), армянский ученый, философ, педагог.

Григор Нарекаци (Григорий Нарекский) (951—1003), армянский поэт, ученый-монах, автор известной «Книги скорбных песнопений».

Григор Пахлавуни (ум. 1099), армянский военачальник второй половины XI в., внук Григора Магистроса по материнской линии; активно действовал против турок-сельджуков.

Григор Татеваци (Григорий Татевский) (1346—1409), армянский философ, экономист, педагог, богослов, религиозный деятель.

Глинка, Сергей Николаевич (1775—1847), русский писатель, основатель журнала «Русский вестник», автор «Записок о 1812 г.».

Гораций, Квинт Горацій Флакк (65—8 до н. э.), римский поэт эпохи Августа, завоевавший славу в качестве сатирика; был поддержан Меценатом и Августом.

Гуны, народ, образовавшийся во II—IV вв. в результате смешения пришлых тюркоязычных хунну и угорских племен Приуралья и Поволжья, объединившихся с пришельцами в племенной союз. В конце IV в. начинается массовое продвижение гунов на запад, столкновение с Римом, завоевание Сирии, Каппадокии, Месопотамии, в начале V в. вторжение во Фракию и Иллирию. Обосновались гуны в Паннонии, достигнув наибольшего могущества при Атиле, дошедшем не только до Константинополя, но и до Галлии, осадившем Орлеан, вторгшемся в Италию. Как народ гуны начинают исчезать в V в.

Гутшмидт, Адольф фон (Альфред) (1835—1887), немецкий историк и филолог, ориенталист, занимавшийся Древней Грецией и эллинским Востоком; среди прочего автор книги «История Ирана и соседних стран от Александра Великого до падения Аршакидов» (Тюбинген).

Гют (ум. 478), армянский католикос (461), ученик М. Маштоца, преследовался Сасанидами за контакты с Византией.

Давид Анахт (Непобедимый) армянский философ-неоплатоник конца V — начала VI вв.; автор ряда философских трудов.

Даньель, Эрнест (род. 1843), венгерский политик, изучал право в Будапеште, член парламента (1870), специалист в области финансов и торговли; министр торговли (1895).

Делянов, Иван Давидович (1818—1897), граф, армянин, сын генерал-майора Давида Артемьевича Делянова и дочери Иоакима Лазарева Марии. После окончания Лазаревского института блестяще завершил юридический факультет Московского университета; попечитель С.-Петербургского учебного округа (1858), член Государственного совета (1874), директор Публичной библиотеки (1874), министр народного просвещения России (1882—97).

Дерптский университет, Тартуский, Юрьевский, вновь учрежден в 1802, но имел статус университета еще с 1632; до конца XIX в. оставался немецким по составу профессоров и студентов, хотя принимались юноши всякого звания и состояния, русские подданные и иностранцы.

Джаксон, Джон Адамс (род. 1825), американский скульптор, живший во второй половине XIX в. во Флоренции.

Джаксон, Томас, Джонатан (1824—1863), американский генерал, прославившийся храбростью; был случайно смертельно ранен своим солдатом.

Джрпетян (Джрпет), Шахан (1772—1837), армянский лингвист, педагог.

Дибич-Забалканский, Иван Иванович (1785—1831), граф, фельдмаршал, немец по происхождению (его отец перешел в русскую службу в 1792 во время семилетней войны). Активно участвовал в войнах с Наполеоном, был начальником штаба русских войск, расположенных во Франции. После возвращения из Франции неразлучный спутник имп. Александра I. О раскрытии заговора декабристов Николаю I донес Дибич и лично арестовал некоторых из них. Под командованием Дибича успешно закончилась миром русско-турецкая война 1827—28. Дибич подавил польское восстание (1830—31); скончался под Варшавой от холеры.

Диодор Сицилийский, греческий историк из сицилийского города Агирия, живший во времена Цезаря и Августа в Риме, где написал свою «Историческую библиотеку», всеобщую в 40 томах, охватив одновременно проблемы этнографии, географии и культуры. До нас дошли только 15 книг и ряд отрывков.

Дукас (Дука), Иоанн, византийский историк XV в., изложил историю византийской империи с 1341 по 1462.

Дуриан, Петрос (1851—1872), армянский поэт, драматург.

Дюбуа де-Монпернэ (де Монперра) (1798—1850), французский путешественник, издатель ставших классическими описаний многолетних путешествий, например: «Путешествие автора на Кавказ, в Черкессию, Абхазию, Колхиду, Армению, Крым» (Париж, 1839—45).

Евсевий Никомедийский (ум. 342), воспитатель и родственник имп. Юлиана, патриарх Константинопольский (339).

Евсевий Памфил (ум. 340), отец истории церкви, епископ Кесарии палестинской, автор состоящей из 10 книг «Ис-

тории Церкви» (от возникновения христианской церкви до 324 г.).

Евсевий Эмизский (ум. 359), богослов и оратор, родом из Эдессы, представитель антиохской школы богословия, епископ в финикийском городе Эмизе; астроном и математик.

Егише, армянский историк V в., современник восстания армянского народа против владычества Ирана в 450—51. Этим событиям посвящено его основное сочинение — «О Вардане и войне армянской».

Екатерина II (1729—1796), императрица всероссийская, до брака принцесса Ангальт-Цербстская, жена Петра III, мать Павла I, провозглашена императрицей в 1762; вела активную восточную политику, успешно воевала с Турцией.

Ерицян (Ерицев), **Александр** (1841—1902), армянский историк, археолог; во время русско-турецкой войны 1877—78 был порученцем по особым делам при М. Т. Лорис-Меликове и Б. Шелковникове; автор многих работ по истории и археологии.

Ермолов, **Алексей Петрович** (1772—1861), генерал от артиллерии, активно воевал с Наполеоном, был начальником артиллерии всех армий; с 1817 воевал на Кавказе и с Персией.

Евфрат, букв. «сладкая вода»; длина около 2700 км, образуется слиянием рек Мурад и Карасу, берущих начало на Армянском нагорье.

Жобер, **Пьер Амедей** (1779—1847), французский востоковед, член Академии, автор книги «Путешествие в Армению и Персию».

Зороастр, зороастризм, по-новоперсидски Заратушт, Зартушт, в Авесте — Заратуштра. Зороастр считается основателем дуалистической религии древнеиранских народностей, в частности, персов. Учение изложено в священной книге Авеста, сохранившейся в отрывках. Греческие и латинские писатели черпали сведения о Зороастре из Моисея Хоренаци. Образ Зороастра использовался в философии, например, Заратустра у Ницше.

Зивин, **Зевин**, город в турецкой Армении, по пути из Карса в Эрзерум.

Зубов, **Платон Александрович** (1767—1822), князь, генерал-адъютант, новороссийский генерал-губернатор, начальник черноморского флота, один из фаворитов Екатерины II; активный политик после смерти Г. Потемкина.

Иван Грозный (1530—1584), царь русский **Иоанн IV**. **Иездигерд II**, персидский царь (440—457) династии Сасанидов, отличался гонениями на христиан и евреев, беспрепятственными войнами с соседями.

Иеремия, еврейский пророк, живший в царствование царя Осии; с 626 до н. э. Иеремия 40 лет пророчествовал в Иерусалиме, предсказывая падение страны; умер в Египте в 570 до н. э. побитый камнями.

Икония, **Икония**, город в Турции на месте основанного фригийцами древнего Икониона.

Инджиджян (**Микаелян**), **Гукас** (1758—1833), географ, историк, поэт.

Иван (**Иоанн**) **Калита**, великий князь московский (1328—1341).

Иоани Цимисхий (925—976), византийский император армянского происхождения; придя к власти (969), энергично за-

нялся защитой империи от врагов; воевал с русскими, принудил Святослава заключить мир и очистить Болгарию, завоевал Сирию и область среднего Евфрата.

Иракий II (1720—1798), грузинский царь, государственный деятель, дипломат, из династии кахетских Багратионов; при Иракийи II Грузия вошла под протекторат России (1783).

Иудея, так называлась в эпоху после вавилонского плена самая южная и наиболее значительная часть Палестины, ограниченная на востоке рекой Иордан и Мертвым морем, на юге — Идумеей, на западе — Средиземным морем, на севере — Самарией. После смерти Ирода Агриппы (44) Иудея была присоединена к римской провинции Сирия.

Кавур, **Камилло Бензоди** (1810—1861), граф, итальянский политик.

Казар Парпеци (**Лазарь Парпский**) (442 — начало VI в.), армянский историк; «История Армении» К. Парпеци начинается с событий 387 г. — раздела Армении между Византией и Персией — и завершается концом V в.

Казмир III Великий (1310—1370), польский король (с 1333), при котором начался расцвет польской культуры; отличался веротерпимостью; основатель Краковского университета.

Кантакузены, греческий княжеский род, вступивший в XIV в. на византийский престол.

Кассий, **Дион** (ок. 160—ок. 235), греческий историк, римский сенатор, проконсул Африки, императорский легат в Далмации и Верхней Паннонии, автор дошедшей в отрывках «Истории Рима» в 80 книгах, охватывающих период со времени прибытия Энея в Италию и до царствования Александра Севера (229 н. э.) — итог 22 лет работы.

Катрмер, **Этьенн Марк** (1782—1857), французский ориенталист, член Академии, знаток восточных и западных языков.

Киликия, древняя область на юго-востоке Малой Азии. Киликия делилась на две части — гористую («Суровая») и низменную («Равнинная»), входила в состав древне-восточных монархий Хеттского царства, персидского государства Ахеменидов; существовало Киликийское армянское царство.

Кнаисар (**Увакшатра**), основатель мидийской монархии, унаследовал престол (630 до н. э.) от рода Фраорта; сумел освободить свою страну от власти скифов.

Кир Старший (559—530 до н. э.), основатель древне-персидского царства, из арийского царского рода Ахеменидов.

Кир Младший, сын Дария II (V—IV вв. до н. э.), потомок Кира Старшего.

Киракос Гандзакец (**Гандзакский**) (1200—1271), армянский историк, религиозный деятель; «История Армении» К. Гандзакца охватывает почти тысячу лет (IV—XIII вв.).

Киш (**Гиш**), **Эрно** (1799—1849), герой и полководец венгерской революции 1848—49; из армянского древнего рода Адошц дослужился до полковника, командира Гайновского кавалерийского полка. С началом революции отдал в распоряжение революционеров все свое имущество — 6—7 миллионов флоринов; в 1848 стал генералом, был командующим революционными войсками. После поражения революции и ареста расстрелян с 12 другими героями, среди которых был еще один армянин — В. Лазар. В Венгрии есть памятник Кишу, его именем названы улицы во многих городах.

Клапрот, Генрих Юлий фон (1783—1835), ориенталист и путешественник, был в начале XIX в. на русской службе, автор многих книг, в частности, «Путешествия на Кавказ и в Грузию в 1807—1808 гг.» (1812—14).

Клеопатра, имя многих египетских и сирийских цариц; наиболее известна последняя представительница династии Птолемеев, старшая дочь Птолемея Авлета, ставшая в 17-летнем возрасте (52 до н. э.) египетской царицей; она пленила своей красотой Юлиа Цезаря и Антония. Клеопатра покончила самоубийством после неудачной попытки прельстить Октавиана (30 до н. э.).

Комнены, Комнины, знатная византийская фамилия, из которой происходили византийские императоры, правившие во 2-й половине XI и в XII вв.; из Комненов было несколько трапезундских императоров. Наиболее известны: Мануил Эротик Комнен, отец императора Исаака Комнена (конец X в.); Никифор Комнен, вероятно, брат Мануила; Исаак Комнен, император Византии (1057—1059); Иоанн Комнен, сын Мануила; Алексей Комнен, сын Иоанна Комнена (годы жизни 1048—1118, император с 1081), разгромил угрожавших Византии печенегов (1091), использовал I крестовый поход (1096—99) для возвращения Византии большей части Малой Азии.

Константин VI Багрянородный, византийский император (780—797), внук Константина V, сын Льва IV; был свергнут с престола и ослеплен при участии своей матери.

Константин VII Багрянородный (ок. 905—959), сын Льва VI Мудрого; покровительствовал наукам и искусствам, написал биографию своего деда Василия, издал несколько энциклопедических сборников.

Константин IX Мономах, византийский император (1042—1054), получил власть после свержения Михаила V, женившись на дочери императора Константина VIII, Зое. Успешно отрадил нападения русских и сельджуков. В его правление произошло окончательное разделение католиков и православных (1053).

Корбули; известный венгерский род армянского происхождения (Горпулян).

Корюн, армянский историк, писатель и переводчик IV—V вв., ученик Маштоца, автор сочинения «Житие Маштоца» (443—449), где дал биографию своего учителя, а также изложил историю создания армянской, грузинской и албанской письменностей.

Езник Кохлаци (Езник Кольский) (380—450), армянский философ, переводчик, общественный и религиозный деятель, ученик Маштоца, один из переводчиков Библии на армянский язык.

Крез, последний царь Лидии из династии Мермнадов, сын Алиата, стал царем после отца в 563 до н. э. Крез правил мудро и энергично, значительно расширил свои владения; в 546 был пленен Киром.

Кроация, Кроасия, распространенное в западной исторической литературе название Хорватии.

Ксенофонт (434—355 до н. э.), греческий историк, ученик Сократа, сопровождал Кира в походе против брата последнего, Артаксеркса; автор знаменитого исторического сочинения «Анабазис» о походе Кира.

Ксенофонт (III в. н. э.), греческий эротический поэт из Эфеса.

Ксеркс I, царь Ирана (485—465 до н. э.), сын царя Дария Гистаспа и дочери Кира; пытался покорить Грецию, дошел до Афин, вернулся в Персию после морского сражения при Саламине; был убит начальником царской гвардии Артабаном.

Ксеркс II, царь Ирана (425 до н. э.), сын Артаксеркса I, правил 45 дней, был убит сводным братом Согдианом.

Кура, река в Грузинской ССР и Азербайджанской ССР, длина 1515 км, берет начало на Армянском нагорье, историческая граница Армении.

Лагард, Поль Антон де (1827—1891), немецкий ориенталист, профессор восточных языков в Геттингене, автор огромного количества исследований, среди которых: «Армянские штудии» (1877), «Агатангелус и акты Григория Армянского» (1887).

Лазар (Лазарян, Казарян), Вилмош (1815—1849), герой венгерской революции 1848—49, армянского происхождения, полковник, был расстрелян в числе 13 военачальников революционной армии.

Лазарев, Иван Давидович (1820—21 — 1879), генерал-адъютант, армянин, уроженец Шуши; начал службу в 1839 рядовым и все время служил на Кавказе. Лазарев отличался беззаветной храбростью и благородством характера, с огромным уважением к Лазареву относились и горцы, против которых он воевал. Известно, что Шамиль при сдаче в Гунзибе поставил непрременным условием сдачи предварительные переговоры именно с Лазаревым, на чье слово можно было положиться. Под Карсом (1877) Лазарев руководил победным штурмом крепости, один из фортов которой (Канлы) был назван его именем. После отъезда М. Т. Лорис-Меликова И. Д. Лазареву было поручено командование Кавказским корпусом.

Лазарев, Лазарь Иоакимович (Лазарян Егиазар) (1788—1870), полковник русской службы, организатор переселения персидских армян в Закавказье; был комендантом Тавриза, участвовал в подготовке Туркменчайского договора (1828).

Лазаревский институт восточных языков, основан в Москве в 1815 как частное «Армянское Лазаревых училище» на средства семьи Лазарян. Получил название института в 1827; в 1919 был преобразован в Армянский, затем Переднеазиатский институт, в 1920 — в Центральный институт живых восточных языков, в 1921 — в Московский институт востоковедения.

Ламартин (1790—1869), французский поэт и политический деятель, член Академии, автор книги «Путешествие на Восток» (1835), написанной по следам совершенного в 1832 большого путешествия по Востоку. В восточном вопросе Ламартин высказывался за уничтожение Османской империи, предлагая отдать Константинополь, Россию, Египет — Англии, Сирию — Франции.

Ланглуа, Шарль Виктор (1863—1929), французский историк-медиевист, профессор истории средних веков, палеограф и библиограф в Париже.

Ланин, Николай Петрович (1832—1895), московский купец, публицист, владелец одной из независимых газет («Русский

курьер»), прекратившей свое существование после введения цензуры. Н. П. Ланин один из первых в России производителей фруктовых вод.

Лев III Исавриан, византийский император (717—741), назывался в действительности Конон и был сыном сапожника из Селевкии в Исаврии; являлся телохранителем Юстиниана II, но возбуждал успехами зависть и был отправлен в Колхиду, где так отличился, что Анастасий II назначил его главнокомандующим всеми войсками на Востоке. Став императором, сумел защитить Константинополь от арабов и разбил их в 740. Лев III преобразовал войско, установил областную структуру, разрешил землепользование свободным земледельцам-общинникам и свободным арендаторам. Льву III принадлежат два замечательных памятника византийского права — Эклога и Земледельческий устав. Лев III был одним из лидеров иконоборчества.

Лев V Армянин, византийский император (813—820); был императорским военачальником и сменил слабого Михаила I. Лев V правил строго, но справедливо, победил болгар, угрожавших Константинополю. Был убит Михаилом Занкой в результате дворцового заговора.

Лев Диакон, византийский историк X в., сопровождал императора Василия II в качестве диакона в походе против болгар, написал историю византийского государства 959—975 гг.

Левон I Рубинян (Рубенид) (ум. 1139), армянский киликийский царь (1129—39), сын Константина I, сменивший брата Тороса I. Левон I отличался стратегическим талантом и храбростью, ухитрился почти одновременно вести успешные боевые действия против турок-сельджуков и крестоносцев.

Левон II Рубинян (ум. 1219), армянский киликийский царь, внук Левона I, успешно воевал с турками-сельджуками, был в тесном контакте с крестоносцами, был торжественно провозглашен царем Киликии (1198) в присутствии представителей Византии, Рима, Багдадского халифата и других государств.

Левон III (1236—1289), армянский киликийский царь (1269), был из династии Рубинянов по материнской линии (внук Левона II).

Левон IV (ум. 1307), армянский киликийский царь (1305).

Левон V (1310—1342), армянский киликийский царь (1320), на котором прекратилась династическая ветвь Рубинянов-Хетумянов.

Левон VI Лузинян (1340—1399), армянский киликийский царь (1374—75). При Левоне VI был утрачен армянский киликийский престол, который Левон VI безуспешно пытался вернуть себе при помощи европейских монархов. Умер в Париже.

Левон Ерец, Гевонд Ерец, Гевонд Ванандеци, Левон Ванандский (ум. 454), религиозный деятель, участник национально-освободительной борьбы, ученик Маштоца. После Аваррайрской битвы был сослан и убит.

Лео (Бабаханян, Аракел) (1860—1932), армянский историк, автор целого ряда капитальных исследований, затрагивающих все основные проблемы истории армянского народа.

Лидия, в древности страна на западе Малой Азии в плодородной долине реки Герм. Лидию населяли индоевропей-

ские племена лидийцев, говоривших на одном из хетто-лювийских языков и уже в VII в. до н. э. пользовавшихся буквенным письмом. Лидия была богата золотом и здесь впервые в истории человечества началось в VII в. до н. э. чеканка монет. В начале I тысячелетия до н. э. Лидия входила в состав Фригии. Наибольшей силы Лидия достигла в правление Креза.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888), граф, одна из колоритнейших фигур высшего эшелона власти России конца XIX века. Лорис-Меликов родился в Тифлисе в армянской дворянской семье, был представителем рода Лорис-Меликовых, чьей вотчиной с XVI в. был город Лори. Учился в Лазаревском институте и в школе гвардейских прапорщиков, служил гвардейским гусаром, затем в кавказской армии. Лорис-Меликов отличился при взятии Карса в 1855 и был назначен начальником Карсской области, затем управлял южным Дагестаном, занимал пост Дербентского градоначальника, управляющего Терской областью. В годы русско-турецкой войны 1877—78 Лорис-Меликов, уже генерал, был фактически командиром всего закавказского корпуса. Под его командованием были взяты Ардаган, Карс. Административные способности Лорис-Меликова проявились в том, что он вел войну на бумажые деньги, не прибегал к золоту, сэкономил для казны несколько десятков миллионов золотых рублей — факт, признанный уникальным в истории войн России. С февраля 1880 Лорис-Меликов был назначен председателем верховной распорядительной комиссии, министром внутренних дел, при котором Александру II докладывали другие министры. Подал в отставку после убийства Александра II (1881).

Лукаш (Лукачян, Гукасян), армянский аристократический род в Трансильвании и Венгрии XVII—XX вв. Предки Лукашей выходцы из Ани. За помощь в Семилетней войне австрийская королева Мария Тереза присвоила Лукашам (Исааку, Казару, Гукасу и Акопу) аристократический титул.

Лукаш, Адальберт (1847—1901), венгерский государственный деятель из рода Лукашей армянского происхождения, экономист, историк, писатель.

Лукаш, Георгий (1865—1950), венгерский государственный деятель из рода Лукашей армянского происхождения, министр культуры Венгрии (1905—06).

Лукулл, Луций Луциний (ок. 110—56 до н. э.), римский полководец, одержавший победы над Митридатом Евпатором и Тиграном II, но войны не выигравший. Богатство, награбленное Лукуллом, вошло в поговорку.

Лузиняны (Лусиняны), царская династия (1192—1489) на Кипре и в Киликии, французского происхождения; в 1293 Амори Лузинян женился на Изабелле, дочери киликийского армянского царя Левона III Хетумяна (Рубиняна по материнской линии). После смерти мужа Изабелла с пятью детьми вернулась в Киликию, где ее младший сын Гвидон короновался в 1343 под именем Константина III; племянник последнего под именем Левона VI царствовал в 1374—75.

Маврикий VI (ок. 539—602), византийский император (582—602), родом из Каппадокии, был главным военачальником азиатских провинций империи, затем императора Тиверия II, от которого и принял престол. Честный и образованный, он

своими реформами в войске и желанием уменьшить расходы на армию вызвал недовольство солдат. Маврикий VI вел удачные войны с аварами и персами. Завершив войну с Персией, он возвел на престол Хозроа (Хосрова) II. Мятаж под предводительством грубого солдата Фоки завершился для Маврикия трагически: на его глазах убили пятерых его сыновей, братьев, а затем и его самого.

Магомет, имя нескольких турецких султанов. Магомет I (1374—1431), сын султана Баязета, 5-й османский государь, был сравнительно веротерпим. Магомет II эль-Фатих (Завоеватель) (1430—1481), сын Мурада II, 7-й османский государь, значительно расширил территорию империи, завоевал в 1453 Константинополь; отличался жестокостью и развращенностью. Магомет III (1568—1603), преемник Мурада III, 13-й османский государь; вступив на престол (1595), сразу же казнил 19 своих братьев; Магомет III был развратен и кровожаден, особенно жестоко преследовал христиан; с Магомета III начинается закат Османской империи. Магомет IV Охотник (1642—1691), сын Ибрагима I, 10-й османский государь, стал править в 6-летнем возрасте; в период правления Магомета IV христиане отвоёвывали многие земли, находившиеся полтора века под игом Турции.

Мадатов, Валериан Григорьевич (1782—1829), князь, генерал-лейтенант, армянского происхождения, отличился во время русско-турецкой войны (1807—12), успешно действовал против Наполеона. В 1816 В. Г. Мадатов был назначен командующим всех карабахских ханств, а с 1817 — окружной командующий войсками Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств. Участвовал в войне с горцами; в 1826 разбил персов при Шамхоре, занял Шушу; одержал ряд блестящих побед над турками в европейской Турции. Солдаты любили В. Г. Мадатова и безгранично доверяли ему.

Маздеизм (от имени верховного божества Ахурамазды), распространенное название ряда древнеиранских религий с I тысячелетия до н. э. на территории Западного Ирана, Афганистана, Средней Азии.

Макдональд, Этьенн Жан Жозеф Александр (1765—1840), герцог, маршал и пэр Франции, шотландец по происхождению, один из военачальников Наполеона.

Малаховский, Казимир (1765—1845), польский генерал, начал службу простым солдатом в артиллерии, воевал на стороне Наполеона, после Березины повел в Варшаву остатки польских войск.

Малхасянц, Степан (1857—1947), армянский филолог, лингвист, лексиколог, академик АН Арм. ССР; учился в Петербургском университете, ученик К. Патканяна; создатель четырехтомного «Армянского толкового словаря», автор значительного количества научных исследований.

Мамбре, армянский переводчик, комментатор и ритор второй половины V в., из младших учеников Маштоца, некоторые полагают его братом Мовсеса Хоренаци.

Мамиконяны, один из крупнейших нахарарских родов раннесредневековой Армении, владевший обширными землями в Тайке и Тароне. С IV в. н. э. Мамиконянам наследственно принадлежала должность спарпета — верховного военачальника Армении. Самый известный из рода являлся Вардан Мамиконян, армянский полководец, ставший спа-

рапетом в 432 и возглавивший в 450—51 восстание против владычества Ирана. Одержав ряд побед над иранскими войсками, Вардан Мамиконян погиб в 451 в Аварайрской битве.

Мамурян, Матевос (1830—1901), армянский публицист, писатель, переводчик, филолог, историк, педагог.

Манго (Мангу) (XIII в.), монгольский хан, внук Чингисхана. Мангу охотно привлекал ко двору художников, поэтов, при нем жили христиане, даже священники, обращавшие в христианство ханских жен.

Мандинян, Седрак (1844—1915), армянский педагог, актер, общественный и литературно-театральный деятель, получивший образование в Гейдельбергском, Лейпцигском и Венском университетах, окончив до поездки за границу Лазаревский институт и Петербургский университет.

Марр, Николай Яковлевич (1864—1934), ориенталист, лингвист, академик, много сделавший в области армяно-грузинской филологии, автор ряда интересных лингвистических гипотез («афетическая теория»).

Маттеос Урхаеци (Урфайский) (2-я половина XI в.—1144), армянский хронист, чья «Хроника» охватывает период с 952 по 1137.

Месроп Маштоц (361—440), армянский ученый, просветитель, создатель армянского алфавита (405—06), переводчик Библии на армянский язык, основатель школы, где преподавал лично; многие ученики Маштоца стали видными писателями и историками.

Мещерский, Владимир Петрович (1839—1914), князь, публицист, писатель, внук Н. М. Карамзина по матери; автор сатирических романов, издатель консервативной газеты «Гражданин», противник реформ Александра II.

Миансаряц (Миансарос), Микаел (1830—1880), общественный деятель, основоположник армянской научной библиографии.

Мидия, в древности название государства и страны, лежавшей между Каспийским морем, Ассирией, Персидой, Парфией и Гирканией (в северо-западной части нынешнего Ирана). Мидия слазилась конями, а народ своей воинственностью и умением метко стрелять из лука. При Ахеменидах Мидия разделилась на Великую Мидию и Атропату. С. 550 до н. э. Мидия входила в состав Персии, в 330 Мидия была завоевана Александром Великим. Со II в. до н. э. мидийские племена исчезают из истории.

Миллиционер, член войска, формируемого, как правило, на добровольной основе и только на время войны.

Митридат VI Евпатор (Великий) (132—63 до н. э.), понтийский царь, был в союзе с Тиграном II Великим. Митридат VI вел активные действия против Рима, являясь одним из могущественных восточных царей, обладал уникальными лингвистическими способностями — с представителем каждого из 22 подвластных ему народов он мог говорить на его родном языке. Состоял в родстве с Тиграном II, являясь его тестем. Всеми покинутый, Митридат VI покончил с собой, бросившись на меч.

Михаил, имя нескольких византийских императоров. В упоминаемом автором XI в. было 4 императора с таким именем, Михаил IV Пафлагонянин, император (1034—1041),

был любовником императрицы Зои и пришел к власти, отравил ее мужа императора Романа III. Михаил V Калафат, племянник Михаила IV, император (1041—42); отправил императрицу Зою в монастырь, Михаил V вызвал гнев народа, был ослеплен и сослан. Михаил VI Стратигоник, император (1056—57), был свергнут Исааком Комненом. Михаил VII, Дук Паропинак, сын императора Константина XI, император (1071—1078); отрекся от престола и удалился в монастырь.

Михаил Николаевич (Романов) (1832—1909), четвертый сын имп. Николая I, великий князь, генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа и командующий кавказской армией во время русско-турецкой войны (1877—78), председатель Государственного совета (1881—1905).

Мовсес Каганкатваци (Моисей Каганкатуанский), армянский историк и летописец VII века, написавший «Историю агван».

Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) (V—VI вв.), отец армянской историографии, ученик Маштоца, автор знаменитой «Патмутюн Хайоц» («История Армении») — первой систематической истории армянского народа, доведенной до 428 г.

Молдо-Валахия, исторические области на востоке и юге современной Румынии и собственно территории Молдавии между Дунаем и Прутом. В конце XVI в. Молдова, Валахия и Трансильвания под руководством валашского господаря Михая Храброго разгромили турецкие войска и объединились в единое государство, которое вскоре распалось.

Мольнар, Антал (Молнарян Антон) (1848—1902), венгерский историк, филолог, публицист, политический и государственный деятель армянского происхождения.

Мольтке, Гельмут Карл Бернгард (1800—1891), граф, фельдмаршал, сподвижник имп. Вильгельма I в деле объединения Германии. В 30-е годы путешествовал на Востоке, по просьбе султана Махмуда II принимал участие в реформе турецкой армии, участвовал в войне с курдами (1838). Мольтке отличился в военных действиях 60—70, считался последователем Наполеона в вопросах военной стратегии и тактики, был убежденным сторонником войны, полагая, что войны — экзамен народов; Мольтке был сторонником войны с Россией (в отличие от Бисмарка).

Мохаммед, Мухаммед, Магомет (т. е. достойный восхваления) Абул Касим ибн Абдаллах (571—632), основатель названной его именем религии и халифата. Из бедной семьи; разбогател, женившись на богатой вдове, у которой был до этого в услужении. Видимо, под влиянием рассказов об иудейской и христианской религиях на 40 году жизни Мухаммед бросил торговлю и удалился в пустыню, где его размышления, подкрепляемые галлюцинациями, приняли форму божественных откровений. Мухаммед с детства был эпилептиком и свои припадки стал принимать за проявления божественного духа. Первыми последователями Мухаммеда были его жена, дочери, зять Али, рабы, приемный сын Сеид и друг Абу Бекр. Родственники отвернулись от него, а простой народ шел за ним толпами. 12 июля 622 г. Мухаммед бежал из Мекки в Медину — это событие стало началом новой эры и нового летоисчисления магометан.

Муравьев, Александр Николаевич (1792—1864), декабрист, служил в генеральном штабе, был одним из основателей

«Союза спасения». А. Н. Муравьева сослали; в ссылке (с 1827) он занимал должности иркутского городничего, председателя тобольского губернского правления, архангельского, нижегородского губернатора.

Муравьев, Николай Николаевич (Карсский) (1794—1866), писатель, член Государственного совета, генерал-адъютант, служил на Кавказе, был начальником штаба при фельдмаршале Паскевиче, участвовал в турецкой и польской кампаниях. В 1854 был назначен наместником Кавказа и главнокомандующим кавказской армией; в 1855 взял Карс; автор нескольких книг.

Мхитар Айриванеци (Айриванский), армянский хронист, историк, поэт, педагог и музыкант XIII в., возглавлявший с 1279 Айриванскую школу. Мхитар Айриванеци, в частности, автор «Новой истории», где история Армении доведена до 1289 г.

Мхитар Себастици (Севасийский) (1676—1749), армянский общественный, научный, культурный и религиозный деятель, автор первой грамматики современного армянского языка, основатель конгрегации, названной его именем.

Мхитарист, армяно-христианская конгрегация, основанная в 1701 в Константинополе Мхитаром Себастици в просветительских и этических целях. Симпатии к римской церкви возбуждали недоверие армянского патриарха и Мхитар Себастици переселился в Морею. В 1703 с согласия венецианского правительства Мхитар Себастици построил монастырь и церковь в Модоне. В 1712 после присоединения к армяно-католической уни конгрегации мхитаристов получила утверждение папы Климента XI. В 1714 мхитаристы переселились в Венецию, где в 1717 получили в дар от венецианского сената остров Св. Лазаря; с 1789 там возникла первая типография, и мхитаристы всецело посвятили себя изданию классических сочинений на армянском языке. Библиотека мхитаристов является одной из богатейших в Европе. В конце XVIII в. группа мхитаристов образовала особый монастырь в Триесте, откуда они переселились в 1811 в Вену.

«**Мшак**», армянская литературно-политическая газета, издававшаяся в Тифлисе (1872—1920). Была основана либеральным публицистом и критиком Г. Арцруни. После смерти Г. Арцруни (1892) «Мшак» редактировали А. Калантар, А. Аракелян и др. Газета занимала антиклерикальную позицию, писала о тяжелом положении армян в Турции, ставила вопросы национального просвещения, эмансипации, развития культуры. На страницах «Мшак» печатались Раффи, Р. Патканян, А. Ширванзаде и др. В 1917—20 «Мшак» занимала твердую национальную позицию.

Мюллер, Фридрих (1834—1898), лингвист, изучал филологию в Вене и Геттингене, занимал кафедру филологии и санскрита в Венском университете; автор книги «Всеобщая этнография» (1873).

Мюрат, Иовким (1771—1815), король неаполитанский, один из маршалов Наполеона; был адъютантом Наполеона в итальянском походе, женился на сестре Наполеона Каролине; автор не единственного, кто пишет об армянском происхождении Мюрата.

Навуходоносор, вавилонский царь, сын Набополассара, победивший египтян, покоривший народы Сирии и Иудею,

взявший Иерусалим (598 до н. э.), дошедший до границ Эфиопии. Навуходоносор не только удачно воевал, но и много строил. Правил 43 года, умер в 561 до н. э.

Надир (1688—1747), шах персидский; успешно воевал с турками, стал шахом после смерти Аббаса III (1736); отличался жестокостью, например, после завоевания Дели повелел истребить 200.000 жителей.

Назарянц, Степанос (1812—1879), армянский публицист, просветитель, востоковед, историк литературы. После окончания Дерптского университета (1840) работал в Лазаревском институте профессором персидской и арабской словесности; издавал в Москве журнал «Юсисапайл» (1853—64).

Налбандян, Микаэл (1829—1866), армянский писатель, публицист, революционный демократ.

Нар-Дос (Ованисян, Микаэл) (1867—1933), армянский писатель, прозаик, новеллист.

Наср-Эддин (1831-1896), персидский шах, наследовал отцу Магомеду, совершил несколько путешествий, во время которых посетил многих государей Европы; был убит в мечети сектантом.

Нейман, Карл Фридрих (1793—1870), ориенталист, историк, еврейского происхождения, изучил армянский язык у мхитаристов, был в Китае, являлся профессором в Мюнхене; автор книг: «Опыт истории армянской литературы» (Лейпциг, 1846), «Народы южной России» (Лейпциг, 1846) и др.

Нерон, римский император (54—68); некоторое время, сдерживаемый Сенекой, Нерон придерживался традиций Августа. После 59 г. деятельность Нерона сводится к казням, вымогательству, разврату и безумным тратам денег; Нерон убил сводного брата Британика, свою мать Агриппину, жену Октавию. Покончил самоубийством.

Нерсес Аштаракец (Аштаракский) (1770—1857), деятель армянского национально-освободительного движения, армянский католикос (1843), основатель школы Нерсисян (Тифлис), много сделал для присоединения Армении к России в качестве автономного государственного образования. За верность политике автономии его преследовали.

Нерсес Ламбронаци (Ламбронский) (1153—1198), армянский летописец, ученый, философ, государственный и религиозный деятель, публицист, поэт, музыкант, переводчик, живший в кликийской Армении.

Нерсес Шнорали (Благодатный или Клазский) (ок. 1098—1173), деятель армянской церкви, патриарх всех армян (1165), автор многих духовных, исторических, поэтических и прозаических сочинений. Нерсес Шнорали пытался объединить армянскую и греческую церкви.

Нерсесов, Нерсес Осипович (1848—1894), известный русский юрист армянского происхождения, профессор Московского университета, крупный специалист по гражданскому и торговому праву, судопроизводству; отличался практическим пониманием юридических явлений.

Нерсесович, Деодат (ум. 1709), богослов и ориенталист армянского происхождения, епископ армяно-грегорианского исповедания в Польше, заместитель львовского епископа (1685—1687), автор капитального труда «Латино-армянский лексикон» (1695).

Нестор (1056—ок. 1114), летописец, монах Киево-Печерского монастыря.

Никифор Грегорас (1295—1360), византийский историк, ученый, придворный хронист и астроном императора Андроника. Известна работа Никифора Грегораса «Римская история», заключающая византийскую историю с 1205 по 1359 в 37 книгах.

Николай, Александр (род. 1821), барон, служил при кавказском наместнике М. С. Воронцове, был полечителем кавказского учебного округа, начальником управления сельского хозяйства и промышленности на Кавказе; сенатор (1863), член Государственного совета (1875), министр народного просвещения (1881—82), председатель департамента законов Государственного совета (1884—1894).

Николай I (1796—1855), император всероссийский (1825—55) из династии Романовых, третий сын имп. Павла I, до вступления на престол командовал дивизией.

Нубар-паша (1825—1899), египетский государственный деятель, армянин по происхождению, христианин; учился в Швейцарии и во Франции; с 1842 жил в Египте, работал в дипломатическом ведомстве, был египетским посланником в Лондоне, Вене, Париже; за дипломатическое обеспечение Суэцкого проекта (строительство канала) получил звание паши и стал министром общественных работ, затем министром иностранных дел Египта, возглавлял правительство Египта (1876—79, 1884—88 и 1894—95). Нубар-паша свободно владел несколькими европейскими и восточными языками, считался в мировом общественном мнении искуснейшим дипломатом своего времени.

Ован Воротнеци (Иоанн Воротникийский) (1315—1386), армянский философ, богослов, религиозный деятель, педагог.

Ован Мамиконян (Иоанн), армянский летописец VII в., составитель «Истории Тарона», в которой в виде сборника бесед на исторические и нравственные темы повествуется о событиях конца VI — первой половины VII вв.

Ованнес Ерзикаци (Иоанн Ерзкийский) (1270—1338), армянский философ, грамматик, филолог, переводчик, религиозно-общественный деятель.

Ованнес Ерзикаци Плуз (1230—1293), армянский средневековый философ, ученый, поэт, педагог.

Ованнес Мандакуйи (Иоанн) (ум. ок. 490), армянский католикос (478), ученик Маштоца, активный борец против персидского владычества.

Ованнес Одзнаци (Иоанн Одзнийский) (ум. 728), армянский католикос (717), богослов, борющийся с павликианством.

Ованнес Тлкуранци (Оганес Тулгуранский), армянский поэт конца XIV — начала XV вв.

Овсеп Вайоцдзорци (Иосиф из Вайоц-Дзора) (ум. 454), герой войны против Сасанидов (450—51), арестованный и соармянский католикос (440), ученик Маштоца, участник народного после Аварайрского сражения.

Овсеп Пагнаци (Иосиф Пагнский), армянский переводчик V в., ученик Маштоца, один из переводчиков Библии.

Оксуе, Окс, древнегреческое наименование р. Аму-Дарья, являющееся переделкой местного названия (Вахшу, Вохсу).

Омар I, Омар ибн аль-Хаттаб (591—644), халиф, видный еподвижник Мухаммеда. При Омаре I арабские войска за-

ло Понтийское царство — эллинистическое государство, существовавшее до 64 до н. э. Понт был основан Митридатом II, объявившим себя царем в 281. Столицей Понта являлась Амасия, основное население — каппадокийцы. С начала II в. до н. э. Понтийское царство вело активную внешнюю политику. Фарнак I захватил Синопу (183 до н. э.), сделав ее своей резиденцией. При Митридате V Еввергете были созданы наемная армия и флот. Наивысшего могущества Понтийское царство достигло при Митридате VI Евпаторе, став сильнейшим государством эллинистического мира.

Потто, Василий Александрович (1836—1911), генерал-лейтенант, русский военный историк, участник Крымской войны (1853—56), начальник военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа.

Прокопий (V—VI вв.), историк ранней византийской эпохи, участвовал в походе Велисария против персов; автор 8-томной «Истории войн» и приписываемой ему «Тайной истории».

Прошян, Перч (Тер-Аракелян, Ованнес) (1837—1907), армянский писатель и педагог, основатель первой армянской женской школы (1861), один из основателей армянского театра в Тифлисе, автор романов.

Птолемей, Клавдий (II в. н. э.), греческий геометр, астроном, физик, географ, автор 13-томного «Алмагеста» — докоперниковского энциклопедического кодекса по астрономии, ряда работ по географии.

Раффи (Мелик-Акопян, Акоп) (1835—1888), армянский писатель, автор ряда исторических романов.

Ростан, Эдмон (1868—1918), французский поэт и драматург, член Академии (1901).

Рубен I (1025—1095), армянский киликийский князь (1080), основатель династии Рубинянов.

Рубен II (ум. 1169), армянский киликийский князь из династии Рубинянов, наследовал своему отцу Торосу II.

Рубен III (1145—1187), армянский киликийский князь (1175) из династии Рубинянов.

Русинян, Наапет (1819—1876), армянский ученый, общественный деятель, выпускник Сорбонны.

Рустам, (Хачатрян, Ростом) (1780—1845), первый телохранитель императора Наполеона; армянского происхождения.

Саак Партев (348—439), армянский религиозный, политический и культурный деятель, армянский католикос (387), соратник Маштоца.

Саак Чоралпорци, (Чоралпорский) (ум. 703), армянский религиозный деятель, католикос (677).

Салах Эддин, Салах Ад-Дин, Саладин (1138—1193), египетский султан курдского происхождения, основатель династии Айюбидов; успешно сражался с крестоносцами, возглавив борьбу мусульман и отвоевав Иерусалим (1187).

Самвел Анеци (Самуэль Анийский) (ок. 1100—ок. 1190), армянский хронист, историк; в единственно сохранившемся историческом труде ведет повествование от Адама и доводит до 1180 г.

Сасаниды, иранская царская династия, правившая в III—VII вв. на Ближнем и Среднем Востоке.

Саят-Нова (Саядян, Арутюн) (1712—1795), армянский поэт, композитор, музыкант.

Светоний (75—160), римский писатель, автор книги «Жизнь 12 цезарей» (120).

Себеос, армянский историк VII в., осветивший в своих трудах события VI—VII вв., доведя их до 661 г.

Сезострис, наиболее популярное имя египетской политической истории у классических писателей (встречается и в формах Сезосис, Сострис, Сезоосис и др.). Египетскому царю этого имени приписывается завоевание всей Азии и части Европы, а также введение различных законов.

Сен-Мартен, Антуан Жан (1791—1832), французский ориенталист, автор капитальных трудов «Записки к истории и географии Армении» (1818—1819), «Фрагменты истории Аршакидов» (1850).

Сервичев (Вишняев, Серовбе) (1815—1897), армянский врач, общественный деятель.

Синезий (379—412), философ-неоплатоник, оратор, поэт, принял христианство в 410 г.

Сирануш (Гантарчян, Меропе) (1857—1932), армянская актриса.

Смирна (Измир), город на западе Турции; основан около X в. до н. э. золийцами, в IV в. н. э. был одним из цветущих городов Малой Азии.

Созомен Саламанский (V в.), греческий церковный историк, работавший в Константинополе, автор «Церковной истории», охватывающей период 324—439 гг.

Сократ (469—399), греческий философ, чьи идеи дошли до нас только в пересказке.

Сократ Схоластик (V в. н. э.), греческий церковный историк, работавший в Константинополе, автор «Церковной истории».

Солсбери, Роберт Артур (1830—1903), маркиз, государственный деятель Великобритании, министр иностранных дел, премьер-министр, лидер консервативной партии после смерти Биконсфилда.

Срвандзтян, Гарегин (1840—1892), армянский филолог, этнограф, общественный деятель.

Степан Сюнеци, армянский поэт-музыкант V в.

Степан Сюнеци (ум. 735), армянский богослов, грамматик, переводчик, поэт, музыкант.

Степан Таронеци (Таронский) армянский историк конца X—начала XI вв., чья история охватывает период от сотворения мира до начала XI в.

Страбон (II—I вв. до н. э.), греческий географ и историк, чья 17-томная «География» дошла до нас почти целиком.

Сундукян, Габриел (1825—1912), армянский писатель, драматург, один из основоположников армянского театра.

Сцевола, Гай Муций, легендарный герой периода борьбы римлян против этрусков (VI—V вв. до н. э.), символ стойкости и мужества. Демонстрируя, что никогда не предаст союзников, схваченный Сцевола сам опустил правую руку в огонь и не издал ни единого звука.

Сципион Африканский Младший (Публий Корнелий) (185—129 до н. э.); участник III Пунической войны, завоеватель Карфагена (146 до н. э.).

Тарс, древний город, основанный ассирийцами в начале VII в. до н. э., являлся главным городом Киликии, во времена

крестовых походов и до XVI в. входил в состав Малой Армении, перейдя затем в руки Турции.

Тацит (ок. 55 — ок. 120), римский историк, автор книг: «История» (14 томов, дошли до нас 4), «Германия», «Анналы» (16 томов, дошли до нас 9).

Тексве, Шарль Феликс (1802—1871), французский археолог и путешественник, совершил 4 путешествия на Восток, автор нескольких книг, среди которых «Описание Армении, Персии и Месопотамии» (1845).

Тер-Григорян, Микаэл (1827—1868), армянский драматург, общественный деятель.

Тергукасов, Аразс Артемьевич (Тер-Гукасян, Аршак) (1819—1881), генерал-лейтенант, армянин по происхождению; майор Алшеронского пехотного полка (1852), командир этого же полка (1859); участвовал во взятии Гуниба и пленении Шамилля; командир 38-й пехотной дивизии (1869), а с 1877 был начальником Эриванского отряда, занявшего Баязет (18.04.1877), Алашкерт (25.05.1877). А. А. Тергукасов выиграл сражение под Даяром, разбил турок при Деве-Бойну. После окончания войны был назначен командиром 2-го кавказского корпуса.

Тигр, букв. — «стрела» река в Турции, Иране и частично Сирии; длина 1950 км, берет начало на склонах Армянского Тавра; сливаясь с Евфратом, образует реку Шатт-эль-Араб, впадающую в Персидский залив.

Тигран I (ум. 96 до н. э.), армянский царь (123), сын Арташеса I, отец Тиграна II.

Тигран II Великий, армянский царь (95—36 до н. э.), объединивший всю Армению, присоединивший Сирию и покоривший парфян.

Тир, Тирос, в древности финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря; на месте Тира находится сейчас город Сур в Ливане.

Товма [Тома] Арцруни, армянский историк конца IX — начала X вв., создатель «Истории рода Арцруни», которая на самом деле является по содержанию историей Армении с древних времен. Особый интерес представляют те разделы истории Т. Арцруни, в которых описано арабское нашествие середины IX века.

Торос I (ум. 1129), армянский киликийский князь (1100); наследовал своему отцу, Константину.

Торос II (ум. 1169), армянский киликийский князь (1145) из рода Рубинянов, сын Левона I.

Трансильвания, название исторической области в Румынии, иногда распространяемое на все румынское Закарпатье.

Траян, Марк Ульпий (53—117), римский император из династии Антонинов. При императоре Траяне Римская империя достигла максимальных территориальных завоеваний. Траян вел большое строительство, содействовал развитию литературы. Умер в Киликии.

Трдат I (Тиридат) (ум. 77 н. э.), царь Великой Армении (52) из рода Аршакуни.

Туманян, Ованес (1869—1923), армянский писатель, общественный деятель.

Турки-сельджуки, турецкая орда, которая в 1035 переправилась через Аму-Дарью в Персию и в течение века за-

воевала всю Переднюю Азию, образовав единую мусульманскую империю.

Туркменчайский мир (1828), мирный договор между Россией и Персией, подписанный в местечке Туркменчай (Туркманчай, в 50 км от Тавриза) после завершения русско-персидской войны победой России. По договору, Россия закрепила за собой территории севернее Аракса, настояла на праве беспрепятственного переселения армян в пределы России (для укрепления собственных границ лояльным народонаселением), получила исключительное право судоходства по Каспийскому морю.

Турнефор, Жозеф (1656—1708), французский ботаник, врач, путешественник, член Академии; в 1700 совершил путешествие в Грецию, Малую Азию, Армению и Грузию, о чем написал научные записки.

Тюсаб, Србуи (Ваганян) (1841—1901), армянская писательница романтического направления.

Урбан II, Оттон Остийский (1042—1099), римский папа (1088—99), происходил из знатного рода, стал папой после Виктора III; действовал очень осторожно, сумел незаметно восстановить авторитет папской власти. В ответ на обращение византийского императора Алексея Комнена о помощи против сельджуков, Урбан II стал инициатором крестовых походов. Умер вскоре после взятия Иерусалима.

Фасуладжян, Товмас (1843—1901), армянский актер, театральный деятель.

Фессалия, историческая область в Северной Греции; относительно автономно Фессалия существовала до IV в. до н. э., затем вошла в Македонию, а после битвы при Киноскефалах (197 до н. э.) находилась под римским владением; в V—XIV вв. Фессалия была в составе Византии, XV—XIX вв. — Турции, с 1881 в составе Греции.

Фетх-Али (1762—1832), шах персидский (1797), приемник и племянник кровожадного основателя Каджарской династии — скопца Аги-Мохаммеда. Фетх-Али был тюрком по происхождению, писал плохие стихи и считал себя покровителем литературы; обладал самой длинной в царстве бородой. При Фетх-Али Персия уступила России значительные территории; Фетх-Али имел 150 сыновей и 20 дочерей.

Финикия, древнее государство на восточном побережье Средиземного моря у подножия Ливанских гор.

Фракия, историческая область в восточной части Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями; в древности была заселена племенами фракийцев. В 46 н. э. стала римской провинцией, с IV в. была в составе Византии, а с VI в. стала заселяться славянами; в XV в. Фракию завоевали турки; часть Фракии отошла Болгарии после Берлинского конгресса (1878); в настоящее время закреплено деление в соответствии с Лозаннским договором (1923): Фракия входит в состав Болгарии, Греции и Турции.

Фригия, в древности страна в Малой Азии, простиравшаяся от среднего Галиса (Кызыл Ирмак) и соленого озера Татта до Гермона, а также южный берег Пропонтиды до Геллеспонта. Фригия была самостоятельна до VI в. до н. э., затем была присоединена к Лидии, позднее вошла в Персидское царство, была покорена Александром Великим. По мнению Геродота, фригийцы были арийское племя, родственное

армянам и весьма распространенное в Малой Азии. О фригийских городах упоминает уже Гомер. Фригийцы славились земледелием, торговлей, ремеслом, ковроткачеством.

Фридрих I (1123—1190), король германский, представитель династии Гогенштауфенов, император Священной римской империи по прозвищу Барбаросса; постоянно враждовал с папским престолом; пораженный известием о взятии Иерусалима султаном Саладином, собрал стотысячную армию и двинулся в крестовый поход. Утонул в Малой Азии во время переправы через небольшую речку Салефу.

Халибовское училище, армянское училище, основанное в Феодосии в 1858 на средства Артема Халибова при активном участии Г. Айвазовского; лишенное поддержки правительства Халибовское училище было закрыто в 1871.

Халкедонский собор, 4-й вселенский собор в 451 г., созданный в г. Халкидоне (Халкедоне, в древней Вифинии, при входе в Босфор) императором Восточной Римской империи Маркианом при активном участии его жены Пульхерии. Халкедонский собор (более 600 епископов) осудил монофизитов, отменил решения предыдущего Эфесского собора, вновь осудил несторианство. На Халкедонском соборе христиане разделились на халкедонян и монофизитов. Каноны Халкедонского собора не приняли Армянская, Сирийская, Египетская, Эфиопская и другие христианские церкви.

Хачатур Таронци (Таронский), армянский ученый, музыкант, поэт конца XII — начала XIII вв.

Хоннат, Никита (сер. XII в. — 1213), византийский историк, младший брат Михаила Хониата; занимал высокие административные посты, автор «Хроник», охватывающей 1118—1206, — важнейшего источника по истории Византии и соседних народов в XII в.

Хосров I Ануширван, иранский царь из династии Сасанидов (531—579).

Хосров II Парваз, иранский царь из династии Сасанидов (591—628); возшел на престол с помощью византийского императора Маврикия.

Хримян, Мкртич (Хримян Айрик) (1820—1907), армянский общественный, политический и религиозный деятель, писатель; армянский католикос (1892).

Худабашян, Александр (ум. 1863), деятель армянского национально-освободительного движения, лексиколог; был личным секретарем генерала А. П. Ермолова; один из авторов проекта армянской автономии в составе России; автор одного из первых армяно-русских словарей.

Хулагу (1217—1265), хан, основатель династии и государства Хулагуидов, внук Чингисхана; воевал с мамлюками в Сирии и с Золотой ордой, разгромил государство исмаильтов в Иране и халифат Аббасидов.

Цатурян, Александр (1865—1917), армянский поэт, переводчик, с 1888 жил в Москве.

Целестин III, Гиацинт Орсини, папа римский (1191—1198), был избран папой в возрасте 85 лет.

Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель; поддерживал Гнея Помпея против Суллы, раскрыл заговор Катилины; после смерти Цезаря выступал против Антония и погиб в числе первых жертв репрессий Антония и Октавиана Августа.

Чамчян, Микаэл, (1738—1823), армянский историк и филолог, член конгрегации венских мхитаристов, католик, автор трехтомной «Истории Армении» (1784—86), сыгравшей важную роль в духовном объединении армян и возрождении габара.

Чилингарян, Григор (1839—1923), армянский публицист, редактор, переводчик, литературно-общественный деятель.

Чорох, река в Турции и СССР; длина 500 км; берет начало на Армянском нагорье, впадает в Черное море близ Батуми; на протяжении многих веков была одной из внутренних рек Армении.

Чухаджян, Тигран (1837—1898) армянский композитор, дирижер, общественный деятель; родился, жил и учился в Константинополе, совершенствовался в Милане; создатель первой армянской оперы («Аршак II», 1868); умер в Изамире.

Шамиль, III имам Дагестана, вождь и объединитель горцев Дагестана и Чечни в их борьбе против русской агрессии и оккупации. 29.09.1840 отряд мюридов Шамиля увел в плен из-под Моздока несколько человек, в том числе и семью армянского купца Улуханова, чья дочь Анна под именем Шуанет стала любимой женой Шамиля. После пленения в Гунзибе (1859) Шамиль был принят Александром II, затем жил до 1870 с единственной женой-армянкой в Калуге, после чего уехал в Мекку, где и умер.

Шаншиян (Шаншев), Петр (1819—1889), армянский общественный деятель, педагог, ученый; выпускник Лазаревского института, Петербургского университета и Сорбонны.

Шах-Азиз, Смбат (1841—1907), армянский поэт и педагог; окончил Лазаревский институт и 30 лет преподавал армянский язык в этом институте; сотрудничал с журналом «Юсипсапайл».

Шахназарян, Карапет (1814—1865), армянский культурный и религиозный деятель; выпускник Лазаревского института; основал в Париже (1855) армянскую типографию, где издал многие памятники армянской культуры.

Шелковников, Борис Мартынович (Бебут) (1837—1878), генерал-майор русской армии, армянского происхождения; после выхода из I московского кадетского корпуса участвовал в Крымской войне, войне с горцами, затем учился в Академии генерального штаба. С 1867 Б. Шелковников был назначен начальником Закатальского округа, с 1878 активный участник русско-турецкой войны и военный губернатор Эрзерумской области. Умер от тифа.

Ширванзаде, Александр (Мовсисян) (1858—1935), армянский писатель, публицист.

Шлоссер, Фридрих Христофор (1776—1861), немецкий историк; 42 года возглавлял кафедру истории Гейдельбергского университета, автор 18-томной «Всемирной истории» и других книг.

Шмидт, Иоганнес (1843—1901), немецкий языковед, специалист в области сравнительного индоевропейского языкознания.

Шопен, Иван Иванович (1798—1870), историк, по происхождению француз, прибыл в Россию около 1825, долго служил на Кавказе, занимался историей и этнографией Востока, особенно Грузии и Армении, автор книг «Хозяйственные очерки части Аракской долины, вошедшей в состав Грузино-

Имеретинской губернии» (1843), «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» (1852).

Эдесса, Едессия (Ругу, Урга, ныне Урфа), в древности главный город северо-месопотамской области Осроены; уже в VII в. до н. э. играла большую политическую и экономическую роль в регионе. В христианскую эпоху город имел, по преданию, 300 монастырей, являлся столицей Эдесского княжества.

Эллада, Геллас, в древнейшие времена название города в южной Фессалии, давшего название всем греческим государствам, кроме Пелопоннеса.

Эмин, Мкртич (Карапетян) (1815—1890), армянский филолог, историк, педагог, переводчик; получил образование в Лазаревском институте и Московском университете, работал в Лазаревском институте, был директором 5-й московской гимназии, профессором Лазаревского института; автор учебных пособий, научных исследований и переводов.

Эрзерум, Арзрум, армянский город близ истоков Евфрата на высоте 1965 м над уровнем моря; на месте древнеармянского города Карин. Получил новое название после того, как персы разрушили (1047) соседний армянский город Ардэн, жители которого бежали в Карин, который вскоре начал называться Ардэн Рум. С 1828 был в составе России, но по Андрианопольскому договору (1829) был возвращен султану; вновь перешел к России в 1878 (по Сан-Стефанскому миру) и возвращен Турции (по Берлинскому трактату, 1878).

Эфиальт, сын Эвридема, изменнически указавший персам обход в Фермопильском ущелье, вследствие чего Леонид со своими спартанцами погиб; имя это имеет нарицательное значение изменника.

Юлиан (331—363), римский император (361—363), был прозван христианами писателями «Отступником» за попытки возродить язычество; император Юлиан одна из спорных фигур мировой истории.

Юстиниан Великий (483—565), византийский император (527—565), достиг значительных территориальных приращений, ведя стабильную политику, придавая войнам характер крестовых походов и имея таких выдающихся полководцев и политиков, как Иоанн Каппадокийский, Велисарий и Нарсес (армянин по происхождению).

Юсуфян, Погос (1768—1844), египетский государственный деятель, армянин по происхождению, занимавший очень высокие посты при Мухаммеде Али.

Яксарт, древнегреческое название реки Сыр-Дарья; в средние века она была известна под арабским названием Сейхун.

А. АСЛАНЯН

МАГДА НЕЙМАН

АРМЯНЕ

Редактор А. М. Налбандян

Художественный редактор С. С. Милитонян

Технический редактор В. Л. Балакова

Контрольный корректор И. Р. Маркрян

Сдано в набор 13.04.1990 г. Подписано к печати 18.06.1990 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная, гарнитура журнальная
рубленая. Печать высокая, усл. печ. л. 13,3, изд. л. 16,7.
Заказ 1307. Тираж 50.000. Цена 5 руб.

Кооператив «Маштоц»

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегаларта Госкомитета Арм.
ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ереван-9, ул. Теряна, 91.